

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 1(133)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург); председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkевич A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 От главного редактора

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 **МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Современность и традиция в российской геополитике.
(Статья первая)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 20 **СУЛТАНОВ Ш. М.**
Геополитика Центральной Азии: от противостояния
и минирования границ к восстановлению сотрудничества
и стратегическому партнерству
- 27 **КОГУТ В. Г., НУРЫШЕВ Г. Н.**
Форумы регионов Беларуси и России — фундамент союзного
строительства
- 35 **МАЛЬКЕВИЧ А. А.**
Роль социальных сетей в протестном политическом участии
граждан
- 43 **ШТРИКОВ С. А.**
Стратегические ориентиры государственной коммуникационной политики
в информационном обществе

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 56 **ЛИПАТОВА Л. Н., ГРАДУСОВА В. Н.**
Миграция населения в контексте экономической безопасности
и социальной стабильности
- 73 **ЦАЦУЛИН А. Н.**
Об одном методе принятия управленческих решений в рыночных
стратегиях продвижения бренда операторами мобильной связи
(продолжение)

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 87 **АЛИЕВ У. А.**
Влияние оплаты труда на напряженность в системе социально-трудовых
отношений

A LINEA

- 93 **ДУДОВЦЕВА Ю. В.**
Стратегический анализ трендов на рынке труда старшего
поколения

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 104** **НОВИКОВА И. Н., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Рецензия на сборник статей: Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко)

ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

- 108** Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2019 г.

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor**

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10 NIKOLAY M. MEZHEVICH , VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (First Article)

POLICY AND LAWFUL STATE

- 20 SHUKHRAT M. SULTANOV**
Geopolitics of Central Asia: From Confrontation and Mined Borders to Restoration of Cooperation and Strategic Partnership
- 27 VICTOR G. KOGUT , GENNADY N. NURYSHEV**
Forums of the Regions of Belarus and Russia — the Foundation of the Union Construction
- 35 ALEXANDER A. MALKEVICH**
The Role of Social Media in Protest Political Participation of Citizens
- 43 SERGEI A. SHTRIKOV**
Strategic Guidelines for the Development of the Public Authorities Communication Policy in the Information Society

POWER AND ECONOMY

- 56 LYUDMILA N. LIPATOVA, VALENTINA N. GRADUSOVA**
Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability
- 73 ALEXANDER N. TSATSULIN**
On One Method of Making Management Decisions in Market Strategies of Brand Promotion by Mobile Operators (Continuation)

SOCIETY AND REFORMS

- 87 ULVI A. ALIEV**
Impact of Wages on Tensions in Social and Labor Relations

A LINEA

- 93 YULIA V. DUDOVITSEVA**
Strategic Analysis of Trends in the Labor Market for Older Workers

ANNUAL CONTENT

- 104** **IRINA N. NOVIKOVA, NIKOLAI M. MEZHEVICH**
Social and Political Risks in Conditions of a New World Order Formation : (to
the 110th Anniversary of the Birth of A. A. Gromyko)

ANNUAL CONTENT

- 108** **Content of the Journal "Administrative Consultation" for 2019**

От главного редактора

Завершился Всемирный экономический форум в швейцарской деревне Давос. На юбилейный 50-й форум собрались почти 5 тыс. политиков, представителей международных организаций и частных компаний из 117 разных стран мира.

Оценка этого мероприятия в России неоднократно менялась. Представители российской элиты в начале девяностых годов прошлого века ездили туда с энтузиазмом, который ранее встречался только у провинциальных делегатов очередного Съезда КПСС. Мощные российские делегации в соответствии со старой традицией приезжали себя показать и людей посмотреть. За 30 лет эта задача была с успехом решена. Полезность уроков Давоса для России достаточно сомнительна. Российская версия экономики обладает ярко выраженной спецификой отличия от мирового, точнее, атлантического тренда, очевидной всем.

Давос создавался как неформальная площадка, которая со временем получилась вполне формализованной. Воз-

ник узнаваемый профиль международного института, где обсуждаются наиболее значимые проблемы глобальной экономики и политики.

Последний, юбилейный форум не стал исключением. Как и более старые структуры, к примеру, Римский клуб, коллективный Давос научился тестировать проблемы, причем практически безошибочно. Посмотрим на специальный доклад к юбилейному форуму — The 50th anniversary of the World Economic Forum. Special Report Shaping a Multiconceptual World 2020 (переведем как «Формируя многоконцептуальный мир»). В докладе объединены в буквальном смысле все вопросы современной повестки дня. Принципиально спорить с документом можно фактически только по одному вопросу. Указание на российский реваншизм следует отнести к классическому диагнозу евроатлантического сообщества — русофобии. Этот диагноз лечению, видимо, не подлежит, а в остальном проблемы в специальном докладе структурированы достаточно четко. Рассмотрим их вслед за авторами специального доклада.

Вновь звучит признание возврата геополитики, скорее в вульгарной, а не теоретико-методологической версии. Все авторы соглашаются с тем, что мир стоит на пороге новой эры — появляются новые центры силы, новые альянсы и, закономерно, новое соперничество, что оказывает давление на сохраняющиеся глобальные институты, управляющие глобальной торговлей и безопасностью.

Экспансию геополитики можно увидеть в ряде областей — экономической, экологической, технологической, но объясняется это тем, что мир становится еще

более взаимосвязанным с точки зрения потоков информации, капитала и людей, государства будут больше полагаться друг на друга в достижении положительных результатов для себя и мирового сообщества.

Общим местом стала фиксация нарушений/разрушения международного порядка, а указание на экономические и технологические изменения последних трех десятилетий подтверждают моменты реальной опасности в международных делах.

Отметим и указание на общественные, секторальные, институциональные проблемы с правами человека в большинстве регионов мира.

Как угрозы мира отмечены «американский односторонний подход, британский изоляционизм, китайский экспансионизм и русский реваншизм». На пути у этих вызовов должен встать «гарант стабильности в предстоящий период — западное единство и углубление, а не ослабление структуры альянса»; примем к сведению, что под альянсом имеется в виду ЕС.

Далее отмечено, что сотрудничество с другими демократиями укрепит позиции воображаемого «Запада». Запад должен укрепить связи с Индией, а также с Мексикой, чьи «технологии и инфраструктурные сети могут быть стратегическим резервом Запада».

В докладах, в том числе и представителя России Ф. Лукьянова, много говорилось о мультикультурализме в неконтролируемом мире. Многосторонность, скорее всего, будет означать специальные (ситуационные) коалиции стран, заинтересованных в решении определенной проблемы. Общим местом стало указание на кризис традиционной многосторонней дипломатии.

В качестве серьезной проблемы обозначено управление (?) растущим влиянием национализма, поставлена под сомнение идея концентрации государственности вокруг этнической идентичности, при этом национальные идентичности не могут и не должны быть уничтожены. «Сегодняшний риск возобновления роста национальной мифологии без инклюзивных форм национального и международного управления является серьезным».

Практически все докладчики указали на вызовы цифровой эпохи. Поставлен вопрос о роли цифровых технологий в геополитике. Каждое технологическое превосходство на поле битвы (или вне ее) рано или поздно будет смягчено контрмерами.

Сделана попытка через глобальное потепление объяснить буквально все, включая кризис беженцев. Победитель гонки за зеленые технологии получит огромный экономический и геополитический выигрыш. Изменение климата и его последствия непредсказуемы, и это добавит еще один значительный уровень сложности к развитию будущего геополитического баланса.

Можно долго перечислять поднятые вопросы, важно другое. Давос в очередной раз не дал ответов на поставленные вопросы.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Современность и традиция в российской геополитике

(Статья первая)

Межевич Н. М.¹, Шамахов В. А.^{2, *}

¹Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Современная геополитика в России пострадала от абсолютизации ее возможностей в 90-е годы прошлого века. Причины очевидны. Запретный в СССР плод был сладок. Затем, в XXI веке внимание к классическим геополитическим исследованиям резко упало. Положение России в современной геополитической системе координат постепенно меняется. Распад 90-х не был преодолен полностью, это и невозможно, однако Россия предприняла меры к укреплению своих границ.

Изучение российской геополитики предполагает историко-географический анализ. Некоторые геополитические проблемы России обладают удивительной устойчивостью, а вызовы, которые стоят перед нашей страной, обладают удивительной устойчивостью.

Ключевые слова: геополитика, Россия, Европа, Запад, территориальное переустройство, внешние вызовы

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А. Современность и традиция в российской геополитике (Статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 10–19.

Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (First Article)

Nikolay M. Mezhevich¹, Vladimir A. Shamakhov^{2, *}

¹Institute of Europe of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

Modern geopolitics in Russia suffered from the absolutism of its capabilities in the 1990s. The reasons are obvious. Forbidden fruit in the USSR was sweet. Then, in the 21st century, attention to classical geopolitical research fell sharply. Russia's position in the modern geopolitical coordinate system is gradually changing. The collapse of the 1990s has not been completely overcome, it is impossible, but Russia has taken measures to strengthen its borders.

The study of Russian geopolitical involves historical and geographical analysis. Some of Russia's geopolitical problems have amazing resilience, and the challenges facing our country have amazing resilience.

Keywords: geopolitics, Russia, Europe, West, territorial reconstruction, external challenges

For citing: Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (First Article) // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 10–19.

Изучение геополитики России — процесс бесконечный во времени. Кажущаяся изученность в конкретный момент времени уходит в связи с изменением самого географического положения. При этом интерес Запада к России, на наш взгляд, объективен и исходит из многих причин. Прежде всего, Россия рассматривается Западом как нескудеющая кладовая — «богатство Запада должно

прирастать Россией», так можно определить политику наших атлантических соседей, перефразируя известное выражение М. В. Ломоносова. На наш взгляд, большой интерес к России со стороны наших партнеров заключается в ее геополитическом положении и ресурсах. Так как геополитически Россия занимает центральную позицию на карте мира и обладает ключевым его регионом — сердцевиной Земли, или, в терминологии геополитики, хартлендом, который вписывается в огромный четырехугольник, ограниченный Каспием, Байкалом с юга и арктическими морями на севере. Эта особенность России, на наш взгляд, по сей день не теряет свою значимость. Кроме того, следует отметить, что большинство известных геополитиков в своих геополитических схемах определили миссию России. Она состоит в том, что ей волею судеб отведена роль держателя равновесия между Восточной и Западной цивилизациями. При этом и с Запада, и с Востока всегда находились желающие переустроить российское пространство.

Об этом предупреждал еще Д. И. Менделеев, основываясь на опыте русско-японской войны 1904 г. «Необходимость же недалеко предстоящего напора на нас с разных сторон видна, по мне, уже из того, что у нас на каждого жителя... приходится в два раза более земли, что для всего остального человечества... если же принять во внимание лишь наших непосредственных соседей, то еще в большей пропорции... Войны же (как и переселения) ведут прежде всего из-за обладания землей, т. е. чаще всего сообразно с теснотой населения. Так ветер идет из мест большего давления в места с меньшим давлением... Поэтому-то нам загодя надо, во-первых, устраивать так свои достатки и все внутренние порядки, всю частную жизнь, чтобы размножаться быстрее своих соседей и всего человечества, а, во-вторых, нам необходимо, помимо всего, быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор, т. е. быть страной, быстро возвышающей свои достатки всемерно (как земледельцы, как промышленники и как торговцы), пользующеюся богатствами и условиями своей земли, блюдущею внутренний свой порядок и внешний мир...» [12, с. 216–217].

Новая геополитическая ситуация России неизбежно приводит к формированию нового поля внешнеполитических интересов государства, которые имеют объективный характер [14]. Следует отметить, что за время существования русского национального государства, имевшего в разные периоды своей истории различные самоназвания (Московская Русь, Русское царство, Российская империя, СССР), его территория постоянно изменялась в размерах, то увеличиваясь (достигнув максимума перед Первой мировой войной), то сокращаясь. Соответственно изменению границ изменялось и геополитическое положение государства, и, как следствие, — приоритетные направления его внешней политики.

Рассмотрение карты Российской Федерации в существующих ныне границах показывает преемственность границ. На этих рубежах Русское государство уже существовало в конце XVI — первой половине XVII в. Совпадение конфигурации границ Российской Федерации и Русского царства 400-летней давности (особенно в Европейской части России) является весьма значительным. Конечно, тождественность геополитического положения России конца XX в. и России XVI–XVII вв. является сомнительной. Но геополитические характеристики России позволяют говорить об определенной преемственности внешнеполитических интересов нашего государства. Рассмотрим для этого основные геополитические факторы, определившие политику России XVI–XVII вв. Такими факторами в XIII–XIV вв. являлись следующие.

1. Отсутствие у России надежных выходов к Черному и Балтийскому морям и, как следствие этого, отсутствие военного и торгового флотов, ограниченные возможности для внешней торговли.

2. Проживание значительной части русского (православного) населения в сопредельных с Россией странах, где оно подвергалось национально-культурной, языковой и правовой дискриминации со стороны государства проживания. Это относилось, прежде всего, к положению русского населения Белой и Малой Руси (Украины) в составе Речи Посполитой.

Усиление возможностей России означало формирование трех взаимосвязанных сфер российского продвижения в Европу:

- 1) на северо-западе — обеспечение выхода к Балтийскому побережью привело, кроме прочего, к конфликту со Швецией с Польшей;
- 2) на западе — захват Украины и других земель к западу, включая Польшу;
- 3) на южном и юго-западном направлениях — соперничество с Османской империей, а после ее распада — с Австро-Венгрией [11, с. 97–98].

Следует отметить, что в значительной степени расширение российского пространства означало ответ на экспансию Польши, Литвы, Ордена.

Из вышеизложенного можно делать вывод, что учет геополитических факторов особенно важен сейчас для России. Это связано со следующими моментами.

Во-первых, Российская Федерация унаследовала от СССР роль великой мировой державы. Однако возможности ее существенно отличаются. Достаточно сопоставить такие показатели, как географическое положение, климат, почвенные и другие природные условия, плотность населения, уровень развития инфраструктуры и т. д.

Во-вторых, произошли и фундаментальные подвижки в безопасности государства: экономической, социальной, правовой.

В-третьих, хотя понятие «геополитика России» и появилось 30–35 лет назад, его научное осмысление продолжает быть актуальным и постепенно изменяется. Объясняется это глубокими изменениями — переходом отдельных регионов от состояния разрозненности к единому, взаимосвязанному, стабильному в территориальном плане Российскому государству.

В-четвертых, взаимозависимость и интеграция государств не позволяют рассматривать проблему безопасности в границах только одной страны. Ее следует изучать с точки зрения глобальной безопасности.

В-пятых, геополитическое положение России сегодня очень привлекательно не только для наших соседей. Существует исторический аспект проблемы. Величина и возможности России всегда не вписывались в «европейскую схему». Услугами России пользовались для наведения порядка и для преодоления очередных экономических трудностей в Европе, не допуская при этом даже мысли о равноправном сотрудничестве. Эта тенденция стала определяющей и во втором десятилетии XXI в.

Распад Советского Союза привел к принципиальному пересмотру точек зрения на обеспечение национальной безопасности государства. Новое экономическое, политическое и географическое положение России как государства-правопреемника нуждается в определенном осмыслении. Следует отметить, что целый ряд экономических, военных, политических задач, стоявших перед Российской империей и СССР, оказался как бы «унаследованным» современной Россией. При этом государство и его соответствующие институты были вынуждены взять на себя обеспечение интересов страны даже в том случае, если экономические, политические и географические возможности для этого существенно уменьшились [15].

Оценивая роль пространственного фактора, следует учитывать, что последнее столетие российской истории в этом контексте подтверждает прежнюю тенденцию. Годы советской власти, в контексте пространственного развития, и с точки зрения влияния территориального фактора на развитие общества являются развитием прежней исторической тенденции. Г. М. Маленков, подводя геополитические итоги развития страны, подчеркивал: «Никогда на протяжении всей своей истории наша

Родина не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Взгляните на карту. На Западе — Украина собрала в одну семью весь свой украинский народ. Устранена историческая несправедливость в отношении границ Белоруссии и Молдавии. На Западе нет больше Восточной Пруссии — этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину. Несколько севернее вполне прочно обозначились новые границы в интересах укрепления обороны Ленинграда. На Дальнем Востоке по-новому, в интересах безопасности нашей Родины, выступает гряда Курильских островов, а Сахалин, восстановленный полностью, как целое, играет большую роль в защите Советского Союза, чем его половина» [9, с. 5–6]. Формальное осуждение геополитики сопровождалось признанием роли территориального фактора и государственных границ в жизни страны. Рассмотрение эволюции внешних государственных границ не входит в круг задач, поставленных перед собой авторами, но отдельные вопросы, связанные с геополитическими концепциями прошлого и настоящего, рассмотреть необходимо.

В историческом плане первые концепции ликвидации Российского государства появились еще до его возникновения. Вставшее на пути татаро-монгольских завоевателей Русское государство в качестве благодарности от той цивилизации, которую мы теперь называем западноевропейской, получило крестовый поход против «русских схизматиков», организованный Тевтонским орденом, а затем в 1255 г. Папа Римский Александр IV дарует право на завоевание Руси литовскому королю. Закономерно, что возникновение централизованного Русского государства, а затем и Российской империи не могло не вызвать соответствующей реакции в Европе. Все немецкие (и большинство иных) концепции расчленения России базируются на старой идее прусского короля Густава Адольфа — запретить Россию в лесостепном территориальном и континентальном блоке.

В XVII–XVIII вв. бескрайняя Российская империя просто сводила с ума маркграфов, королей и великих князей раздробленной Центральной Европы и Германии. Соблазн «жизненного пространства» определял политику и мысли правителей, все государство которых можно было окинуть взглядом с главной дворцовой башни. Объединение Германии, проведенное «железным канцлером» Бисмарком, создало определенные практические возможности для развития германской экспансии на восток. При этом сам канцлер Бисмарк, как правило, возражал против (еще довольно редких в тот период) пожеланий присоединения частей России к Германии (Пруссии). Есть сведения, что он в 1867 г. сказал редактору петербургской немецкой газеты: «Что же могла бы нам дать эта длинная, выдвинутая вперед полоса... без хинтерланда — ничтожно малая величина (ein Nichts), в обмен на которую мы получили бы вечную вражду России» В 1872 г. Бисмарк заявил, что он «не принял бы Прибалтику даже в том случае, если бы Россия сделала ему такой подарок» [6, с. 219]. Если на первом этапе «Дранг нах Остен» должен был обеспечить гегемонию над народами Центральной и Юго-Восточной Европы, то в дальнейшем столкновение российских и германских интересов становилось неизбежным. Уже в 1895 г. немецкий журнал «Альдейче Блеттер» писал: «Рукопожатие немцев и турок состоится на юге России». По замыслу автора «Сверхвеликая Германия» должна была включать Литву, Польшу, Прибалтику, Волынь, Подолию, Крым. На остальных территориях планировалось создать небольшие государства под германским протекторатом. Следует отметить, что турецкие шовинисты, разделяя немецкие концепции, несколько иначе видели территориальное переустройство России. Крым, Кавказ, долина Волги и Камы должны были войти в состав «Великого Турана». По мнению английского историка В.В. Готлиба, подобная позиция Турции сыграла важную роль в разжигании Первой мировой войны [3, с. 41].

В 1906 г. в журнале «Цукунфт» немецкий публицист М. Гарден призвал «терпеливо выжидать, распадается ли Россия на республики...» [6, с. 222]. При этом

особо хотелось бы подчеркнуть важность неуклонных попыток Германии добиться построения России по федеральному принципу.

С началом Первой мировой войны концепции переустройства Российской империи выходят на новый уровень. Как правило, уже ставятся задачи добиться распада России с помощью военной силы, а не пассивно его ожидать. В подготовленном в 1915 г. меморандуме Балтийского доверенного совета (группа немцев-эмигрантов из Эстонии, иммигрантов из Эстляндской и Лифляндской губерний) указывалось: «Линия Нарва — Чудское озеро» является границей, обеспечивающей военную безопасность Германии». Предполагалось, что такая граница создает угрозу Петербургу, «что в свою очередь вызовет его эвакуацию и перенос столицы, а соответственно и административный распад России» [4, с. 235]. Обращает на себя внимание, что данный прогноз был практически полностью реализован.

По мнению депутата Рейхстага М. Эрцбергера, основным условием германской гегемонии было бы отделение нерусских народов западных провинций России и создание «автономных государств по дуге от Балтики до Черного моря, причем все они должны были быть связаны с Германией таможенным союзом» [4, с. 47]. Следует отметить, что подобные проекты составлялись не только учеными, публицистами или даже депутатами. Планы федерализации России являлись важнейшей составной частью государственной внешней политики Германской империи и составлялись высшими руководителями МИДа, Генерального штаба, первыми лицами государства. Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал послу в Вене фон Чиршки: «...в случае победоносного исхода войны необходимо образование нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы отодвинуть Россию как можно дальше на восток» [4, с. 196]. Данный подход получил закономерное воплощение в Брестском договоре 1918 г.

Возникшие на обломках империи новые национальные государства — Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония — предполагали, что переустройство Европы, свершившееся после Второй мировой войны, является окончательным и бесповоротным. Единственной угрозой, по мнению руководителей этих государств, для них являлась Советская Россия. Ошибкой здесь являлось то, что Германский геополитический интерес понимался только как расчленение России. Между тем, еще в 1915 г. известный немецкий военный деятель, впоследствии командующий рейхсвером Г. Сект писал: «Эта война, возможно, будет нам стоить миллиона человеческих жизней... Но что это значит по сравнению с возможностью изгнать 20 млн человек... таких как евреи, поляки, мазуры, литовцы, латыши, эстонцы и другие?» [21, р. 191–192].

В это время и возник меморандум немецкого военного и политика генерала Э. Людендорфа «Цели германской политики», который является важнейшим документом, где наиболее полно отражены планы германских захватов в Восточной Европе. В меморандуме Э. Людендорфа указывалось, что прорыв «железного кольца» Антанты может быть осуществлен в случае, если Россия в политическом, экономическом и военном отношениях окажется полностью зависимой от Германии и превратится в источник ее экономической силы и политической мощи. Таким путем Германия сможет обеспечить себе господствующее положение в Европе, заложить основы европейско-азиатского блока и занять положение мировой державы, которая могла бы стать противовесом панамериканскому и британскому блокам. По плану Людендорфа Финляндия, Прибалтика, Литва, Польша, Украина и Грузия должны были быть окончательно отделены от России, в остальной ее части — конечно, после свержения большевизма! — должно быть создано федеративное государственное образование при условии его тесной экономической связи с Германией [8, с. 98–102].

В 1917–1918 гг. количество любителей перекраивать русские географические карты существенно возросло. С 1917 г. вопросы федерализации России обсуждались

не только Германией и Австро-Венгрией — противниками России, но и Англией, Францией, США. Английский посол во Франции лорд Берти писал в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась... Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д. сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку» [1, с. 191]. Аналогичный принцип расчленения России предлагался и премьер-министром Франции Ж. Клемансо, особо подчеркивавшим необходимость создания лимитрофов и включения их в орбиту Антанты. Незначительно отличался и американский подход. Обсуждая вопрос о представительстве России на мирной конференции, президент США В. Вильсон запрашивал госсекретаря Р. Лансинга: «... осуществимо ли с точки зрения нынешнего расчленения России на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину — дать России представительство на конференции?..» [18, с. 67]. Официальная позиция США по вопросу о федерализации России была закреплена и в известном комментарии к «14 пунктам» (предложениям американской делегации на Парижской мирной конференции). В п. 6 того документа указывалось: «Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему:

1. Признание временных правительств.

2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства»¹.

Возникновение цепи зависимых государств от Балтики до Черного моря несколько изменило общую направленность военно-политических концепций расчленения России. Теперь сначала ставилась задача обеспечения контроля над уже существующими лимитрофами, а затем предполагалось решить главную задачу — территориальное переустройство России (СССР). Идея «двух линий» санитарного кордона активно обсуждалась уже на Парижской мирной конференции, а попытки ее реализации продолжались в разных вариантах вплоть до 1939 г. Согласно этой концепции, первая линия должна была включать Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, а вторая состоять из «антирусских государств, тянущихся от Финского залива через Таллин к Каспийскому морю, Тбилиси и Баку» [22, р. 127]. В результате обозначилась печальная преемственность задач — советские наследовали имперским. «Накануне Второй мировой войны Москва решала те самые проблемы — „финскую“, „польскую“, „прибалтийскую“, „бессарабскую“, которые за 20 лет до этого были созданы западными державами в Версале. „Дорожка“ к пакту Молотова — Риббентропа в немалой степени „прокладывалась“ недалновидной политикой прежде всего Великобритании и Франции, в качестве победителей в Мировой войне стремившихся не допустить восстановления силы двух государств, до августа 1914 г. входивших в число великих держав, вершивших судьбы Европы и мира» [7, с. 29].

Большую роль в провоцировании новых конфликтов сыграла Польша. В Польше идея «Третьей Европы», т. е. союза мелких государств под польским главенством была очень популярна практически до осени 1939 г. По мнению английской исследовательницы З. Коэтс, «сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 года были заняты тем, что постоянно планировали и разрабатывали варианты:

а) расчленения СССР;

б) создания блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы» [20, р. 127].

Было бы, однако, ошибкой предположить, что именно Польша являлась главным генератором идей расчленения России, тем более несерьезно предположение

¹ Архив полковника Хауза. Т. 4. Москва, 1944. С. 157.

о возможности решения поляками этого вопроса с помощью военной силы. Гораздо более сильной и значимой и в значительной степени реализованной к июню 1941 г. была немецкая концепция «Серединной Европы». Согласно этой концепции, в Европе должно было существовать огромное государство немцев (сверхвеликая Германия), окруженное незначительными и ослабленными протекторатами и полувисимыми территориями. 20 июня 1941 г. министр «Восточного министерства», созданного, как известно, для нарезки новых государств на месте СССР и управления ими, заявил: «СССР перестанет быть субъектом европейской политики и превратится в объект немецкой мировой политики» [13, с. 97]. В соответствии с этими планами прибалтийские государства планировалось превратить в объекты германской колонизации, а Белоруссию, Украину и Туркестан сделать буферными государствами, существенно отодвинутыми на восток границами. На Кавказе планировалось создать протекторат. В ходе реализации этих планов Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия были включены в состав Рейхскомиссариата Остланд. Названия «Литва», «Эстония», «Латвия», «Белоруссия» были заменены словом *бецирк* — округ. После оккупации Белоруссия была превращена в Белорусский генералбецирк. Белостокская и Гродненская области Белоруссии были присоединены к Восточной Пруссии. Полесье — к рейхскомиссариату Украины. К белорусскому бецирку были присоединены Смоленская и часть Брянской области.

Победа СССР во Второй мировой войне поставила крест на фашистских планах мирового господства и уничтожения России. Успешное последовательное строительство, достижение военно-стратегического паритета с США положили конец планам и концепциям переустройства России — СССР с помощью военной силы. Именно в этот период для достижения стратегической задачи стали активно использовать новые средства, в частности, сделана ставка на обострение межнациональных отношений в СССР, как наиболее перспективный путь его скорейшего распада. Характерно, что большинство американских специалистов и политиков, причастных к этой проблематике, считали это направление наиболее перспективным. З. Бжезинский в своей работе «Агония коммунизма» отмечает: «марксизм-ленинизм не превидел и не учел тех фундаментальных сил, которые формируют международную ситуацию... Он недооценил роль этноса и национализма» [2, с. 269]. Американский исследователь-эмигрант Л. Добрянский подчеркивал экономический аспект проблемы, считая целесообразным поощрение национализма на территории СССР с той точки зрения, что основные богатства России не находятся в зонах проживания русских. «Большинство ресурсов СССР сосредоточено в нерусских областях: сельское хозяйство на Украине, Туркестане и Грузии, уголь на Украине и в Туркестане, нефть в Азербайджане и Идель-Урале, 90% марганца в Грузии и Украине, железная руда на Кавказе и Украине» [5, с. 242]. Однако не борьба с коммунизмом, а борьба с СССР стала главной задачей США.

В 1986 г. была опубликована программная работа З. Бжезинского «План игры. Геостратегические рамки американско-советского соревнования» В этом труде, венчающем американскую геополитику послевоенного времени, были намечены основные задачи и пути их реализации «Децентрализовать империю — значит распустить ее... Более мощное национальное самоопределение внутри СССР неизбежно ослабит как внешний великорусский имперский импульс, так и внутреннюю концентрацию власти в Москве. Возможно, за этим последует роспуск великорусской империи» [19, р. 236]. Комментировать подобное откровенное заявление, сделанное уже в период перестройки, не столько сложно, сколько нет необходимости.

В настоящее время мы можем отметить, что геополитические концепции распада России реализованы, по крайней мере, наполовину, в части, касающейся ликвидации (самоликвидации) СССР. Как указывает американский публицист П. Швейцер в сво-

ей работе с символическим названием «Победа», «В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, — вспоминает Каспар Уайнбергер (глава Пентагона — *Н. М., В. Ш.*), — была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств». Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже вглубь самой Страны Советов» [17, с. 13].

В результате распада СССР в Восточной Европе возник целый ряд новых независимых государств. Западными соседями России на всем протяжении ее рубежей от Черного до Балтийского морей оказались Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония, не имевшие ранее, за исключением кратковременных периодов, собственной государственности или, по крайней мере, продолжительного опыта ее строительства в качестве самостоятельных субъектов международных отношений. Примечательно, что даже границы этих бывших союзных республик не сложились исторически, а были установлены в советское время сверху административным путем. Следствием этого, в некоторой степени, явилась и особая ситуация вокруг Калининградской области, оказавшейся значительно удаленным от основной территории российский анклавом, граничащим с Литвой и Польшей.

Одним из основных факторов политического развития Восточной Европы в настоящее время может стать идея нового балтийско-черноморского фланга Северо-Атлантического альянса [10]. При этом прежние модели сотрудничества оказались неосуществленными в связи с возникновением союза Белоруссии и России [16].

Подведем итоги. Изменение геополитического положения страны служит достаточным основанием для того, чтобы постоянно возвращаться к его академическому анализу. Качественное изменение защищенности Калининграда, создание Союзного государства и возвращение Крыма частично сняли остроту тех вызовов, которые стояли перед Россией в 1991 г. Многочисленные доклады RAND Corporation¹ свидетельствуют о том, что геополитические подходы активно применяются нашими оппонентами, помогают им изучать Россию. Не отрицая иные научные возможности и подходы, укажем на то, что классический геополитический анализ прошел проверку временем, стал элементом научной традиции, идущей от Ломоносова и Менделеева к современным академическим исследованиям.

Литература

1. Берти А. За кулисами Антанты. М.-Л., 1927.
2. Бжезинский З. Агония коммунизма // Квинтэссенция : филос. альманах / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М., 1990.
3. Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. Москва, 1960.
4. «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. Москва, 1977.
5. Емельянов Ю. Большая игра : Ставки сепаратистов и судьбы народов. Москва, 1990.
6. Крупников П. Я. Политика германского империализма в Прибалтике в начале XX в. // Исследования по истории германского империализма начала XX века. Москва, 1987.
7. Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос» в 1919–1920 годах: решения Версальской мирной конференции и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15–29.
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 2. Москва, 1924.

¹Американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, вооруженных сил и связанных с ними организаций.

9. *Маленков Г. М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Госполитиздат, 1949.
10. *Межевич Н. М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.
11. *Межевич Н. М.* Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2014. № 3. С. 95–106.
12. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. Москва, 1995.
13. «Совершенно секретно! Только для командования». Планы фашистской Германии в войне против СССР. Москва, 1967.
14. *Шамахов В. А., Балашов А. И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 22–30.
15. *Шамахов В. А., Кириленко В. П., Ковалев А. А.* Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и общество. 2018. № 10. С. 43–52.
16. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Внешнеполитическое сотрудничество в практиках союзного государства и вызовы международной политики // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 11–18.
17. *Швейцер П.* Победа. Минск, 1995.
18. *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). Москва, 1949.
19. *Brzezinski Z.* Game plan. Geostrategic Framework for the conduct of US — Soviet contest. Boston, 1986.
20. *Coates Z. K.* Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
21. *Hilger G., Meyer A. G.* The Incompatible Allies: a Memoir — History of German-Soviet Relations, 1918–1941. New York, 1953.
22. *Karski J.* The great powers and Poland 1939–1945. From Versailles to Jalta. Lonham — New York, 1985.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru
Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Bertie F. The diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. M.-L., 1927.
2. Brzezinski Z. Agony of Communism // Quintessence: Philosophy almanac / collection of V.I. Mudragey, V.I. Usanov. Moscow, 1990.
3. Gotlib V.V. Secret diplomacy during World War I. Moscow, 1960.
4. “Drang nach osten” and the peoples of Central, Eastern and South-Eastern Europe. 1871–1918. Moscow, 1977.
5. Emelyanov Yu. Big game: the stakes of separatists and the fate of peoples. Moscow, 1990.
6. Krupnikov P. Ya. The policy of German imperialism in the Baltics in the early 20th century // Studies on the history of German imperialism in the early 20th century. Moscow, 1987.
7. Listikov S. V. Great Powers and the “Russian Question” in 1919–1920: Decisions of the Versailles Peace Conference and Their Consequences // Russian History [Rossiiskaya istoriya]. 2011. N 5. P. 15–29.
8. Ludendorf E. My memories of the war 1914–1918. Vol. 2. Moscow, 1924.
9. Malenkov G. M. 32nd anniversary of the Great October Socialist Revolution. M. : Gospolitizdat, 1949.
10. Mezhevich N. M. Eastern Europe. On the Centenary of the political project // Baltic region [Baltiiskii region]. 2016. Т. 8, N 1. P. 26–47.
11. Mezhevich N. M. Identity and borders: topical issues of the theory and reality of east part of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2014. N 3. P. 95–106.
12. Mendeleev D. I. Cherished thoughts. Moscow, 1995.
13. “Top secret! Only for command”. Plans for fascist Germany in the war against the USSR. Moscow, 1967.

14. Shamakhov V.A., Balashov A.I. New geopolitical reality and its influence on the strategy of economic and social development of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 22–30.
15. Shamakhov V.A., Kirilenko V.P., Kovalev A. A. Security of modern Europe: between aspirations and reality // Politics and society [Politika i obshchestvo]. 2018. N 10. P. 43–52.
16. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Foreign Policy Cooperation in the Practices of the Union State and Challenges of International Policy // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 10. P. 11–18.
17. Schweitzer P. Victory. Minsk, 1995.
18. Shtein B. E. "Russian Question" at the Paris Peace Conference (1919–1920). Moscow, 1949.
19. Brzezinski Z. Game plan. Geostrategic Framework for the conduct of US — Soviet contest. Boston, 1986.
20. Coates Z. K. Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
21. Hilger G., Meyer A. G. The Incompatible Allies: a Memoir — History of German-Soviet Relations, 1918–1941. New York, 1953.
22. Karski J. The great powers and Poland 1939–1945. From Versailles to Jalta. Lonham — New York, 1985.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-a@ranepa.ru

Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству

Султанов Ш. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; sulthm@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются вопросы геополитики Центральной Азии, состояние и перспективы сотрудничества стран региона. Понадобилось достаточно времени и чрезмерное проявление интереса к региону со стороны крупных держав — КНР, США, ЕС, Турции, Ирана для того, чтобы Россия пересмотрела свою политику в Центральной Азии. А что же касается взаимоотношений между государствами внутри самого региона, то они складывались за прошедший период по-разному: со спадами и подъемами, от партнерских и дружественных до прямого противостояния и минирования границ. некогда братские союзные республики, обретя независимость, занялись не столько проблемами экономики и повышения жизненного уровня своего населения, а в большей степени увлеклись поиском свидетельств и подтверждений особенности собственной истории и культуры, несправедливого в прошлом разделения границ, рядом других спорных вопросов, что, конечно же, далеко не способствовало построению нормальных двусторонних отношений между соседними государствами.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, регион, геополитика, стратегические партнеры, экономические интересы, сотрудничество

Для цитирования: Султанов Ш. М. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 20–26.

Geopolitics of Central Asia: From Confrontation and Mined Borders to Restoration of Cooperation and Strategic Partnership

Shukhrat M. Sultanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; sulthm@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the geopolitics of Central Asia, the state and prospects of cooperation between the countries of the region. It took enough time and excessive attention to the region from the major powers — China, USA, EU, Turkey, Iran in order for Russia to revise its policy in Central Asia. As for the relations between states within the region itself, they have evolved in different ways over the past period: with downturns and ups, from partnership and friendships to direct confrontation and mining of borders. Having a history of being fraternal nations within the same union, after having gained independence, Central Asian states were not so much concerned with the problems of the economy and raising the living standards of their population, but were more interested in looking for evidence of their own history and culture, unfair division of borders in the past, and a number of other controversial issues, which, of course, far from contributing to the construction of normal bilateral relations between neighboring states

Keywords: Russia, Central Asia, region, geopolitics, strategic partners, economic interests, cooperation

For citing: Sultanov Sh. M. Geopolitics of Central Asia: From Confrontation and Mined Borders to Restoration of Cooperation and Strategic Partnership // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 20–26.

Как известно, вслед за распадом бывшего СССР и образованием новых независимых государств, Россия, озабоченная появившимися многими собственными проблемами, не уделяла в своей внешней политике должного внимания взаимодействию с Центральной Азией и ее странами. Понадобилось достаточно времени и чрезмерное проявление интереса к региону со стороны крупных держав — КНР, США, ЕС, Турции, Ирана для того, чтобы российское руководство пересмотрело свою политику в Центральной Азии. В этот период произошло переосмысление важности восстановления и сохранения приоритетных отношений с центральноазиатскими странами и, принимая во внимание особые геополитические интересы России в Центральной Азии, все пять государств региона — Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан стали ее стратегическими партнерами. Во многих вопросах, касающихся международных отношений, решения глобальных проблем, обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом, наркотиками и другими новыми угрозами, страны ЦА имеют близкие и совпадающие с Россией позиции и по ним предпринимаются совместные меры противодействия.

А что касается взаимоотношений между государствами внутри самого региона, то они складывались за прошедший период по-разному: со спадами и подъемами, от партнерских и дружественных до прямого противостояния и минирования границ.

Известная восточная пословица гласит: «Хороший сосед лучше дальнего родственника». Но реалии взаимодействия новых суверенных государств заставляют серьезно усомниться в этом утверждении и задать вопрос: то ли сосед оказался не очень хорош или отношения с ним не так сложились...

Ответ во многом кроется в том, что некогда братские союзные республики, обретя независимость, занялись не столько проблемами экономики и повышения жизненного уровня своего населения, а в большей степени увлеклись поиском свидетельств и подтверждений особенности собственной истории и культуры, несправедливого в прошлом разделения границ, рядом других спорных вопросов, что, конечно же, далеко не способствовало построению нормальных двусторонних отношений между соседними государствами. Тем самым практически перечеркивались многие десятилетия совместной жизни и деятельности на одном советском пространстве, в Союзе, где главными достижениями считались дружба народов и их сплоченность.

Более того, в регионе стало явно проявляться некоторое соперничество за лидерство между двумя историческими протогогемонами в Центральной Азии: Казахстаном и Узбекистаном. Это выражалось в стремлении успешнее осуществить реформы, достичь более высоких экономических, социальных показателей, эффективнее построить свою внешнюю политику, чтобы страна была шире признана в мировом сообществе. Известно, что конкурентоспособность страны состоит из множества характеристик, которые напрямую или косвенно влияют на нее [2]. Но в борьбе за лидерство между двумя крупными государствами региона особую роль занимали тогдашние руководители Казахстана и Узбекистана — Н.А. Назарбаев и И.А. Каримов, каждый со своими политическими амбициями и устремлениями.

Первая попытка стран Центральной Азии объединиться в единую интеграционную структуру — Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС) была принята спустя небольшое время после развала СССР, в апреле 1994 г. Учредителями организации выступили Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, которые подписали Договор о создании единого экономического пространства (ЕЭП), в 1998 г. к нему присоединился Таджикистан¹. Как известно, пятое государство ЦА — Туркменистан — с первых лет обретения независимости занял позицию нейтралитета и предпочтения двустороннего формата в отношениях со странами региона.

¹ Центрально-Азиатское экономическое сообщество [Электронный ресурс]. URL: <http://testhistory.ru/history> (дата обращения: 12.12.2019).

В 2002 г. в целях придания сообществу нового импульса, ЦАЭС было преобразовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). Соответственно, наряду с развитием сотрудничества в экономической и других сферах, были конкретизированы приоритеты: оказание взаимной поддержки в вопросах территориальной целостности государств, предотвращения угрозы их независимости и суверенитету, осуществление согласованной политики в области пограничного и таможенного контроля. Но данная организация действовала недостаточно эффективно и в 2005 г. она была объединена с Евразийским экономическим сообществом¹.

Таким образом, государства Центральной Азии так и не смогли создать отдельной региональной организации, ограничиваясь участием в других интеграционных объединениях — СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, СВДМА и т. д.

Ряд экспертов задаются вопросом, является ли Центральная Азия «регионом». Как известно, одним из основных условий существования регионов является создание и функционирование соответствующих объединяющих институтов и структур. Отсутствие такой региональной организации в ЦА объясняется рядом факторов. Не секрет, что в странах региона нередко проявляются националистические настроения, до сих пор не урегулированы некоторые пограничные проблемы, имеют место экономическая конкуренция, споры относительно вопросов истории, культуры. В то же время необходимость совместного решения таких важных задач, как распределение и совместное использование водных ресурсов, таможенное регулирование, трудовая миграция, борьба с организованной преступностью, терроризмом и наркотрафиком подталкивают страны региона к интеграции и более тесным связям.

Однако, как отмечалось выше, все попытки создать региональные институты, в числе учредителей которых были бы государства Центральной Азии, провалились [1]. По этой причине отношения между государствами региона в большей мере строятся на двусторонней основе.

Мы не ставим целью в небольшой по объему статье полностью рассмотреть историю и всю хронологию двусторонних отношений в Центральной Азии, это особая тема, требующая отдельного исследования. В связи с чем представляется логичным проанализировать взаимодействие государств на примере отношений, которые являются наиболее характерными и заслуживают особого внимания.

К примеру, отношения между двумя близкими соседями: Казахстаном и Кыргызстаном, народы которых были тесно связаны на протяжении веков, имеют много общего в истории, культуре, по сути, одинаковые традиции и обычаи. Более того, оба государства являются членами наиболее интегрированного на постсоветском пространстве объединения Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Учитывая все это, крайне неожиданным и даже сенсационным стало резкое обострение двусторонних отношений в 2017 г., в канун подготовки и проведения очередных президентских выборов в Кыргызстане. В связи с тем, что Н. А. Назарбаев принял одного из кандидатов в президенты Кыргызстана О. Бабанова, кыргызская сторона обвинила своего соседа во вмешательстве во внутренние дела. А. Атамбаев, еще возглавлявший Кыргызстан, резко высказался в адрес казахского руководства, разразился дипломатический скандал, на границе образовались большие заторы большегрузных автомашин, кыргызский парламент принял решение о денонсации соглашения по помощи Казахстана в 100 млн долл. В сложившейся ситуации власти Кыргызстана стали заявлять о неэффективности ЕАЭС и даже о возможном выходе страны из этой организации [3].

¹ Организация Центрально-Азиатского сотрудничества сольется с ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/2005/10/06/last173370.shtml> (дата обращения: 12.12.2019).

Справедливости ради, следует отметить, что с избранием нового президента Сооронбая Жээнбекова были предприняты меры по налаживанию кыргызско-казахстанских отношений.

Совершенно обратный процесс: от противостояния и напряженных отношений к сближению и восстановлению сотрудничества можно проследить на примере двух других государств региона — Таджикистана и Узбекистана. Казалось бы, у соседних народов много общего в историческом, культурном плане, схожие обычаи и традиции. Говоря об этом, нередко приводят высказывание первого президента Узбекистана Ислама Каримова о том, что «узбеки и таджики — один народ, говорящий на двух разных языках»¹. И что парадоксально, именно в период президентства И. Каримова отношения между двумя странами были накалены до предела.

После провала в 1998 г. мятежной операции полковника Худобердыева в Ленинабадской области Таджикистана и его побега в Узбекистан, отношения между двумя соседними государствами резко обострились — обе стороны ввели визовый режим, были разорваны налаженные транспортные связи, отменены прямые авиарейсы, демонтирован участок железной дороги между странами, полностью прекращены поставки узбекского газа в Таджикистан, последовало ухудшение экономических отношений, и соответственно, существенное снижение объема взаимной торговли, стали сокращаться и практически прекратились контакты в сфере науки, культуры и образования, в 2009 г. даже дошло до демонтажа в центре Самарканда совместного памятника таджикскому поэту Абдурахману Джами и узбекскому поэту Алишеру Навои, символизировавшего дружбу двух народов².

В итоге крайнее обострение двусторонних отношений привело к минированию государственной границы между Таджикистаном и Узбекистаном. Согласно официальным данным за эти годы при подрыве на минах погибли 374 человека, еще 485 получили ранения³.

Причинами такого резкого ухудшения отношений между двумя странами, наряду с жестким требованием таджикской стороны о выдаче властям мятежного полковника М. Худобердыева, был ряд других факторов, главным среди которых стало принципиальное возражение и несогласие Узбекистана на продолжение строительства крайне важной для Таджикистана Рогунской ГЭС. Свою позицию официальный Ташкент объяснял опасениями, что возведение мощной плотины ГЭС негативно повлияет на водопользование сельхозгодной страны и нехватка воды может стоить Узбекистану ежегодно 600 млн долл. убытков в сельском хозяйстве⁴. Было заявлено о «несостоятельности проекта» строительства ГЭС (несмотря на то, что его разработал Ташкентский проектный институт), непредсказуемых последствиях эксплуатации ГЭС, что может привести к масштабным засухам, нарушению экологии, распространению болезней и вынужденному переселению миллионов людей, проживающих в нижнем течении Амударьи. Приводился ряд других доводов против строительства ГЭС и по всем этим вопросам власти Узбекистана посчитали необходимым обратиться в ООН с требованием провести экспертизу по безопасности возведения гидроэлектростанции⁵.

¹ Успел за полтора года, или Как Мирзиев изменил отношения с Таджикистаном [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications> (дата обращения: 12.12.2019).

² В Самарканде восстановят памятник Алишеру Навои и Абдурахману Джами [Электронный ресурс]. URL: <https://ozodandishon.org/2018/02/25/> (дата обращения: 12.12.2019).

³ Панфилова В. Ташкент и Душанбе разминируют конфликт от мин на границе [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/20181011/100_tadzikistan111018.html (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ МИД РУ: Рогун может нанести Узбекистану [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tj/ru/news/mid-ru-rogun> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵ Из-за чего двадцать лет ссорились Таджикистан и Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29439020.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Другими не менее важными причинами обострения двусторонних отношений явились:

- блокада узбекской стороной железнодорожного транспорта, перекрытие транзита составов с таджикскими грузами, что нарушило нормальное жизнеобеспечение населения Хатлонской и Горно-Бадахшанской автономной областей Республики Таджикистан, привело к приостановке работы многих предприятий¹;
- прекращение поставок узбекского газа в Таджикистан с ссылкой на необходимость увеличения объемов газа, экспортируемого в Россию и Китай, что в свою очередь создало крайне напряженную ситуацию с обеспечением населения и промышленных объектов Таджикистана природным газом;
- запрет Узбекистаном транзита туркменской электроэнергии через свою территорию в Таджикистан, в связи с чем таджикские власти были вынуждены ввести в зимний период жесткий лимит энергопотребления на всей территории страны.

В силу вышеуказанных и других обстоятельств объем торгового оборота между Таджикистаном и Узбекистаном на протяжении последующих 15 лет постоянно снижался. Если в 1999 г. товарооборот между двумя странами имел максимальное значение — 445,4 млн долл., то в результате обострения отношений к 2015 г. он упал до уровня 12 млн, что означало практическую приостановку взаимной торговли².

Фактической точкой отсчета новых отношений между двумя странами и возрождения прежних дружеских контактов стала дата 3 сентября 2016 г., когда президент Таджикистана Эмомали Рахмон специально прибыл в г. Самарканд на похороны бывшего президента Узбекистана Ислама Каримова. Участие во всех траурных мероприятиях, выступление на церемонии прощания и то, что Э. Рахмон, соблюдая традиции, лично участвовал в проходах покойного к месту погребения (что на Востоке является проявлением особого уважения и почтения), так или иначе повлияло на нормализацию отношений, вызвало у населения, общественности и руководства Узбекистана чувства признательности и осознания близости двух народов. Тем более, что от других соседних государств (за исключением Туркменистана) уровень представительства был заметно ниже.

Что очень важно, в эти же дни состоялась встреча Э. Рахмона с премьер-министром Шавкатом Мирзияевым. Забегая вперед, следует отметить, что смена руководства в Узбекистане стала причиной пересмотра взаимоотношений с соседними странами и в первую очередь с Таджикистаном³.

Впрочем, некоторые злопыхатели с особым цинизмом рассматривая прошедшие события, пытались даже в элементарном человеческом сочувствии и участии в похоронах усмотреть далеко идущие прагматичные цели.

Сегодня, анализируя таджикско-узбекские отношения в период после прихода к власти в Узбекистане президента Шавката Мирзияева, можно говорить о возобновлении за этот короткий срок двусторонних дружеских отношений и налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Отменен визовый режим и открыты дополнительные пункты пропуска на границе, восстановлены авиарейсы между Душанбе и Ташкентом, автобусное пассажирское движение между городами двух стран, железнодорожное сообщение, в том числе на ранее демонтированном участке Галаба—Амузанг, достигнуты

¹ Таджикиско-узбекский конфликт и его последствия [Электронный ресурс]. URL: <http://daydov2013-2.blogspot.com/2013/01/blog-post.html> (дата обращения: 12.12.2019).

² Рашид Гани Абдулло. Таджикиско-узбекские отношения: характер и динамика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog.tj/news/tadzhiksko-uzbekskie-otnosheniya-kharakter-i-dinamika> (дата обращения: 12.12.2019).

³ В налаживании отношений с Узбекистаном в первую очередь заинтересованы соседи [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/28083741.html> (дата обращения: 12.12.2019).

договоренности о возобновлении поставок узбекского газа в Таджикистан¹. Развивается двустороннее экономическое сотрудничество, создано совместное таджикско-узбекское предприятие по производству автомобилей «ТАЛКО-КРАНТАС», становятся традиционными проведение совместных бизнес-форумов предпринимателей и ярмарок выпускаемой продукции.

В марте 2018 г. состоялся официальный визит президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Таджикистан, в ходе которого стороны подписали 27 соглашений по важнейшим сферам взаимодействия двух стран. Но самое главное — лидеры двух государств наконец-то договорились по вопросам водопользования и гидроэнергетики, что было основным препятствием урегулирования отношений между соседними республиками. Узбекская сторона выразила желание участвовать в строительстве ряда гидроэнергетических объектов Таджикистана, в том числе и Рогунской ГЭС².

В августе 2018 г. с ответным визитом в Узбекистане находился президент Таджикистана Эмомали Рахмон. В рамках визита было принято более 20 соглашений по сотрудничеству в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, культуре, реализации совместных проектов по сборке сельскохозяйственной техники, производству строительных материалов, продовольствия, текстильной, электротехнической продукции.

При этом своего рода венцом восстановленных контактов и дружественных отношений стало подписание в ходе визита договора о стратегическом партнерстве, определяющего отношения долгосрочного и устойчивого партнерства, стратегические направления сотрудничества двух стран.

О стабилизации и существенном улучшении двусторонних отношений ярко свидетельствует тот факт, что товарооборот между Узбекистаном и Таджикистаном в 2018 г. составил 281,5 млн долл., что почти в 20 раз больше, чем в 2015 г.³

Выше, рассматривая сложный период в отношениях, упоминалось о демонтаже в 2009 г. в Самарканде совместного памятника поэтам двух стран Джамии и Навои. И глубоко символично, что теперь, после возврата к прежним добрососедским отношениям, в марте 2018 г. этот памятник был восстановлен, и в развитие дружественных связей в сентябре того же года в столице Таджикистана был открыт парк имени узбекского поэта Алишера Навои, который также украшает памятник, посвященный двум национальным поэтам.

Подводя итог изложенному, следует еще раз отметить важность развития двусторонних отношений между государствами Центральной Азии и расширения их сотрудничества на региональном уровне. В то же время в условиях отсутствия единой интеграционной организации государствам региона сложно самостоятельно решать глобальные проблемы, связанные с обеспечением безопасности, борьбы с терроризмом, наркотиками и другими новыми угрозами, технологическим и научно-техническим развитием.

В связи с чем для стран Центральной Азии принципиальное значение имеют дальнейшее углубление стратегического партнерства и расширение сотрудничества с Российской Федерацией.

¹ Таджикистан получит узбекский газ [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20180314/> (дата обращения: 12.12.2019).

² Отношения Таджикистана и Узбекистана вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/world/20150220/1014488517.html> (дата обращения: 12.12.2019).

³ За 4 года товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном вырос в 19 раз [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2572992.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Литература

1. Ларуэль М., Пейруз С. Региональные организации в Центральной Азии: характеристика взаимодействий, дилеммы эффективности. Доклад № 10. 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.ucentralasia.org/./UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
2. Мосакова Е. А. Теоретические основы конкурентоспособности стран в современном глобальном мире // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2, № 2. С. 3–10.
3. Султанов Ш. М. Геополитика России в Центральной Азии: экономические интересы, состояние и перспективы сотрудничества // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. № 1 (60) С. 100–104.

Об авторе:

Султанов Шухрат Музафарович, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор политических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол; sulthm@mail.ru

References

1. Laruelle M., Peyrouse S. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Report N 10. 2013 [Electronic resource]. URL: www.ucentralasia.org/./UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf (date of address: 20.11.2019). (In rus)
2. Mosakova E. A. Theoretical foundations of competitiveness of countries in the modern global world // Economics and management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2017. V. 2, N 2. P. 3–10. (In rus)
3. Sultanov Sh. M. Geopolitical of Russia in Central Asia: economic interests, state and prospects of cooperation // Competitiveness in the global world: economy, science, technology [Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii]. 2018. N 1 (60). P. 100–104. (In rus)

About the author:

Shukhrat M. Sultanov, Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary; sulthm@mail.ru

Форумы регионов Беларуси и России — фундамент союзного строительства

Когут В. Г.¹, Нурышев Г. Н.²

¹Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация, vgkogut@gmail.com

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; g.nuryshhev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу взаимодействия российско-белорусских регионов в интеграционных процессах, для чего проведен анализ работы прошедших форумов регионов России и Беларуси. Они убедительно свидетельствуют о том, что межрегиональные связи стали самыми эффективными методами в укреплении Союзного государства. Форумы превратились в открытую площадку доверительного разговора о достигнутых успехах и насущных проблемах, на практике показывая интеграционный потенциал евразийской парадигмы.

Ключевые слова: Союзное государство, форумы, межрегиональные связи, интеграционные процессы, историческое наследие, евразийское пространство

Для цитирования: Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Форумы регионов Беларуси и России — фундамент союзного строительства // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 27–34.

Forums of the Regions of Belarus and Russia – the Foundation of the Union Construction

Victor G. Kogut¹, Gennady N. Nuryshhev²

¹Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Saint-Petersburg, Russian Federation; vgkogut@gmail.com

²Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; g.nuryshhev@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the interaction of the Russian-Belarusian regions in the integration processes, for which an analysis of the work of the past forums of the regions of Russia and Belarus. They convincingly testify that interregional ties have become the most effective methods in strengthening the Union State. The forums have become an open platform for a confidential conversation about the successes and pressing issues, in practice showing the integration potential of the Eurasian paradigm.

Keywords: Union State, forums, interregional relations, integration processes, historical heritage, Eurasian space

For citing: Kogut V. G., Nuryshhev G. N. Forums of the Regions of Belarus and Russia — the Foundation of the Union Construction // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 27–34.

В современном российском политическом дискурсе актуализируется точка зрения, согласно которой реальный политический курс Республики Беларусь направлен отнюдь не на сближение с Россией. Отсюда делается вывод о том, что российской стороне необходимо более решительно реагировать на такое «возмутительное» поведение¹. Безусловно, в Беларуси, как и в других странах, существует проза-

¹ Новицкий И. Россия должна приструнить «добытчика нефти» Лукашенко [Электронный ресурс]. URL: <https://politikus.ru/events/123257-rossiya-dolzha-pristrunit-dobytchika-nefti-lukashenko.html> (дата обращения: 25.09.2019).

падная ориентация некоторой части интеллигенции. Однако сегодня при всех существующих проблемах в двусторонних отношениях в белорусском обществе по-прежнему преобладает пророссийская ориентация. Более того, интеграционные процессы между странами продолжают развиваться. Об этом свидетельствует наличие такого уникального механизма, как взаимодействие российско-белорусских регионов на ежегодных форумах. Его раскрытию посвящается настоящая работа.

С 16 по 18 июля 2019 г. в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце — штаб-квартире МПА СНГ — прошел уже VI Форум регионов Беларуси и России. А I Форум регионов Беларуси и России состоялся 5–6 июня 2014 г. в Минске. После него прошли форумы регионов 17–18 сентября 2015 г. в Сочи, 7–8 июня 2016 г. в Минске, 29–30 июня 2017 г. в Москве, 11–12 октября 2018 г. в Могилеве.

Итоги прошедших форумов убедительно свидетельствуют о том, что выбранная форма взаимодействия регионов Республики Беларусь и Российской Федерации стала жизненной и самой эффективной в деле укрепления Союзного государства, углубления социально-экономических, научно-технических и культурно-гуманитарных связей между нашими странами и служит ярким примером для других интеграционных объединений в евразийском пространстве¹. В связи с этим Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул: «Регулярные встречи представителей региональных и местных органов власти, делового сообщества, деятелей образования, науки, культуры играют большую роль в контексте развития дружеских российско-белорусских отношений»². Поддерживая российского лидера, Президент Беларуси А. Г. Лукашенко также отмечает, что в «межрегиональном сотрудничестве сосредоточен огромный потенциал»³.

В настоящее время практически все субъекты Российской Федерации поддерживают тесные торгово-экономические связи с административно-территориальными единицами Беларуси. Региональное сотрудничество стало одним из наиболее результативных направлений белорусско-российского взаимодействия⁴. Неслучайно Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко подчеркивает: «Союзное государство — это самое прочное объединение на евразийском пространстве. Наш Союз смело можно назвать эталоном, «золотым стандартом» интеграции»⁵. В свою очередь Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М. В. Мясникович видит во взаимодействии белорусско-российских регионов «замечательный пример нашей великой белорусско-российской дружбы»⁶.

Такое межрегиональное сотрудничество не было навязано свыше. Оно существует веками. Братский характер двусторонних связей обусловлен исторической и культурной общностью народов Беларуси и России. Это вновь и вновь подтверждают многие масштабные мероприятия, как «Славянский базар в Витебске», фе-

¹ Результаты Форума регионов подтверждают эффективность выбранной формы взаимодействия — итоговый документ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society> (дата обращения: 22.09.2019).

² VI Форум регионов России и Белоруссии: самое важное [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/26_68432.html (дата обращения: 24.07.2019).

³ III Форум регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://svisgaz.by/news/belta/7355-iii-forum-regionov-belarusi-i-rossii.html> (дата обращения: 23.09.2019).

⁴ Итоговый документ V форума регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/QdHNkBMwCQQJAFZuv1PtAheWidkRmNB.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

⁵ Матвиенко В. И. Союзное государство — самое прочное объединение на евразийском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/97027/> (дата обращения: 22.08.2019).

⁶ VI Форум регионов России и Белоруссии: самое важное [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/26_68432.html (дата обращения: 24.07.2019).

стивали национальных культур, кинофорум «Лістапад», многочисленные творческие встречи деятелей культуры и искусств. Кроме того, русский язык в Беларуси имеет статус государственного наряду с белорусским. Объединяет и сплачивает народы и забота о ветеранах Великой Отечественной войны как особо ответственная область интеграционного взаимодействия Беларуси и России¹.

Прошедшие форумы регионов показали, что они придают новое качество межрегиональным связям наших народов. Особый статус данной двусторонней площадке придает и значительно повышает степень ответственности его участников непосредственное внимание со стороны глав обоих государств А.Г. Лукашенко и В.В. Путина. Именно они на высшем уровне определяют вектор движения интеграционных процессов в Союзном государстве². Необходимо отметить, что все прошедшие форумы состоялись под эгидой Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, что также повышает градус и значение этого двустороннего формата взаимодействия регионов. Законодательные органы двух стран стали оперативнее реагировать на совершенствование правовой базы такого взаимодействия и гармонизацию в целом законодательства Беларуси и России³.

Внимание форумов к межрегиональному сотрудничеству имеет многоплановый и всеобъемлющий характер. В настоящее время белорусско-российское сотрудничество успешно развивается в сфере освоения космоса, развития радиоэлектроники, информационных технологий, медицины, сельского хозяйства. Сегодня более 1000 белорусских предприятий связаны с Россией производственной кооперацией. Каждая вторая компания с белорусским капиталом за рубежом находится в России. В Беларуси функционирует около 2500 организаций с российским капиталом. Располагая значительным промышленным потенциалом, регионы Республики Беларусь и Российской Федерации рассматривают промышленную кооперацию между предприятиями двух стран, и прежде всего в машиностроении, в качестве наибольшего потенциала развития интеграционных процессов. В настоящее время в различных формах кооперации с российскими предприятиями задействовано более половины белорусских промышленных предприятий, что позволяет объединить промышленный и интеллектуальный потенциалы для обеспечения существенного экономического прогресса наших стран⁴.

Так, в результате выполнения мероприятий научно-технической программы Союзного государства «Разработка и освоение серий интегральных микросхем и полупроводниковых приборов для аппаратуры специального назначения и двойного применения» разработано свыше 140 типонаименований импортозамещающей электронной компонентной базы специального и двойного применения для более 80 российских и белорусских предприятий. А в рамках программы «Разработка и создание нового поколения микросистемотехники и унифицированных интегрированных систем двойного назначения» на ее основе разработано свыше 14 образцов спецтехноло-

¹ Итоги Четвертого форума регионов России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/4SdlxguWclEQUpbb12E4ebuOD84pia16.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

² Итоговый документ Второго форума регионов России и Беларуси «Промышленная политика Союзного государства: Общие подходы и региональные аспекты» [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d589d67a8311f1b6df.pdf> (дата обращения: 22.08.2019).

³ Итоги Четвертого форума регионов России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/4SdlxguWclEQUpbb12E4ebuOD84pia16.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

⁴ Участники Третьего форума регионов Беларуси и России обсудили сотрудничество в промышленной сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://inform-24.com/9299-uchastniki-tretego-foruma-regionov-belarusi-i-rossii-obsudili-sotrudnichestvo-v-promyshlennoy-sfere.html> (дата обращения: 26.09.2019).

гического оборудования для производства изделий микросистемотехники и свыше 10 образцов микросистемотехнических устройств для более 60 предприятий оборонно-промышленного комплекса РФ и Республики Беларусь. Продолжается реализация программы «Разработка современной и перспективной технологии создания в государствах — участниках Союзного государства тепловизионной техники специального и двойного назначения на базе фотоприемных устройств инфракрасного диапазона третьего поколения». Реализация таких программ позволяет повышать конкурентоспособность национальных экономик Беларуси и России и формировать единое научно-технологическое пространство двух стран¹.

Представители белорусско-российских регионов на своих встречах решают вопросы выработки на базе Союзного государства разносторонних взаимовыгодных и эффективных форм межрегионального сотрудничества, понимая необходимость создания единого научно-технологического, культурно-информационного, образовательного и миграционного пространства, объединенного пространства в здравоохранении, культуре, спорте, туризме, установления сходных социально-демографических условий, общей молодежной политики и единого рынка труда².

Деловые встречи на форумах в рамках межрегионального сотрудничества помогают лучше распространять успешный опыт работы регионов по реконструкции и модернизации промышленных предприятий, реализации современной промышленной политики, включая формирование промышленных кластеров и технопарков. Россия и Беларусь с богатым научным потенциалом имеют все возможности для того, чтобы войти в число лидеров современных информационных технологий. Встречи и дискуссии на форумах показали эффективность совместного проведения в регионах-партнерах выставок-ярмарок и других мероприятий с участием торгово-промышленных палат и деловых кругов наших стран. Участники форумов считают необходимым обеспечивать систематическое участие представителей регионов Беларуси и России в проводимых выставках, семинарах, конференциях и других мероприятиях, посвященных вопросам развития высоких технологий, инноваций и представления технологических новинок³.

Форумы регионов Беларуси и России отмечают значительные успехи в развитии интеграционных процессов в сфере АПК по таким направлениям, как сельскохозяйственное машиностроение, сортоиспытания, мелиорация, животноводство, ветеринарный надзор, рыбное хозяйство, подготовка кадров. В качестве показателя эффективной работы регионы отмечают реализацию ряда совместных программ Союзного государства и, прежде всего, таких как развитие производства картофеля и топинамбура, разработка перспективных ресурсосберегающих, экологически чистых технологий и оборудования для производства биологически полноценных комбикормов, подготовка программ по развитию льняного комплекса, разработка перспективной системы машин для реализации ресурсосберегающих, экологически чистых технологий производства основных видов сельскохозяйственной продукции. Регионы России подчеркивают роль международной специализированной выставки «БЕЛАГРО» по пропаганде передового опыта в области агропромышленного машиностроения, растениеводства, животноводства и птицеводства, современных технологий переработки и хранения продукции⁴.

¹ Итоговый документ Второго форума регионов России и Беларуси «Промышленная политика Союзного государства: Общие подходы и региональные аспекты» [Электронный ресурс]. ГДЖ <http://council.gov.ru/media/files/41v589v67f8311a1ibvauzva> (дата обращения: 26.09.2019).

² Там же.

³ Итоги Четвертого форума регионов России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/4SdixguWciEQUpbb12E4ebuOD84piaib6.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

⁴ Первый Форум регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovrep.gov.by/ru/1-forum-ru/> (дата обращения: 24.09.2019).

Форумы регионов помогают наметить новые подходы по развитию приграничного сотрудничества в рамках формирования Союзного государства с переходом к целенаправленной и поэтапно реализуемой стратегии приграничного сотрудничества, стимулирующей стратегическое инновационное развитие этих территорий. Поэтому было принято решение изучить возможность создания при Постоянном Комитете Союзного государства постоянно действующей структуры по координации межрегионального сотрудничества, опираясь на опыт Ассоциации Европейских приграничных регионов и других международных организаций.

Участники форумов обратили свое внимание и на такое направление интеграционных процессов, как сближение правовой базы в социально-гуманитарной сфере. Неслучайно этому направлению был посвящен специальный форум в 2019 г. В связи с этим Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркивает, что более глубокой гармонизации требует законодательство, и прежде всего, именно в области здравоохранения. При этом он обратил особое внимание на урегулирование механизма равнодоступности медицинских услуг, взаимных поставок лекарственных средств и других вопросов развития здравоохранения в регионах обоих государств.

Участники форумов поддержали предложения А. Г. Лукашенко о необходимости выработки совместными усилиями идеологии защиты и укрепления Союза России и Беларуси как самого продвинутого интеграционного объединения в евразийском пространстве. Для этого крайне важным является разработка и реализация на местах просветительских программ и проектов, посвященных выдающимся людям, значимым событиям и достижениям в Беларуси и России, укреплению в обеих странах межнационального и межконфессионального согласия и пропаганде исторического наследия двух народов.

Важную роль в этом направлении форумы отводят созданию единого информационного пространства с развитием Телерадиовещательной организации Союзного государства и расширением белорусских телеканалов в российском медиаполе. При этом участники форумов считают необходимым внедрение качественно новых подходов к организации единого медиапространства, которое должно пропагандировать общие гуманитарные ценности Беларуси и России и формировать устойчивое позитивное отношение к Союзному государству¹.

Особое наполнение в интеграционных процессах форумы видят в развитии государственной молодежной политики в Союзном государстве на региональном уровне. Хороший импульс в этой политике придает формирование союзного движения студенческих отрядов, расширение студенческого обмена, молодежного туризма. Предпринимаются шаги по координации совместных усилий по развитию среднего и дополнительного профессионального образования и подготовке квалифицированных кадров для высокотехнологичных и наукоемких производств в обеих странах. Так, в преддверии VI Форума регионов Беларуси и России в Санкт-Петербурге состоялся российско-белорусский молодежный форум и заседание совета Молодежной палаты при Парламентском собрании союза Беларуси и России². Участники форумов сформировали идею создания двух центров межрегионального сотрудничества на базе высших учебных заведений России и Беларуси. В регионах наметилась поддержка реализации проекта Евразийского сетевого университета для решения кадровых и научных задач евразийской интеграции³. На VI Форуме регионов Беларуси и России было подписано соглашение о создании

¹ III Форум регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://svisgaz.by/news/belta/7355-iii-forum-regionov-belarusi-i-rossii.html> (дата обращения: 23.09.2019).

² VI Форум регионов России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/broadcasts/show/id/47534/> (дата обращения: 26.09.2019).

³ III Форум регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://svisgaz.by/news/belta/7355-iii-forum-regionov-belarusi-i-rossii.html> (дата обращения: 23.09.2019).

Ассоциации вузов России и Беларуси. Цель Ассоциации — формирование единого образовательного и научного пространства союзного государства. Она призвана стать диалоговой площадкой вузов при совместной подготовке кадров, научных исследованиях, межкультурном общении студентов. Следует также отметить, что в создании единого союзного образовательного пространства важную роль играют Белорусско-российский университет в Могилеве, филиалы Московского государственного университета экономики, статистики и российского государственного социального университета в Минске [1, с. 75].

Выполняя это соглашение, в Москве в октябре 2019 г. уже состоялся Первый форум «Наука и образование в условиях больших вызовов современности». Форум прошел под руководством ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, президента Российского союза ректоров В. Садовниченко и ректора Белорусского госуниверситета, исполняющего обязанности председателя Республиканского Совета ректоров учреждений высшего образования Республики Беларусь А. Короля. На форуме был показан опыт сотрудничества МГУ с вузами и Национальной академией наук Беларуси.

Так, в МГУ работает суперкомпьютерный комплекс СКИФ-МГУ, созданный в результате реализации российско-белорусских программ Союзного государства «СКИФ» и «СКИФ-ГРИД». В университете также реализуется программа «СКИФ-Недра» для использования суперкомпьютеров в нефтегазовой сфере. С учеными Беларуси совместные исследования ведут физики-ядерщики, биологи и биофизики, геологи и химики Московского университета. На филологическом факультете МГУ белорусский язык и литература изучаются с XIX века. А в 2017 г. на факультете открылся Научно-образовательный центр белорусского языка, литературы и культуры. Успешно развивается сотрудничество исторических факультетов МГУ и БГУ. На форуме были подписаны Меморандум о взаимопонимании между МГУ и Белорусским государственным технологическим университетом и Договор о сотрудничестве Московского университета и Национальной академии наук Беларуси. Форум принял решение в рамках Ассоциации вузов создать Российско-белорусский студенческий союз и Совет молодых ученых России и Беларуси. В состав Ассоциации вузов была принята Национальная академия наук Беларуси. Второй форум Ассоциации вузов России и Беларуси в 2020 г. решено провести уже в Беларуси¹.

Представители белорусских регионов на форумах отмечают необходимость снятия ограничений во взаимной торговле с Россией. Так, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным заявил: «Несмотря на многолетние интеграционные процессы, у нас до сих пор на практике не обеспечены в полном объеме равные условия для белорусских и российских субъектов хозяйствования»². Белорусский лидер считает важным для развития экономик обоих государств более активное формирование единой промышленной политики. «Снятие барьеров, формирование единой промышленной политики и единого рынка — в наших общих интересах, — подчеркнул белорусский лидер. Надо не конкурировать друг с другом, а, наоборот, объединять ресурсы, чтобы соперничать с зарубежными корпорациями внутри союза, а затем потеснить их и на внешних рынках. И поверьте, это у нас получится». Как считает А. Г. Лукашенко, защитные меры должны приниматься по внешнему контуру Союзного госу-

¹ Ректоры вузов России и Белоруссии обсудили вызовы современности [Электронный ресурс]. URL: https://www.poisiknews.ru/news/oficialno-news/rektory-vuzov-rossii-i-belorussii-obsudili-vyzovy-sovremennosti/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 22.09.2019).

² Участники форума регионов рекомендовали верхним палатам парламентов Беларуси и России наращивать взаимодействие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/uchastniki-foruma-regionov-rekomendovali-verhnim-palatam-parlamentov-belarusi-i-rossii-naraschivat-196726-2016> (дата обращения: 22.09.2019).

дарства — в этом основа успешности его функционирования сегодня и развития в будущем¹.

Участники форумов на пленарных и секционных заседаниях признают необходимым наращивать белорусско-российское парламентское взаимодействие для углубления сотрудничества Беларуси и России при реализации конкретных двусторонних интеграционных проектов, в том числе в рамках Межпарламентской комиссии Совета Республики и Совета Федерации по межрегиональному сотрудничеству, Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Совета по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь. При этом форумы регионов уделяют первоочередное внимание приоритетному финансированию интеграционных проектов, проведению согласованной социальной политики по обеспечению равных прав граждан Беларуси и России².

Вместе с тем Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко справедливо обращает внимание всех на идеологическую составляющую Союза, на его «иммунные свойства» защиты и противодействия. По этому поводу он отмечает: «Совместными усилиями нам необходимо выработать идеологию защиты и укрепления нашего интеграционного объединения, которое по праву является самым продвинутым на постсоветском пространстве, и не только на постсоветском. Это еще и потому, что у нас есть опыт жизни в одном государстве, и, слава богу, россияне и белорусы его не совсем утратили»³.

Форумы регионов Беларуси и России показали, что такие встречи превратились в открытую площадку доверительного разговора о достигнутых успехах и насущных проблемах. При этом не обходилось без обсуждения вопросов, объективно тормозящих дальнейшее развитие белорусско-российской интеграции в рамках Союзного договора. Руководители регионов на последнем VI Форуме выразили надежду, что программа углубления межрегионального сотрудничества снимет эти вопросы, сформировав общее правовое поле и общие условия хозяйствования для российских и белорусских предприятий⁴. Неслучайно, при подготовке и проведении этого Форума было подписано 84 соглашения о сотрудничестве между регионами, учреждениями и организациями Республики Беларусь, Российской Федерации и подписано коммерческих контрактов на сумму, эквивалентную 550 млн долл. [1, с. 75].

Будет нелишним отметить, что Форумы регионов Беларуси и России вышли далеко за планируемые рамки российско-белорусского диалога. Неслучайно Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркнул: «Вообще руководителей регионов надо, откровенно говоря, поблагодарить. Я часто об этом говорю: не было бы вас, сегодня о союзе между Беларусью и Россией и разговоров бы не было. Именно вы в свое время спасли этот проект»⁵. Эту мысль выразила и Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской

¹ Участники Третьего форума регионов Беларуси и России обсудили сотрудничество в промышленной сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://inform-24.com/9299-uchastniki-tretego-foruma-regionov-belarusi-i-rossii-obsudili-sotrudnichestvo-v-promyshlennoy-sfere.html> (дата обращения: 26.09.2019).

² Участники форума регионов рекомендовали верхним палатам парламентов Беларуси и России наращивать взаимодействие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/uchastniki-foruma-regionov-rekomendovali-verhnim-palatam-parlamentov-belarusi-i-rossii-naraschivat-196726-2016> (дата обращения: 22.09.2019).

³ III Форум регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://svisgaz.by/news/belta/7355-iii-forum-regionov-belarusi-i-rossii.html> (дата обращения: 23.09.2019).

⁴ VI Форум регионов России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/broadcasts/show/id/47534/> (дата обращения: 26.09.2019).

⁵ VI Форум регионов России и Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61039> (дата обращения: 24.07.2019).

Федерации В. И. Матвиенко, подчеркнув, что именно регионы спасли союзное государство Беларуси и России¹. Такая мысль сквозила в работе форумов, что убедительно свидетельствует об исключительной роли белорусских и российских регионов в интеграционных процессах. Регионы приобрели исключительно системообразующее качество в геополитическом пространстве Союза России и Беларуси. Именно они формируют, структурируют, укрепляют и развивают геополитическое пространство, создают фундамент союзного государств, насыщая его новыми интеграционными связями и отношениями.

Таким образом, белорусские и российские регионы стали геополитическими акторами в пространстве Союзного государства, на практике показывая интеграционный потенциал евразийской парадигмы [2, с. 82–85]. Так, в новой геополитике 2.0 они стали носителями многополюсного распределенного Хартленда, оппонируя носителям распределенной «sea power» части политической элиты, в отдельных слоях общества Беларуси и России, препятствующих развитию интеграционных процессов². Все это свидетельствует о возрастании роли внутренней геополитики в геополитическом пространстве Союза Беларуси и России [1, с. 78].

Литература

1. Когут В. Г. VI Форум регионов России и Беларуси // Проблемы управления (Минск). 2019. № 3 (73). С. 74–79.
2. Когут В. Г. Республика Беларусь в евразийском пространстве: современный геополитический дискурс. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019.

Об авторах:

Когут Виктор Григорьевич, Заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ — полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; vgtkogut@gmail.com

Нурышев Геннадий Николаевич, профессор кафедры международных отношений, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; g.nuryshhev@yandex.ru

References

1. Kogut V.G. VI Forum of the Regions of Belarus and Russia // Public Administration Issues [Problemy upravleniya] (Minsk). 2019. N 3 (73). P. 74–79. (In rus)
2. Kogut V.G. The Republic of Belarus in the Eurasian space: modern geopolitical discourse. Spb. : Publishing house of the St. Petersburg State University of Economics, 2019. (In rus)

About the authors:

Victor G. Kogut. Deputy Secretary General of the IPA CIS Council — Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus, Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; vgtkogut@gmail.com

Gennady N. Nuryshhev. Professor of Department of International Relations, Political Science and History of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; g.nuryshhev@yandex.ru

¹ VI Форум регионов России и Белоруссии: самое важное [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/26_68432.html (дата обращения: 24.07.2019).

² Дугин А. Распределенный Хартленд — императив новой геополитической модели, многополярной геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1551949620> (дата обращения: 19.07.2019).

Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан

Малькевич А. А.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alexander.malkevich@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу роли социальных сетей в протестном политическом участии граждан в 2010-е годы. Автор отмечает, что распространение интернет-технологий способствовало технологизации и сетевизации политического протеста. Особую роль в этой связи играют социальные сети, которые выступают и в качестве традиционных, и в качестве социальных медиа. Исходя из этого, автор анализирует, каким образом социальные сети влияют на протестную политическую мобилизацию граждан, способствуют организации и координации протестных действий. В статье делается вывод о том, что социальные сети трансформируют отдельные процедуры и технологии протестного участия, однако не меняют его существенные характеристики и не выступают в качестве причины формирования политических протестов.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, политический протест, политическое участие, коммуникация

Для цитирования: Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 35–42.

The Role of Social Media in Protest Political Participation of Citizens

Alexander A. Malkevich

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; alexander.malkevich@gmail.com

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the role of social networks in the protest political participation of citizens in the 2010s. The author notes that the spread of Internet technologies contributed to the technologization and networking of political protest. A special role in this regard is played by social internet-media, which act as both traditional and social media. Based on this, the author analyzes how social networks affect the protest political mobilization of citizens, contribute to the organization and coordination of protest actions. The article concludes that social networks transform individual procedures and technologies of protest participation, but do not change its essential characteristics and do not act as a reason for the formation of political protests.

Keywords: social media, Internet, political protest, political participation, communication

For citing: Malkevich A. A. The Role of Social Media in Protest Political Participation of Citizens // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 35–42.

Социальные сети и протест

За последнее десятилетие социальные сети в различных странах стали важным фактором политической мобилизации, особенно — протестной. Первыми случаями массового использования интернет-коммуникации посредством социальных сетей во время протестных акций можно назвать антиправительственные акции в Иране

и Молдавии в 2009 г. [8]. Протестное выступление в Кишиневе, к примеру, впоследствии даже назвали первой «Революцией Твиттера» [17], поскольку именно социальная сеть Twitter стала одним из главных инструментов распространения информации о политической акции, мобилизации и координации действий участников протестного выступления.

Практически ни один крупный политический протест в 2010-е гг. не обходился без использования социальных сетей. Благодаря этим ресурсам организаторам масштабных политических акций удавалось скоординировать достаточно разрозненные группы гражданских сил, политических движений и организаций во время «арабской весны». Так, в 2011 г. в Египте, Тунисе, Йемене и Ливии произошли массовые беспорядки и восстания, результатом которых стало падение политических режимов в этих государствах. В том же году крупные протестные акции прошли в других странах региона — Алжире, Ираке, Кувейте, Марокко, Омане, Иордании, — а сама протестная волна «арабской весны» дошла даже до Саудовской Аравии и Судана. В конце 2011–2012 гг. массовые уличные протесты, связанные с несогласием участников с итогами парламентских выборов и желанием заявить о своей гражданско-политической позиции, прошли в крупных городах России, прежде всего в Москве. Социальные сети в этих случаях были ключевыми источниками информации о происходящем как для непосредственно протестующих, так и для широкой общественности. Благодаря социальным сетям участники акций не только обеспечивали оперативную мобилизацию и координацию своих действий, но и в режиме реального времени сообщали о том, что происходило на улицах и площадях, об ответных действиях властей и правоохранительных органов.

В последующие годы использование интернет-ресурсов, и в частности социальных сетей, в протестном политическом участии стало неотъемлемой практикой. Так, ВКонтакте и Facebook были основными площадками для распространения информации о «молчаливых» протестах в Белоруссии, а сама серия протестных акций носила название «Революция через социальные сети». Facebook и Twitter в конце 2013 — начале 2014 гг. стали ключевыми инструментами для организации выступлений участников Евромайдана в Киеве. Важными факторами организации протестных политических акций в Москве летом 2019 г. также являлись такие интернет-платформы, как Facebook и YouTube.

Очевидно, что интернет и социальные сети в 21-м столетии трансформировали как политический процесс, так и формы политического участия. Особенно важен тот факт, что пользователями социальных сетей в России являются в основном молодые граждане (их доля 85%), которые в большинстве своем (почти 70%) предпочитают использовать именно такие интернет-ресурсы в качестве источника информации и актуальных новостей [4]. Интернет становится для них и основным «СМИ», и площадкой для защиты своих интересов и выражения гражданского недовольства: виртуальные инструменты вносят изменения в традиционные формы протеста, отодвигают их на второй план, упрощают процесс организации массовых акций [7].

Технологизация и сетевизация протеста

В научной литературе сложилось два основных подхода к оценке роли социальных сетей как фактора и инструмента протестного политического участия.

В рамках первого подхода постулируется тезис о том, что социальные сети играют сегодня важную роль в трансформации форм протестного участия и появлении новых возможностей для организации и реализации политического протеста. Такие исследователи, как К. Ширки, М. Линч и др. [10; 16; 21], полагают, что использование социальных сетей и интернет-медиа позволяет участникам протестных движений

и в целом гражданам более эффективно координировать свои действия во время массовых акций, придает протестам международный резонанс, делает информацию о них более доступной для широкой общественности и даже способствует демократизации, поскольку формирует новое молодое поколение, которое обладает критическим мышлением и нетерпимым отношением к недемократическим режимам.

Сторонники второго подхода, которых можно условно назвать «интернет-скептиками», не верят в то, что интернет и электронные ресурсы могут фундаментально трансформировать политический процесс, поскольку наблюдаемая «цифровизация» общества имеет и обратную сторону. Так, к примеру, Е. Морозов, Дж. Эсфандиари и другие [13; 14; 19], отмечают, что социальные сети, напротив, зачастую выступают факторами появления антидемократических процессов и инструментами укрепления авторитарных режимов, поскольку позволяют осуществлять пропаганду и распространять дезинформацию, контролировать и отслеживать действия и планы политических оппонентов и оппозиции, а также создают иллюзию протестного участия, так как позволяют недовольным гражданам «выпустить пар» в интернете, не выходя на улицу и не участвуя в антиправительственных акциях.

Говоря о коммуникационных возможностях социальных сетей и интернет-ресурсов в контексте протестного политического участия граждан, исследователи также выражают полярные точки зрения. Если одни полагают, что интернет является сегодня главным источником массовых протестных настроений, выступая их агрегатором [см: 11; 15], то другие считают, что интернет отличается от других средств коммуникации лишь своей массовостью и доступностью и при этом не позволяет сформировать прочные связи, которые могли бы стать основой для действительно эффективных массовых протестных движений [см: 20; 22; 23].

На наш взгляд, оба подхода отражают важные аспекты той роли, которую современные социальные сети играют в протестном политическом участии. Однако события последнего десятилетия подтверждают факт, что социальные сети, несомненно, оказали влияние на трансформацию политического протеста. Специфика этого влияния обусловлена сущностными аспектами информационных технологий и самих социальных сетей.

Оперативность и синхронность онлайн-коммуникации, минимальная цензура, интерактивность, децентрализация интернет-общения — все это способствует тому, что пользователи социальных сетей и интернета в целом получают равный и свободный доступ к любой публичной информации, создаются условия для критического рационального диалога и, как следствие, формирования общественного мнения и возможностей для коллективных политических действий, в том числе протестных.

Стоит выделить два основных последствия, которые, на наш взгляд, стали результатом использования социальных сетей в протестном политическом участии — это *технологизация* и *сетевизация* политического протеста.

Важной и особой отличительной чертой современного протеста является его технологичность, что проявляется в применении интернет-инструментов для осуществления оперативной и массовой коммуникации, использовании высокотехнологичных средств для визуализации протеста, координации деятельности протестующих. При этом технологическая (инновационная) составляющая протестного участия развивается с каждым годом в связи с развитием цифровых технологий и интернет-инструментов. Так, например, события в Гонконге летом 2019 г. продемонстрировали новые возможности использования информационных технологий для организации и проведения массовых протестных мероприятий. Участники демонстраций использовали принципы геймификации для координации своих действий, взаимодействуя посредством «аполитичных» веб-приложений (например, Tinder, Pokemon Go и т.д.) и закрытых чатов в мессенджере Telegram.

Сетевизация политического протеста в последнее десятилетие также связана с появлением доступа к широкой сетевой коммуникации. Социальные сети, в отличие от традиционных СМИ, позволяют минимизировать издержки граждан — как по времени, так и по прилагаемым усилиям — в процессе получения и использования политической информации. Ряд зарубежных исследований подтверждают тот факт, что доступ к информации является существенным фактором роста политического участия граждан [18].

При этом мобилизационный потенциал социальных сетей стал осознаваться относительно недавно, ведь социальные сети рассматривались преимущественно как средство развлечения. Между тем, как отмечают Г. И. Могилевская и А. В. Трифонова, «такие особенности устройства сетей как ризомность, доминирование слабых связей при отсутствии единого центра, практически отсутствие информации о членах сетевого сообщества, так как люди объединены не по социальным признакам, а по интересу к решению той или иной проблемы» [9, с. 387], позволяют в рамках сетевой коммуникации объединять граждан вокруг актуальных проблем, независимо от их возраста, социального положения, места жительства.

Механизмы влияния социальных сетей на протестную активность

Сегодня социальные сети рассматриваются как один из ключевых инструментов протестной мобилизации населения за счет оперативности и доступности политической информации, а также возможности обмениваться сообщениями в онлайн-режиме. В свою очередь социологи отмечают, что современная протестная активность граждан в отличие от других видов политического участия самостоятельно воспроизводит политическую повестку, формируя как новый язык коммуникации, так и альтернативные каналы взаимодействия [2].

Социальные сети влияют на протестную активность посредством нескольких каналов. На наш взгляд, стоит выделить в этом контексте два основных механизма, которые обусловлены возможностью социальных сетей выступать *и в качестве традиционных, и в качестве социальных медиа*.

Во-первых, социальные сети способны *предоставлять гражданам информацию*, недоступную на других — преимущественно традиционных и подконтрольных государству — площадках. В этом отношении социальные сети предстают в качестве СМИ, в которых, помимо материалов, подготовленных журналистами, представлено бесчисленное количество пользовательского контента политического содержания.

Во-вторых, социальные сети являются *собственно средством коммуникации*: благодаря опциям обмена сообщениями и доступу подписчиков к контенту, публикуемому на страницах других пользователей, формируются горизонтальные потоки обмена информацией между значительным количеством людей, что облегчает формирование, развитие и координацию коллективных действий. Это может происходить как за счет упрощения координации между потенциальными участниками протеста, так и за счет усиления социального давления, связанного с участием (или неучастием) в протестах [6, с. 150].

Стоит отметить при этом, что коммуникация участников политических акций в социальных сетях отличается от коммуникации в офлайн-режиме лишь количественно, но не качественно. Таким образом, соцсети позволяют существенно увеличить аудиторию потенциальных получателей тех или иных сообщений, имеющих значение в контексте протестного политического участия.

Исследования опыта организации и проведения протестных выступлений 2010-х годов позволили выявить некоторые общие модели протестной мобилизации граждан посредством социальных сетей. Так, к примеру, интернет-активист и непосред-

ственный участник революции в Египте 2011 г. В. Гоним предложил четырехэтапную стратегию подобной мобилизации [5]. На первом этапе он создал специальную страницу в социальной сети Facebook и начал убеждать пользователей подписаться на данную страницу и знакомиться с записями. На следующем этапе В. Гоним предлагал подписчикам оставлять комментарии и обсуждать контент. После этого был сделан призыв к пользователям Facebook создавать собственные страницы и самим создавать контент политической протестной направленности. Наконец, на последнем этапе В. Гоним призвал интернет-пользователей перенести протест из социальных сетей в офлайн и выйти на улицы.

На наш взгляд, данная схема существенно сужает взгляд на механизм формирования протестного участия и в определенной степени преувеличивает роль социальных сетей в протестной мобилизации. Это связано, главным образом, с тем, что в предложенной стратегии не обозначены ключевые факторы формирования протеста — социальная неудовлетворенность и наличие объективных причин для недовольства, без которых невозможна организация массового протеста.

В этой связи представляет интерес схема протестной мобилизации, выявленная А. Ваньке и другими исследователями при анализе российского протестного движения «За честные выборы» в декабре 2011 г. [3, с. 68–69]. Авторы предлагают выделять пять фаз протестной мобилизации, на которых коммуникация в интернете (в социальных сетях, в частности) играет ключевую роль.

1. Получение информации, которая вызывает протестные настроения у граждан.
2. Разделение эмоций со своими единомышленниками.
3. Выбор способа действия, который соотносится с репертуаром возможных в данной ситуации видов активности и, как правило, подбирается из предложенных онлайн.
4. Обсуждение со своими единомышленниками необходимых организационных шагов и достижение договоренностей.
5. Обсуждение в онлайн-режиме результатов проведенной акции, публикация заметок и фотографий, позиционирование себя в социальных сетях в качестве участника протестного офлайн-мероприятия («участника исторических событий»), культивирование чувства солидарности.

Как видно из данной схемы, социальные сети в процессе протестной мобилизации выступают не столько фактором протеста, сколько инструментом для коммуникации, координации действий и обмена информацией. Исследования также подтверждают гипотезу о том, что прямой причинно-следственной связи между использованием социальных сетей и протестным политическим участием не обнаруживается [1]. Социальные сети не являются причиной возникновения политического протеста, однако и протестующие граждане, и власть используют данные интернет-ресурсы для достижения своих политических целей [12], и это говорит о том, что социальные сети могут быть как инструментом протестной мобилизации, так и инструментом снижения уровня протестных настроений в обществе.

Заключение

Протестное политическое участие претерпело значительные трансформации за последние десятилетия. Благодаря интернет-технологиям и социальным сетям протестное движение активно использует цифровые ресурсы и сетевые технологии для гражданской мобилизации, координации массовых акций, формирования протестной повестки. В свою очередь, генерирование протестных настроений не происходит на пустом месте и не может являться лишь результатом инструментальных политических технологий на интернет-площадках. Социальные сети в этой связи не могут позиционироваться как причина формирования протеста и недовольства

гражданами положения дел в своей стране. Роль социальных сетей в протестном политическом участии, на наш взгляд, обусловлена теми возможностями получения и обмена информацией, которые они предоставляют. И в этом отношении социальные сети, конечно же, создают совершенно иную динамику и качество организации политического протеста, трансформируя отдельные процедуры и технологии протестного участия, но не меняя его сущностных характеристик.

Литература

1. *Атанесян А. В.* Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73–84.
2. *Бараш Р. Э., Петухов В. В., Петухов Р. В.* Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма // Социологическая наука и социологическая практика. 2015. № 4 (12). С. 99–125.
3. *Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И.* Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 44–73.
4. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети [Электронный ресурс] // Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады): вебсайт. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf> (дата обращения: 10. 12. 2019).
5. *Гоним В.* Революция 2.0. СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012.
6. *Ениколопов Р. С., Макарьин А. А., Петрова М. А.* Социальные сети и протест // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). С. 149–159.
7. *Ксенофонтова И. В.* Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 114–116.
8. *Мизюркин Ю. А.* Роль интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1 (44). С. 113–119.
9. *Могилевская Г. И., Трифонова А. В.* Сетевые ресурсы как технологии управляемого протеста // Научный альманах. 2016. № 3–4 (17). С. 387–390.
10. *Aday S., Farrell H., Lynch M., Sides J., Freelon D.* Blogs and Bullets II: New Media and Conflict after the Arab Spring. Washington, DC : United States Institute of Peace, 2012.
11. *Castells M.* Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge : Polity Press, 2012.
12. *Comminos A.* Twitter Revolutions and Cyber Crackdowns User-generated Content and Social Networking in the Arab Spring and Beyond. Association for Progressive Communications (APC), 2011.
13. *Esfandiari G.* The Twitter devolution // Foreign Policy. 7 June 2010.
14. *Gladwell M.* Small Change: Why the Revolution Won't be Tweeted // New Yorker. 4 October 2010.
15. *Howard P., Muzammil H.* Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. Oxford : Oxford University Press, 2013.
16. *Lynch M.* After Egypt: The Limits and Promise of Online Challenges to the Authoritarian Arab State // Perspectives on Politics. 2011. N 9 (2). P. 301–310.
17. *Moldova forces regain control of parliament after 'Twitter revolution'* [Online Source] // www.guardian.co.uk. 08.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau> (accessed 10. 12. 2019).
18. *Moy P., Torres M., Tanaka K., McCluskey M. R.* Knowledge or trust? Investigating linkages between reliance and participation // Communication Research. 2005. N 32 (59).
19. *Mozorov E.* The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y. : Public Affairs, 2011.
20. *Rodgers J.* Spatializing International Politics. Analysing Activism on the Internet. L. : Routledge, 2003.
21. *Shirky C.* Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. L. : Allen Lane, Penguin Group, 2009.
22. *Sunstein C.* Republic.com 2.0. New Jersey : Princeton University Press, 2007.
23. *Woolley J., Limperos A., Oliver M.* The 2008 Presidential Election, 2.0: A Content Analysis of User-Generated Political Facebook Groups // New Media, Campaigning and the 2008 Facebook

Об авторе:

Малькевич Александр Александрович, профессор-консультант кафедры рекламы и общественных коммуникаций филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; alexander.malkevich@gmail.com

References

1. Atanesyan A.V. Influence of social networks on protest behavior (on the example of Armenia) // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2019. N 3. P. 73–84. (In rus)
2. Barash R.E., Petukhov V.V., Petukhov R.V. Information and communication factors of formation of new practices of civil activism // Sociological science and sociological practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika]. 2015. N 4 (12). P. 99–125. (In rus)
3. Vanke A., Ksenofontova I., Tartakovskaya I. Internet Communications as a means and condition of political mobilization in Russia (on the example of the movement “For Fair Elections”) // Interaction. Interview. Interpretation [Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya]. 2014. N 7. P. 44–73. (In rus)
4. Volkov D., Goncharov S. Russian media landscape of 2019: television, press, Internet and social networks [Electronic resource] // Levada Center (Analytical center of Yury Levada): website. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf> (address date: 10.12.2019). (In rus)
5. Gonim V. Revolution 2.0. SPb. : Publishing group “Lenizdat”, “Team A”, 2012. (In rus)
6. Yenikolopov R.S., Makaryin A.A., Petrova M.A. Social networks and protest // Journal of public opinion. Data. Analysis. Discussions [Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii]. 2015. N 3-4 (121). P. 149–159. (In rus)
7. Ksenophontova I.V. Role of the Internet in the development of the protest movement // Monitoring of public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2012. N 3 (109). P. 114–116. (In rus)
8. Mizyurkin Yu.A. The Role of Internet Communications in Protest Movements in the Maghreb and Middle East // Pathways to Peace and Security [Puti k miru i bezopasnosti]. 2013. N 1 (44). P. 113–119. (In rus)
9. Mogilevskaya G.I., Trifonova A.V. Network Resources as Managed Protest Technologies // Scientific Almanac [Nauchnyi al'manakh]. 2016. N 3-4 (17). P. 387–390. (In rus)
10. Aday S., Farrell H., Lynch M., Sides J., Freelon D. Blogs and Bullets II: New Media and Conflict after the Arab Spring. Washington, DC : United States Institute of Peace, 2012.
11. Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge : Polity Press, 2012.
12. Comminos A. Twitter Revolutions and Cyber Crackdowns User-generated Content and Social Networking in the Arab Spring and Beyond. Association for Progressive Communications (APC), 2011.
13. Esfandiari G. The Twitter devolution // Foreign Policy. 7 June 2010.
14. Gladwell M. Small Change: Why the Revolution Won't be Tweeted // New Yorker. 4 October 2010.
15. Howard P., Muzammil H. Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. Oxford : Oxford University Press, 2013.
16. Lynch M. After Egypt: The Limits and Promise of Online Challenges to the Authoritarian Arab State // Perspectives on Politics. 2011. N 9 (2). P. 301–310.
17. Moldova forces regain control of parliament after 'Twitter revolution' [Online Source] // www.guardian.co.uk. 08.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau> (accessed 10. 12. 2019).
18. Moy P., Torres M., Tanaka K., McCluskey M.R. Knowledge or trust? Investigating linkages between reliance and participation // Communication Research. 2005. N 32 (59).
19. Mozorov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y. : Public Affairs, 2011.
20. Rodgers J. Spatializing International Politics. Analysing Activism on the Internet. L. : Routledge, 2003.

21. Shirky C. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. L. : Allen Lane, Penguin Group, 2009.
22. Sunstein C. Republic.com 2.0. New Jersey : Princeton University Press, 2007.
23. Woolley J., Limperos A., Oliver M. The 2008 Presidential Election, 2.0: A Content Analysis of User-Generated Political Facebook Groups // New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election /ed. by Thomas J. Johnson, David D. Perlmutter. Oxon, N.Y. : Routledge, 2011. P. 79–100.

About the author:

Alexander A. Malkevich, Professor-consultant of the Department of Advertising And Public Communications of Philological faculty of the Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science, Associate Professor; alexander.malkevich@gmail.com

Стратегические ориентиры государственной коммуникационной политики в информационном обществе

Штриков С. А.

АО «Синергия Групп», Москва, Российская Федерация; shtrikov_sa@cnrg-group.com

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи является критический анализ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Теоретической основой анализа выступает теория информационного общества и коммуникативная теория власти. Имея богатый объяснительный потенциал и основываясь на масштабных эмпирических исследованиях, данные теории комплексно характеризуют основные элементы существующей социально-экономической системы в их взаимосвязи с политическим действием и способствуют формированию обоснованных управленческих рекомендаций. Методы исследования включают в себя структурный и контекстуальный анализ текста, выполненный с помощью программы MAXQDA (n=225) и позволяющий раскрыть значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и их соотношение друг с другом. Результаты исследования демонстрируют, что в Стратегии отражены все доминантные параметры коммуникационной политики в информационном обществе: цифровизация индивидуального, организационного и пространственного развития; формирование правовых и институциональных основ общества знаний на международном уровне; внедрение интеллектуальных способов работы с данными и принятия решений на основе анализа больших данных в науке, промышленности, бизнесе, а также в государственном управлении; управленческие трансформации и формирование все новых компетенций у стейкхолдеров информационного общества, к которым в том числе принадлежат государственные служащие. Однако акцент на безопасность, сделанный в Стратегии, относится к экстенсивным элементам развития коммуникационной политики органов государственной власти. Как показывают современные исследования, ограничительное развитие является критическим элементом, препятствующим формированию эффективной коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. В статье обосновывается вывод о целесообразности замены коннотации безопасности как ограничения на коннотацию безопасности как устойчивого развития. Устойчивое развитие может и должно выступать стратегическим ориентиром государственной коммуникационной политики в целях развития информационного общества в современной России.

Ключевые слова: Государственная коммуникационная политика, стратегическое развитие, информационное общество, общество знаний, устойчивое развитие

Для цитирования: Штриков С. А. Стратегические ориентиры государственной коммуникационной политики в информационном обществе // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 43–55.

Strategic Guidelines for the Development of the Public Authorities Communication Policy in the Information Society

Sergei A. Shtrikov

Synergy Group JSC, Moscow, Russian Federation; shtrikov_sa@cnrg-group.com

ABSTRACT

The purpose of this article is to critically analyze the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. The theoretical basis of the

analysis are the theory of information society and communicative theory of power. Having a rich explanatory potential and based on the large-scale empirical research, these theories comprehensively characterize the main elements of the existing socio-economic system in their relationship with political action. Thus they contribute to the development of practical recommendations for public authorities. *Methodologically*, this study is based on the structural and contextual analysis of the text, carried out with the help of MAXQDA (n=225) and allows to reveal the importance of key parameters of communication policy in the information society and their relations with each other. The *results* of the study show that the Strategy reflects all the key parameters of communication policy in the information society, like: the digitalization of individual, organizational and spatial development; the formation of legal and institutional foundations of the knowledge society at the international level; the introduction of artificial intelligence and big data based decision making in science, industry, business, and in governance; the transformations in administration and management and the formation of new competences in the information society's stakeholders. However, the Strategy makes a very strong emphasis on security issues. This refers to the extensive elements of the development of communication policy of public authorities. Contemporary studies research shows, that the restrictive development is a critical element that prevents the formation of an effective communication policy of public authorities in the information society. The article substantiates the *conclusion* that it is expedient to change the connotation of the security concept, and to understand it in terms of sustainable development. Sustainable development should serve as a strategic reference point for the state communication policy in order to develop the information society in contemporary Russia.

Keywords: communication policy, strategic development, information society, knowledge society, sustainable development

For citing: Shtrikov S. A. Strategic Guidelines for the Development of the Public Authorities Communication Policy in the Information Society // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 43–55.

Введение

Развитие информационно-коммуникативных технологий существенным образом преобразует многие аспекты социальных, экономических и политических отношений в обществе. С начала 2000-х годов в России принят курс на формирование информационного общества, что связано с внедрением передовой компьютерной инфраструктуры, максимально открытого доступа к информации и повышением роли информационно-коммуникационных технологий в экономике. Это привело к повышению оперативности и эффективности принятия решений органами государственной власти, а также к постановке актуального вопроса о перспективах развития управленческих технологий и в частности — о значимости формирования эффективных каналов коммуникационной политики в новых социально-экономических условиях [8].

В этом отношении особое значение приобретает деятельность органов государственной власти по формированию коммуникационной политики, и прежде всего — создание ее фундаментальных основ, учитывающих ключевые тенденции информационного общества и экономики знаний. На сегодняшний день основным стратегическим документом в данной сфере является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (далее — Стратегия), принятая указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹. В документе подчеркивается, что информационно-коммуникационные технологии стали частью современных управ-

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363. (дата обращения: 21.06.2019).

ленческих систем во всех секторах экономики, в различных сферах государственного управления, в области безопасности государства и обеспечения правопорядка. Это утверждение имеет под собой серьезные основания. Аудитория русскоязычного сегмента сети интернет к апрелю 2019 г. достигла 92,8 млн чел. — то есть почти 70% населения России. За год число пользователей сети увеличилось на 3% [5]. По оценке Института статистических исследований и экономики знаний НИУ Высшая школа экономики, к 2030 г. рост ВВП будет более чем наполовину связан с цифровизацией (1,47% из 2,75% ежегодного прироста ВВП) [3]. В долгосрочной перспективе цифровизация станет важным структурным фактором экономического роста и развития [14].

В условиях столь динамично меняющейся информационной среды само наличие Стратегии развития информационного общества является значимым инструментом государственного управления. Анализу стратегических подходов к развитию информационного общества в России посвящено уже несколько научных работ [1; 4; 6; 7], демонстрирующих, что благодаря Стратегии государственное и муниципальное управление получило новый толчок к развитию информационных и коммуникационных систем. В то же время данные статьи не дают ответа на вопрос о том, насколько эффективной основой является Стратегия для формирования коммуникационной политики органов государственной власти? Ведь несмотря на важность технико-информационного развития, ключевым фактором формирования информационного общества были и остаются коммуникационные технологии, благодаря которым становятся возможными и экономические, и политические, и социальные изменения [19].

Как утверждает М. Кастельс, в настоящее время богатство, власть и генерирование знаний во многом зависят от способности организовать общество таким образом, чтобы оно могло воспользоваться благами новой технологической системы, коренящейся в микроэлектронике, коммуникации и цифровой коммуникации, с ее растущей связью с биологической революцией и ее производной, геной инженерией [11, р. 3]. Другими словами, коммуникационная политика органов власти должна формироваться на основе Стратегии развития информационного общества, но в то же время сама Стратегия должна способствовать формированию коммуникационной политике, адекватной новой социально-экономической реальности.

Целью данной статьи является критический анализ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Теоретической основой анализа выступает теория информационного общества и коммуникативная теория власти. Будучи одной из самых новых и перспективных теорий, объясняющих политические и властные отношения в современном мире, коммуникационная теория власти имеет богатый объяснительный потенциал, который возможно использовать для развития управленческих рекомендаций по совершенствованию Стратегии на национальном и региональном уровнях. Теория информационного общества, в свою очередь, позволяет охарактеризовать основные элементы существующей социально-экономической системы в их взаимосвязи с политическим действием.

Теоретические основы

Современные исследования опираются на большие массивы эмпирических данных, многочисленные международные индексы и экспертные оценки, которые позволяют охватить и обобщить более 50 лет информационных и следующих за ними экономических и социальных трансформаций в современном мире. Коммуникационная теория власти и теория информационного общества основываются на следующих признанных и доказанных тенденциях.

Во-первых, в информационном обществе происходит трансформация условий жизни человека — персонализация и виртуализация здравоохранения и образования [15], технологическое усложнение и исчезновение ряда традиционных профессий по причине автоматизации многих трудовых операций, а также появление новых профессий, основной характеристикой которых становится неалгоритмизируемый труд и творчество [13]; активная социальная интеграция лиц с ограниченными возможностями и одиноких пожилых людей; цифровизация пространственного развития территорий (распространение «умных» городов, «умных» домов, цифровых рабочих мест) [9]. Формирование правовых основ общества знаний происходит благодаря актуализации потребностей новых форматов коммуникаций и развитию информационно-коммуникационных технологий.

Во-вторых, происходит распространение новых клиентоориентированных бизнес-моделей, в которых основным источником создания стоимости является высокоскоростная обработка больших данных и активное использование искусственного интеллекта [12]. Развитие общества знаний форсирует экономическое развитие в передовых регионах, что в свою очередь формирует новый виток технологического развития, развития инфраструктуры и повышения качества жизни граждан [2]. Это приводит к формированию стейкхолдеров нового типа, заинтересованных в прогрессивных технологических, социальных, экономических и политических изменениях в обществе.

В-третьих, распространяется цифровизация промышленного производства, ведущая к снижению стоимости технологических решений и переориентации бизнес-модели предприятий от продуктоориентированных к сервисным [23], а также цифровизация науки благодаря распространению машинного обучения и интеллектуального анализа огромных массивов данных практически во всех предметных областях. Творчество и инновации становятся основными движущими силами создания ценностей и социальных изменений. В мире цифровых сетей процесс интерактивного творчества начинает противоречить законодательству о правах собственности, унаследованному от индустриальной эпохи. Кроме того, поскольку крупные корпорации строят свое богатство и власть на контроле над этими правами собственности, независимо от новых условий инновационной деятельности, компании и правительства еще более усложняют коммуникацию инноваций, чем в прошлом [11].

В-четвертых, происходит цифровизация государственного управления [25] через создание цифрового правительства, основанного на идеях клиентоориентированности, омниканальности и гибкости управления (agile) [24] через постоянное использование механизмов обратной связи с населением на протяжении всего срока реализации мероприятий и программ [3]. Органы государственной власти «поворачиваются лицом» к населению, предлагая и выполняя различного рода услуги, использование которых становится проще и результативнее. В этом отношении интернет и электронная почта в значительной степени представляют собой эффективные каналы передачи информации, обеспечивающие в том числе обратную связь, транслирующую предпочтения и ценности граждан и, таким образом, позволяют им участвовать в государственном управлении, особенно на местном и региональном уровнях. При этом государственный сектор является той сферой общества, в которой новые коммуникационные технологии наименее распространены и организационные препятствия для инноваций и сетевого взаимодействия наиболее выражены [11, р. 16]. Это обуславливает значимость управленческих трансформаций — прежде всего, трансформаций технологий управленческой деятельности, коммуникативных технологий и технологий развития человеческого капитала в управленческой сфере. В новом формате общественных отношений невозможно управлять по-старому. Управленческое воздействие должно искать эффективные способы реализации, а государственные служащие — приобретать новые знания и навыки [16].

В-пятых, новая социальная реальность является не резким скачком изменений, а результатом эволюционного развития [10]. Оно опирается на предшествующие форматы общественных отношений, то есть исходит из принципа преемственности в формировании духовного и культурного развития общества [17]. Это развитие призвано быть безопасным и устойчивым, и только при этих условиях оно может быть признано прогрессивным [22].

Материалы и методы

Исследование включает два этапа. На первом этапе мы проведем структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Задачей этого этапа является формирование представления о доминантных характеристиках ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе. Исходя из проведенного теоретического анализа, к таковым параметрам относятся следующие: управленческие трансформации; формирование правовых основ общества знаний; экономическое развитие; формирование стейкхолдеров нового типа; технологичное и инфраструктурное развитие; безопасное развитие; устойчивое развитие; развитие общества знаний; коммуникационно-политическое развитие; преемственное развитие; духовное и культурное развитие.

На втором этапе с помощью компьютерной программы MAXQDA-2018.2 (<https://www.maxqda.com>) мы проведем кодирование текста Стратегии с тем, чтобы раскрыть значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и их соотношения друг с другом. В процессе анализа каждому значимому фрагменту текста Стратегии присваивался один или несколько кодов, которые затем были проанализированы с помощью структурного и графического анализа. Всего было закодировано 225 текстовых элементов.

Результаты

Структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (табл.) позволяет сделать вывод, что в ней отражены в том или ином объеме все ключевые параметры коммуникационной политики в информационном обществе. В Стратегии подчеркивается, что ее целью является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, и для развития информационного общества «государством создаются условия для формирования пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике в интересах личности, общества и государства»¹. Данная формулировка отвечает концептуальным характеристикам коммуникативной теории власти и современным трендам государственной коммуникационной политики. Более того, целью создания и новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы «является повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития»².

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

² Там же.

Дальнейший анализ текста Стратегии с использованием компьютерной программы MAXQDA позволяет продемонстрировать значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и связи между ними. Количественное распределение ключевых параметров развития коммуникационной политики в информационном обществе показывает, что согласно тексту Стратегии, основной смысл развития информационного общества в Российской Федерации составляет тройка: технологичное и инфраструктурное развитие (49 единиц) — безопасное развитие (44 единицы) — духовное и культурное развитие (24 единицы). Несколько меньшее внимание уделяется экономическому развитию (22 единицы), формированию правовых основ общества знаний (19), коммуникационно-политическому развитию (19 единиц), развитию общества знаний (15 единиц), управленческих трансформаций (14 единиц) и формированию стейкхолдеров нового типа (12 единиц). Наименьшее влияние в Стратегии имеют коды преемственного развития (6) и устойчивого развития (1 единица). Такая структура не в полной мере соответствует представлениям о приоритетах формирования информационного общества, обоснованных в коммуникативной теории власти, поскольку свидетельствует о том, что во главу угла поставлено технологическое развитие, в то время как коммуникационному фактору, придающему этому развитию смысл и организационное оформление, внимания уделено существенно меньше.

Наиболее крупными смысловыми узлами Стратегии являются пересечения кодов «технологичное и инфраструктурное развитие» и «безопасное развитие», «духовное и культурное развитие — безопасное развитие», «духовное и культурное развитие — коммуникационное и политическое развитие», а также «духовное и культурное развитие — развитие общества знаний». Бинарная матрица кодированных единиц показывает, что несмотря на декларируемое развитие информационного общества, технологического развития, инноваций и общества знаний, вся коммуникационная политика государства при этом должна быть, согласно идее Стратегии, направлена на поддержание безопасного развития, и прежде всего — через развитие культурное и духовное. Если учесть, что духовное и культурное развитие в российском политическом дискурсе является достаточно консервативным понятием, можно сделать вывод о том, что текущий вариант Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. нуждается в трансформации, поскольку не обеспечивает необходимой управленческой динамики коммуникационной политики и глобальным тенденциям развития информационного общества.

Графическая репрезентация кодированных единиц показывает, что технологичное/инфраструктурное развитие и безопасное развитие обнаруживают себя как отдельно стоящий и наиболее сильный кластер приоритетов развития информационного общества. И если с технологическим развитием можно при определенных оговорках согласиться, то подробное рассмотрение сути безопасного развития заставляет предположить, что оно противоречит корневой динамике информационного общества и следовательно должно быть так трансформировано в рамках коммуникационной политики органов государственной власти, чтобы при соблюдении важнейших внешнеполитических ограничений и требований безопасности не нарушать информационно-коммуникативного прогресса. Подчеркнем также, что особую значимость в сформированном графе имеет плотная связка «формирование стейкхолдеров нового типа — управленческие трансформации». Ее наличие, хоть и не в столь интенсивном формате, как лидирующие смысловые узлы, указывает на то, что в стратегии есть потенциал коммуникативного действия.

Представим гипотетически, что код «безопасное развитие» вообще исключен из анализируемого документа. В данном случае семь кодов занимают равноцентральное положение, группируясь вокруг технологичного и инфраструктурного развития. Экономическое развитие оказывается близко связанным с коммуникационно-по-

Структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

Table. Structural analysis of the text of the Strategy for the Development of the Information Society in the (Russian Federation for 2017–2030

Название раздела № пунк-тов	Краткое содержание	Отражение ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе
I. Общие положения		
1–4	Правовые основы Стратегии, основные принципы и понятия	Дуализм свободы и безопасности, <i>премущественности</i> и инновационности
II. Россия в современном информационном обществе		
5–19	Конвенциональные документы и социальные процессы, положенные в основу Стратегии. Проблемы, недостатки и преимущества развития цифрового общества	Связь <i>духовно-культурного</i> аспекта развития информационного общества с приоритетами технологического развития
III. Цель настоящей Стратегии и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества		
20–23	Определение национальных интересов и реализуемых приоритетов	Значимость <i>коммуникационно-политического</i> аспекта при формировании общества знаний (формирование пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике)
24–26	Формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений	Характеристики информации в обществе знаний
27–34	Развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации	<i>Инфраструктурное развитие</i> , связь развития новых технологий с безопасностью государства, <i>управленческими трансформациями</i> и новыми компетенциями <i>стейкхолдеров информационного общества</i>
35–38	Создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне	Технологичное и инфраструктурное развитие, ее связь с международной безопасностью и важностью формирования <i>правовых основ</i> информационного общества

Название раздела № пункт-тов	Краткое содержание	Отражение ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе
39–41	Формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы	Экономическое развитие, экономика знаний. Значимость <i>устойчивого развития</i> Российской Федерации
42–45	Обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики	Безопасность развития общества знаний в России с точки зрения международной политики
IV. Приоритетный сценарий развития информационного общества в России		
46–51	Критерии успешного развития информационного общества	—
V. Перечень показателей реализации настоящей Стратегии и этапы ее реализации		
52–54	Рекомендации Правительству Российской Федерации	Механизмы оценки эффективности развития информационного общества
VI. Управление реализацией настоящей Стратегии. Источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по реализации настоящей Стратегии. Задачи, функции и порядок взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при реализации настоящей Стратегии		
55–65	Определен перечень государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, участвующих в реализации Стратегии	Субъективизация управленческих трансформаций (выделение основных акторов управления и субъектов коммуникационной политики)

литическим, а управленческие трансформации логически взаимозависимы с формированием стейкхолдеров информационного типа.

Обсуждение

Полученные результаты анализа Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. продемонстрировали значимость активной коннотативной деятельности в ходе формирования и реализации коммуникационной политики органов государственной власти. Взаимосвязь и взаимозависимость закодированных элементов позволила показать уязвимые стороны текста Стратегии. Если в ходе практической коммуникационной деятельности не уделить этим элементам должное внимание, то реализация основной цели Стратегии — развитие информационного общества — может быть существенно затруднена. Несмотря на то, что информационное общество в Стратегии имеет достаточно унифицированную формулировку: это «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»¹, в Стратегии также признается, что

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

цифровая экономика «оказывает существенное влияние на темпы роста валового внутреннего продукта Российской Федерации». И задача коммуникационной политики органов государственной власти — способствовать достижению этой цели.

Если все закодированные единицы поделить на прогрессивные (способствующие развитию информационного общества) и экстенсивные (тормозящие его развитие) [20; 26], то мы увидим, что один из ключевых и наиболее часто встречающихся элементов — безопасное развитие — будет отнесено к экстенсивному типу. Мы показали, как изменится концептуальный рисунок текста, если эту единицу анализа исключить. Безусловно, данное исключение носит лишь характер теоретического моделирования: поскольку правовую основу Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. составляют в числе прочих Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, столь пристальное внимание к стратегической значимости безопасного развития объяснимо и необходимо. Однако нельзя не учитывать и то, что как показывают современные исследования, ограничительное развитие является критическим элементом, препятствующим формированию эффективной коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. И если безопасность понимать как ограничение, в том числе ограничение национальной, то безопасное развитие не может стать основой коммуникационной политики.

Разрешить сложившееся противоречие представляется возможным путем более детального анализа текста Стратегии, а именно тех его отрывков, которые получили код «безопасное развитие». К таковым относятся, например, следующие¹:

- для формирования информационного пространства знаний необходимо сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 26г);
- для устойчивого функционирования информационной инфраструктуры Российской Федерации необходимо заменить импортное оборудование, программное обеспечение и электронную компонентную базу российскими аналогами, обеспечить технологическую и производственную независимость и информационную безопасность (п. 29д);
- для предоставления безопасных и технологически независимых программного обеспечения и сервисов необходимо создать российское общесистемное и прикладное программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование и пользовательские устройства для широкого использования гражданами, субъектами малого, среднего и крупного предпринимательства, государственными органами и органами местного самоуправления, в том числе на основе обработки больших объемов данных, применения облачных технологий и интернета вещей (п. 30а).

Все эти примеры демонстрируют ограничительную коннотацию понятия «безопасность», связанную с введением определенных интернациональных ограничений. В модели коммуникационной теории власти и информационного общества такая коннотация понятия «безопасность» относится к практикам неустойчивого развития. Подобная ситуация складывается во многих странах мира благодаря напряженной международной политической обстановке, однако в то же время она затрудняет формирование и развитие информационного общества, входя в конфликт с глобальными тенденциями коммуникационной открытости. Подобная ориентация в области безопасности не может быть признана эффективной, несмотря на довольно существенные финансовые и административно-организационные ресурсы, вкладываемые в ее развитие [18; 21]. Поэтому в рамках развития коммуникационной

¹ Там же.

политики органов государственной власти необходимо осознать неэффективность подобного подхода к обеспечению безопасности и акцентировать другую, прогрессивную, коннотацию понятия «безопасное развитие», которое логически вытекает из модели устойчивого развития.

К сожалению, в тексте Стратегии присутствует лишь намек на актуализацию кода «устойчивое развитие»: в рамках декларации цели создания новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы утверждается, что таковой выступает «повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития».

Однако проведенный анализ показал, что задачей практического характера является формирование коммуникационной политики органов государственной власти именно на основе модели безопасности в рамках устойчивого развития. Подход к обеспечению безопасности через устойчивое развитие позволяет реализовать коммуникационную политику органов государственной власти в рамках современных тенденций, осмысленных теориями информационного общества и коммуникационной концепции власти. Другими словами, именно устойчивое развитие может и должно выступать стратегической основой коммуникационной политики органов государственной власти в информационном обществе.

Выводы

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, современные тенденции развития государства, описываемые теорией информационного общества и коммуникативной теорией власти, делают невозможным игнорирование необходимости совершенствовать стратегические основы коммуникационной политики органов государственной власти. К таким тенденциям относятся цифровизация индивидуального, организационного и пространственного развития; формирование правовых и институциональных основ общества знаний на международном уровне; внедрение интеллектуальных способов работы с данными и принятия решений на основе анализа больших данных в науке, промышленности, бизнесе, а также в государственном управлении; управленческие трансформации и формирование все новых компетенций у стейкхолдеров информационного общества, к которым в том числе относятся государственные служащие.

Во-вторых, текст Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. в целом соответствует современным тенденциям развития коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. Она объединяет все ключевые инструменты такого развития, включая важнейшие из них: направления технологического и инфраструктурного развития, формирование стейкхолдеров нового типа, а также необходимость управленческих трансформаций для формирования общества знаний.

В-третьих, акцент на безопасность, сделанный в Стратегии, в текущем виде относится к экстенсивным элементам развития коммуникационной политики органов государственной власти в целях формирования информационного общества. Замена коннотации безопасности как ограничения на коннотацию безопасности как устойчивого развития помогает решить эту проблему и способствует наиболее эффективной реализации коммуникационной политики органов государственной власти в современной России.

Литература

1. Алиев В. М. Политико-правовые аспекты перехода к цифровой экономике в России // Российский следователь. 2018. № 9. С. 48–52.
2. Балашов А. И., Рогова Е. М., Рудская И. А. Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге // Экономическое возрождение России. 2015. № 1 (43). С. 96–114.
3. Гохберг Л. М. (ред.) Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Электронный ресурс] 2019. URL: <https://issek.hse.ru/press/264581421.html> (дата обращения: 10.07.2019).
4. Земцов С. П. Потенциальная роботизация и экономика незнания в регионах России [Электронный ресурс]. XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М. : НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/2018/program>. (дата обращения: 28.07.2019).
5. Кривошапко Ю. РАЭК: Аудитория Рунета достигла 92,8 миллиона человек [Электронный ресурс] // RG.RU-Digital. 17.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> (дата обращения: 10.07.2019).
6. Кузнецов П. У. Концептуальные условия государственной политики в сфере цифровой трансформации общества // Российское право. 2018. № 6. С. 12–16.
7. Меньшиков П. В. Коммуникация как управленческая функция современного государства // Право и управление XXI век. 2017. № 3. С. 81–90.
8. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 6–15.
9. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach. *Cities*. 2014. N 41. P. 3–11.
10. Beniger J. R. The control revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
11. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006.
12. Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. Artificial intelligence and the 'good society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*. 2017. P. 1–24.
13. Csikszentmihalyi M. Society, Culture, and Person: A Systems View of Creativity. In: *The Systems Model of Creativity*. Springer, Dordrecht. 2014. P. 47–61.
14. Degryse C. Digitalisation of the economy and its impact on labour markets, Working Paper N 2016.02, European Trade Union Institute (ETUI).
15. Eskens S., Helberger N., Moeller J. Challenged by news personalisation: five perspectives on the right to receive information. *Journal of Media Law*. 2017. N 9 (2). P. 259–284.
16. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. *Public Administration Review*. 2007. N 67 (5). P. 917–929.
17. Martin W. The global information society. Aldershot: Gower. 1995.
18. Roztocki N., Weistroffer H. R. Information technology success factors and models in developing and emerging economies. *Information Technology for Development*. N 17 (3). 2011. P. 163–167.
19. Sassen S. Towards a sociology of information technology. *Current Sociology*. 2002. N 50 (3). P. 365–88.
20. Slevin J. The Internet and Society. Cambridge : Polity. 2000.
21. Steyn J., Johanson G. (Eds.). ICTs and sustainable solutions for the digital divide: Theory and perspectives. Hershey: Idea Group. 2010.
22. Тјоа А. М., Тјоа С. The Role of ICT to Achieve the UN Sustainable Development Goals (SDG). In: Mata F., Pont A. (eds) *ICT for Promoting Human Development and Protecting the Environment*. WITFOR 2016. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Vol. 481. Springer, Cham. 2016. P. 3–13.
23. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? *Homo Virtualis*. 2018.1 (1). P. 4–12.
24. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. In: Price M et al. (eds) *Routledge Handbook of Media Law*. London: Routledge. 2012. P. 17–34.
25. Van den Bulck H. Old Ideas Meet New Technologies: Will Digitalisation Save Public Service Broadcasting (Ideals) From Commercial Death? *Sociology Compass*. 2007. N 1 (1). P. 28–40.
26. Wilhelm A. Digital Nation, Towards an Inclusive Information Society. Cambridge, MA, London: The MIT Press. 2004.

Об авторе:

Штриков Сергей Анатольевич, Генеральный директор АО «Синергия Групп» (Москва, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Aliev V.M. Political and legal aspects of transition to digital economy in Russia // Russian Investigator [Rossii'skii' sledovatel']. 2018. N 9. P. 48–52. (In rus)
2. Balashov A. I., Rogova E. M., Rudskaya I. A. Formation of regional innovation system in St. Petersburg // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2015. N 1 (43). P. 96–114. (In rus)
3. Gohberg L. M. (ed.) What is the digital economy? Trends, competencies, measurement [Electronic resource] 2019. URL: <https://issek.hse.ru/press/264581421.html> (date of address: 10.07.2019). (In rus)
4. Zemtsov S. P. Potential robotics and the economics of ignorance in the regions of Russia [Electronic resource]. The XIX April international scientific conference on economic and social development. M. : HSE. URL: <https://conf.hse.ru/2018/program>. (date of the address: 28.07.2019). (In rus)
5. Krivoshapko Yu. RAEC: The audience of Runet reached 92.8 million people [Electronic resource] // RG.RU-Digital. 17.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> (date of address: 10.07.2019). (In rus)
6. Kuznetsov P. U. Conceptual conditions of state policy in the sphere of digital transformation of society // Russian law [Rossiiskoe pravo]. 2018. N 6. P. 12–16. (In rus)
7. Menshikov P. V. Communication as a management function of the modern state // Law and governance of the 21st century [Pravo i upravlenie XXI vek]. 2017. N 3. P. 81–90. (In rus)
8. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the Post-Soviet system of public administration // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12 (96). P. 6–15. (In rus)
9. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach. Cities. 2014. N 41. P. 3–11.
10. Beniger J. R. The control revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
11. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006.
12. Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. Artificial intelligence and the 'good society': the US, EU, and UK approach. Science and Engineering Ethics. 2017. P. 1–24.
13. Csikszentmihalyi M. Society, Culture, and Person: A Systems View of Creativity. In: The Systems Model of Creativity. Springer, Dordrecht. 2014. P. 47–61.
14. Degryse C. Digitalisation of the economy and its impact on labour markets, Working Paper N 2016.02, European Trade Union Institute (ETUI).
15. Eskens S., Helberger N., Moeller J. Challenged by news personalisation: five perspectives on the right to receive information. Journal of Media Law. 2017. N 9 (2). P. 259–284.
16. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. Public Administration Review. 2007. N 67 (5). P. 917–929.
17. Martin W. The global information society. Aldershot: Gower. 1995.
18. Roztocky N., Weistroffer H. R. Information technology success factors and models in developing and emerging economies. Information Technology for Development. N 17 (3). 2011. P. 163–167.
19. Sassen S. Towards a sociology of information technology. Current Sociology. 2002. N 50 (3). P. 365–88.
20. Slevin J. The Internet and Society. Cambridge : Polity. 2000.
21. Steyn J., Johanson G. (Eds.). ICTs and sustainable solutions for the digital divide: Theory and perspectives. Hershey: Idea Group. 2010.
22. Tjoa A. M., Tjoa S. The Role of ICT to Achieve the UN Sustainable Development Goals (SDG). In: Mata F., Pont A. (eds) ICT for Promoting Human Development and Protecting the Environment. WITFOR 2016. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Vol. 481. Springer, Cham. 2016. P. 3–13.
23. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? Homo Virtualis. 2018.1 (1). P. 4–12.
24. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. In: Price M et al. (eds) Routledge Handbook of Media Law. London: Routledge. 2012. P. 17–34.

25. Van den Bulck, H. Old Ideas Meet New Technologies: Will Digitalisation Save Public Service Broadcasting (Ideals) From Commercial Death? *Sociology Compass*. 2007. N 1 (1). P. 28–40.
26. Wilhelm A. *Digital Nation, Towards an Inclusive Information Society*. Cambridge, MA, London: The MIT Press. 2004.

About the author:

Sergei A. Shtrikov, General Director of Synergy Group JSC (Moscow, Russian Federation);
shtrikov_sa@cnrg-group.com

Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности

Липатова Л. Н. *, Градусова В. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *In.lipatova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель: анализ миграционных потоков в современной России и выявление связанных с миграцией населения возможных угроз экономической безопасности и социальной стабильности.

Методы: системного подхода, демографического анализа, сравнительного анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты: на основе данных официальной статистики и экспертных оценок проведен анализ ситуации в сфере миграции населения в России, выявлены основные направления перераспределения населения, обоснована необходимость корректировки социально-экономической политики в регионах, испытывающих значительный миграционный оборот.

Выводы: сделаны выводы о возможном усилении негативного влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие Российской Федерации в целом и отдельных регионов, в частности, что требует их детального изучения в целях принятия мер по оптимизации миграционных потоков и корректировке социально-экономической политики.

Ключевые слова: население, миграция, экономическая безопасность, социальная стабильность, трудовой потенциал, рынок труда, государственная социально-экономическая политика

Для цитирования: Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 56–72.

Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability

Ljudmila N. Lipatova*, Valentina N. Gradusova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *In.lipatova@yandex.ru

ABSTRACT

Target: analysis of migration flows in modern Russia and identification of possible threats to economic security and social stability associated with population migration.

Methods: a systematic approach, population analysis, comparative analysis, generalization and interpretation of the results.

Results and discussion: On the basis of official statistics and expert estimates, an analysis of the situation in the field of population migration in Russia was carried out, the main directions of population redistribution were identified, the need for adjusting the socio-economic policy in regions experiencing significant migration was substantiated.

Conclusions. Conclusions are drawn about the possible increase in the negative impact of migration processes on the socio-economic development of the Russian Federation as a whole and individual regions, in particular, which requires their detailed study in order to take measures to optimize migration flows and adjust social and economic policies.

Keywords: population, migration, economic security, social stability, labor potential, labor market, state socio-economic policy

For citing: Lipatova L. N., Gradusova V. N. Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 56–72.

Вопросы миграции всесторонне изучаются мировой наукой. Большой вклад в изучение мотивов, масштабов, направлений и последствий массового перераспределения населения внесли зарубежные ученые географы Э. Г. Равенштайн [32; 33; 34], В. Зелински [39], социологи С. Стоффер [37], Д. Массей [29], Э. С. Ли [28], филолог Д. К. Зипф [40; 41] и представители других наук. В условиях глобализации, когда масштабы территориальных перемещений населения сильно возросли, актуальность таких исследований возрастает.

Предметом изучения в данной статье стала экономическая сторона миграционных процессов. Современные исследователи миграционных потоков подчеркивают их явно выраженную ориентацию из периферии в центр (из развивающихся стран в развитые государства), отмечают, что миграция способствует размыванию границ и ослаблению суверенитета государств [25]. Современной ситуации в сфере миграции и влиянию процессов глобализации на активность территориальной мобильности населения посвящены работы экономистов С. Сассен [35; 36], С. Каслса, М. Миллера [22], Д. Харриса, М. Тодаро [24] и других известных ученых.

Так, Джон Харрис и Майкл Тодаро исследовали взаимное влияние миграционных процессов и ситуации на рынке труда [24]. Другой теоретик миграции — Эверетт С. Ли, развивая концепцию Э. Г. Равенштайна, отмечал, что с местом прибытия и выбытия связаны как позитивные, так и негативные факторы. К первым он, в частности, относит стремление воссоединиться с семьей, повысить качество жизни своей семьи и др., а к негативным обстоятельствам, сказывающимся на принятии решения о смене места жительства, — многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются люди при переезде [28].

Зарубежные авторы, изучающие основные экономические факторы трудовой миграции (концентрация и перераспределение капитала, транспортные возможности, рост численности рабочей силы и др.), доказывают положительную корреляцию между распределением населения и ВВП на душу населения [27]. Особое внимание современные исследователи уделяют гендерным аспектам миграции, подчеркивая особую уязвимость женщин-мигрантов [21; 25; 26].

Г. Адугна, посвятивший свое исследование изучению режимов и структуры миграции из Эфиопии, выявляет связь миграционной динамики и запросов со стороны рынков труда принимающих стран, включая требования к квалификации и полу прибывающей в страну рабочей силы [20]. Изучая социально-демографические последствия миграции, Л. Ванг и другие исследователи из Китая отмечают, что успеваемость и психическое здоровье детей вследствие миграции родителей ухудшаются. Авторами было также на основе опроса установлено, что родительская миграция сильнее сказывалась на оставленных девочках, чем на мальчиках [38].

Каждая страна имеет свои особенности в развитии процессов миграции. Изучению миграции в России посвящены работы Н. В. Парикова [11], Л. Л. Рыбаковского [13], О. Л. Рыбаковского [14], С. В. Рязанцева [15] и других ученых. В последнее время проблемы миграции все чаще связывают с экономической безопасностью страны. Влияние массовых перемещений населения на экономическое развитие исследуют в своих работах Х. М. Вахаев [1], В. А. Волох [2], Т. М. Гаврилова [3], Н. В. Дементьев [4] и другие ученые. Исследованию рассматриваемых проблем на региональном уровне посвящены работы Л. Н. Липатовой, В. Н. Градусовой [7], Н. А. Пруеля [12], С. С. Фешиной [16], М. Ю. Хавинсона, М. П. Кулакова, С. Н. Мишука [17], В. С. Цырюльникова [18], И. А. Юрасова, О. А. Лузгиной, В. Д. Дорофеева [19].

Следует отметить, что под воздействием многих причин ситуация быстро меняется. Это делает необходимым проведение дальнейших детальных исследований в практической плоскости. Основная цель данного исследования — провести анализ миграционных потоков в современной России и выявить связанные с миграцией населения угрозы экономической безопасности и социальной стабильности.

Материалы и методы

При проведении исследования источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов, а также экспертные оценки специалистов. Исследование проводилось с использованием системного подхода, методов демографического анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты

Территориальная мобильность россиян в последние годы значительно усилилась. Это касается как международной миграции, так и перераспределения населения внутри страны. Ограничивать перемещения людей между странами, как показывает опыт европейских стран, испытывающих приток мигрантов из стран Азии и Африки, сложно, а внутри страны практически невозможно. Но при разработке социально-экономической политики необходимо иметь в виду, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Ситуация в европейских странах, столкнувшихся с проблемой миграции, наглядно это подтверждает.

На федеральном уровне миграционный прирост в РФ не вызывает никаких опасений. Более того, в стране реализуются государственные программы по привлечению на территорию России граждан других государств. В России существует другая проблема, связанная с перемещением населения — эмиграция, способная нанести значительный урон человеческому потенциалу страны, а значит, и ограничить возможности развития. Хотя масштабы миграции из России незначительны и в основном поток выбывающих представлен иностранными гражданами (более 80% в 2016 г.), следует обратить внимание на значительный и быстрый прирост численности покинувших страну россиян — за 7 лет этот показатель увеличился почти в два раза (табл. 1).

В 2016 г. РФ наиболее активный обмен населением осуществляла со следующими государствами дальнего зарубежья: Китай (14% совокупного оборота миграции со странами дальнего зарубежья), КНДР (11%), Грузия (9%), Германия (7%), Индия (7%), Вьетнам (6% совокупного оборота миграции со странами дальнего зарубежья)¹. Положительным сальдо миграции было в 2016 г. только в обмене со следующими странами дальнего зарубежья: Абхазия, Афганистан, Болгария, Вьетнам, Грузия, Индия, КНДР, Латвия, Литва, Сирийская Арабская Республика, Турция, Эстония.

Анализируя структуру миграционного потока, следует обратить внимание на такие новые и вместе с тем активно развивающиеся направления, как Китай, КНДР, Индия, Вьетнам. Учитывая языковую специфику данных направлений и темпы нарастания обмена (совокупный миграционный оборот по этим 4 странам в 2010–2016 гг. возрос более чем в 16 раз), можно предположить, что осваивает их в основном молодежь. Именно это обстоятельство и вызывает особое беспокойство. Эта возрастная категория, как правило, легко адаптируется к новым условиям. Более того, современная молодежь проявляет склонность к экзотике и экстриму. Многие из современных молодых людей знают несколько языков, особый интерес проявляют к восточным языкам.

Эксперты считают, что угрозу нашей стране сегодня представляет так называемая «утечка умов». В мировой конкурентной борьбе за высококвалифицированные кадры Россия уступает странам Запада. Есть данные, что за 2000–2014 гг. из РФ

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.2.

Распределение численности выбывших из Российской Федерации по гражданству
 Table 1. Distribution of the number of departures from the Russian Federation,
 by nationality

Гражданство	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Выбывшие из РФ, всего	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475	353 233	313 210
в том числе:							
граждане России	31 734	29 467	46 687	47 439	53 235	51 846	58 739
из них имеют второе гражданство	1512	291	577	625	867	903	1112
иностранцы граждане	1477	6755	74 582	137 329	251 768	298 257	250 840

Источник: Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6.

уехало от 1,5 до 1,8 млн чел.¹ Исследования показывают, что все больше людей с высшим образованием уезжает из России. В докладе «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений» говорится, что, по данным Росстата, в 2015 г. из России уехали 51,8 тыс. граждан, а в 2016 г. — около 60 тыс. чел. Но авторы доклада утверждают, что официальные данные сильно занижены. Согласно миграционной статистике иностранных государств, ежегодно из России эмигрируют около 100 тыс. чел. В настоящее время за рубежом живут около 2,7 млн уроженцев России, из них 1,5 млн чел. имеют российское гражданство.

Около трети эмигрантов из России едут учиться в магистратуру или аспирантуру, еще треть — работать. Половина трудовых иммигрантов в Европе находятся там по «голубой карте» для квалифицированных специалистов. Некоторые переезжают за рубеж для воссоединения с семьей. По данным Росстата, в 2016 г. в зарубежные страны из России выехали 313 210 граждан, 82,3% из них — в трудоспособном возрасте. Среди прибывших в страну мигрантов удельный вес этой возрастной категории составил 77,8%. Особое беспокойство вызывает отток молодежи — на долю возрастной категории 15–29 года приходилось 34% выбывших из нашей страны в рассматриваемом году. Среди прибывших молодых людей было 33%².

Исследования Росстата доказывают, что многие из уехавших хорошо образованы — доля таких людей в общем потоке эмиграции составляет от 30 до 70% в зависимости от принимающей страны. Данные зарубежных стран и результаты интервью с эмигрантами свидетельствуют, что последние годы наблюдается рост квалифицированной эмиграции из России — в среднем 40% переехавших из России на Запад имеют высшее образование. Общая численность образованных российских эмигрантов — около 800 тыс. чел.

Авторы названного выше доклада подчеркивают, что, несмотря на действующую уже много лет программу привлечения квалифицированных иностранных кадров, миграция в Россию не компенсирует отток высококвалифицированных специали-

¹ Эмиграция из России — куда и почему уезжают граждане РФ? [Электронный ресурс]. URL: <http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html> (дата обращения: 15.10.2019).

² Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.3, 7.4.

стов. Образованных людей в страну приезжает меньше, чем уезжает. И даже если у мигранта есть должное образование, вероятнее всего, он сможет устроиться только на не требующую никакой квалификации работу¹.

Специалисты РАН отмечают, что за последние три года наблюдается рост эмиграции из страны высококвалифицированных специалистов. По словам главного ученого секретаря президиума РАН, только с 2013 по 2016 гг. количество уехавших увеличилось с 20 до 44 тыс. чел. При этом многие российские научные организации испытывают нехватку кадров. Так, в институтах Федерального агентства научных организаций за последние три года численность ученых сократилась с 69,5 до 67 тыс. чел. Кроме того, каждый третий ученый в России достиг пенсионного возраста. А уезжает из страны в основном талантливая молодежь. Исследования ученых из МГУ им. М. В. Ломоносова так характеризуют современные тенденции миграции и настроения российской молодежи: только 30% студентов твердо заявили, что ни при каких обстоятельствах не уедут из страны. Первое место среди причин, побуждающих к трудовой миграции, занимают доходы. Около 40% из числа тех, кто не уехал, но теоретически допускают такую возможность, говорили о том, что их не устраивает перспектива низкого уровня жизни.

Среди значимых причин, побуждающих к отъезду, также фигурировала невозможность реализовать собственный творческий потенциал. У многих, кто уехал, не было никакого опыта работы или имелся минимальный. Современные молодые люди амбициозны и хотят сразу заниматься тем, что им интересно и принесет желаемый доход. Респондентами отмечались еще два важных фактора, которые подталкивают уехать из страны, — это политическая нестабильность и недостаточный уровень экономической свободы. На это указывали примерно 40% участников данного опроса. Среди эмигрировавших респондентов каждый второй отметил, что окончил бакалавриат с отличием. Лишь 8 из 84 чел. указали, что успеваемость во время обучения была низкой. Среди выпускников, не совершавших эмиграции, отличную учебу отмечала существенно меньшая часть респондентов — 32%. То есть, чем выше человеческий капитал, тем больше вероятность отъезда.

Исследования выявили еще одну закономерность — студенты, которые участвовали в программах обмена с зарубежными вузами или проходили когда-то практику за рубежом, чаще выражали готовность уехать. Не менее 36% эмигрировавших участвовали в подобных программах. Выпускники экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова чаще всего переселяются в США (более 1/4), затем в порядке убывания следуют Германия, Великобритания, Нидерланды. Большая часть эмигрировавших выпускников МГУ им. М. В. Ломоносова в эмиграции работают по полученной на родине специальности. Но участники опроса признались, что если потребуется, они готовы сменить профессию, но остаться в стране пребывания.

Исследование специалистов МГУ им. М. В. Ломоносова также показывает, что уехавшие поддерживают со страной исхода очень слабые отношения. Общаются в основном с самыми близкими людьми, профессиональных вопросов это общение, как правило, не затрагивает. Некоторые участники опроса (6% респондентов) также сообщили, что деньги переводят редко, и суммы таких переводов незначительны (как правило, не более 100 долл.). При этом признались, что посещая родину в качестве туристов, не скупаются (приобретают билеты на транспорт, в театры, музеи, ходят в магазины и т. п.)².

¹ Утечка мозгов из России ускорилась [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/ (дата обращения: 15.10.2019).

² «Лекарства от утечки умов нет и не будет». Из России бегут профессионалы. Они не хотят прозябать на родине [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/18/poravalit/> (дата обращения: 10.10.2019).

Серьезную угрозу национальной безопасности России представляет не только прямая потеря интеллектуальных ресурсов вследствие миграции, но и связанное с этим возможное снижение общего уровня образования в стране. Ученые уезжают из страны потому, что недостаточно финансируются школы, университеты и проведение научных исследований, а социальный статус и уровень оплаты труда ученых в России остаются невысокими.

Ученые отмечают, что опасность для России заключается и в оттоке за рубеж предпринимателей, в которых так остро нуждается наша экономика [5; 6]. К принятию такого решения в пользу западных стран для этой категории мигрантов склоняют: стабильное и прозрачное законодательство, низкий уровень коррупции, простота открытия бизнеса, более высокая доступность кредитных ресурсов, широкие возможности найти инвесторов для своих бизнес-проектов. Как показали результаты опроса, проведенного в мае 2017 г. московской компанией «Агентство Контакт» среди 467 топ-менеджеров российских и международных фирм, в ближайшие два года каждый шестой его участник намеревается уехать в другую страну. Большинство хотят жить в США, Германии или Великобритании.

Перемещения людей воспрепятствовать нельзя. Задача государства состоит в том, чтобы изучать имеющийся международный опыт по регулированию миграции и адаптировать его к современным российским условиям. Предотвратить массовый отток специалистов может только четкая государственная политика в отношении ученых и высококвалифицированных специалистов.

А для сохранения социальной стабильности и предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве необходимо при реализации государственной политики учитывать национальную структуру прибывающих в страну мигрантов. По данным статистики, большая их часть приходится на страны СНГ — 88% от численности прибывших в Россию в 2016 г. иностранных граждан. Хотя более 37% этого потока приходилось на славянские государства Украину и Беларусь, значительная часть прибывших в Россию была представлена гражданами Узбекистана (13%), Казахстана (12%), Таджикистана (11%), Армении (8,5%)¹. Это требует разработки и реализации программы мероприятий по предотвращению конфликтов на международной и межконфессиональной почве.

Если для РФ миграция в целом особой угрозы не представляет, то на уровне регионов перераспределение населения может вызвать разнообразные проблемы. В последние годы перемещения населения внутри страны значительно активизировались. Если в 2010 г. численность внутренних мигрантов не превышала 2 млн чел., то в последние годы их число удвоилось. В 2017 г. более 4 млн россиян сменили место жительства. Столь масштабное перераспределение населения способно серьезно осложнить управление социально-экономическими системами, как регионов-доноров, так и принимающей стороны. Массовый отток населения из региона может негативно сказаться на трудовом потенциале территории. Высокая привлекательность региона для мигрантов ведет к усилению нагрузки на социальную инфраструктуру. Это требует детальных исследований по выявлению основных причин и направлений миграции.

В 2017 г. наибольший вклад в миграционный оборот внес Центральный федеральный округ: на него приходилось 24% выбывших и 27% прибывших в масштабах страны. Поток выбывающих из регионов ЦФО на 3/4 представлял собой перераспределение населения внутри этого округа. По 6% переехали в ПФО и СЗФО (табл. 2).

Следующий по объему миграционного обмена федеральный округ — Приволжский. На него в 2017 г. пришлось 19,5% выбывших и 18% прибывших. 71% вы-

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6.

Межрегиональная миграция населения в Российской Федерации в 2017 г., человек

Table 2. Interregional population migration in the Russian Federation in 2017, peoples

Территория прибытия / Территория выбытия	РФ	В федеральные округа								
		Централь- ный	Северо- Западный	Южный	Северо- Кавказский	Приволж- ский	Уральский	Сибирский	Дальнево- сточный	
Российская Федерация	4 184 467	1 125 740	564 395	418 150	167 853	752 440	370 516	563 849	221 524	
Из федеральных округов										
Центральный	1 000 837	758 629	59 313	47 056	21 663	64 050	16 907	21 217	12 002	
Северо-Западный	519 324	62 731	366 466	22 729	8915	28 839	9619	12 323	7702	
Южный	400 777	65 873	25 488	242 029	19452	15 084	12 510	12 042	8299	
Северо-Кавказ- ский	196 911	38 222	13 848	24 744	98596	5835	9 060	4146	2460	
Приволжский	814 535	109 435	41 224	22 426	5238	577 336	42 514	9 964	6398	
Уральский	390 529	28 663	16 965	20 227	7574	41 854	256 168	16 087	2991	
Сибирский	615 664	41 112	25 616	24 066	4035	11 940	20 329	471 002	17 564	
Дальневосточ- ный	245 890	21 075	15 475	14 873	2380	7502	3409	17 068	164 108	

Источники: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 103.

бывших из приволжских регионов остались в пределах ПФО, более 13% — направились в регионы ЦФО, по 5% — в СЗФО и УФО.

15% совокупного оборота по выбытию формируют регионы Сибирского ФО. В обороте по прибытию доля этого округа составила в 2017 г. 13,5%. 76,5% бывших из сибирских регионов остались в пределах СФО, около 7% — переехали в регионы ЦФО, по 4% — в СЗФО и ЮФО. В регионы УФО выехали немногим более 3% выходцев из сибирских регионов.

Мигранты из Северо-Западного ФО тоже в подавляющем большинстве (71%) остаются в границах федерального округа, 12% переселяются в регионы ЦФО, 6% — в республики и области ПФО, 4% — в южные регионы.

В то время, как сами южане стремятся уехать в центральные регионы (более 16% в 2017 г.). Еще 6% предпочли Северо-Запад, 5% — Северный Кавказ, 4% — приволжские регионы. Только 60% остались в пределах федерального округа.

66% мигрантов из уральских регионов перераспределяются внутри УФО, 11% переселяются в разные субъекты ПФО, 7% — в регионы ЦФО, 5% — в южные регионы, по 4% на территории СЗФО и СФО.

Выбывающие с территории Дальнего Востока распределились в 2017 г. следующим образом: 67% остались в границах ДВФО, 9% перебрались в центральные, 7% — в сибирские, 6% — южные, 3% — приволжские регионы страны.

Активнее всего выезжают за пределы своего федерального округа жители Северного Кавказа — в пределах СКФО закрепились в 2017 г. только 50% мигрантов. Более 19% переселились в регионы ЦФО, 13% предпочли ЮФО, 7% — СЗФО, 5% — УФО, 3% — ПФО.

В результате перераспределения населения Северо-Запад и Центр страны длительный период времени испытывают значительную миграционную нагрузку, сопоставимую с той величиной этого показателя, которая во многих странах мира квалифицируется как угрожающая стабильности, или кризисная — 5–7 чел. на 1000 чел. населения (табл. 3).

В некоторых субъектах РФ рассматриваемый показатель гораздо выше, и миграционный прирост сохраняется многие годы. В 2017 г. к числу регионов с наибольшим миграционным приростом относились: г. Севастополь (202 чел. на 10 000 чел. населения), Ленинградская область (171 чел.), Санкт-Петербург (121 чел.), Московская область (111 чел.), Тюменская область без автономных округов (105 чел.), Калининградская область (99 чел.), Москва (89 чел.), Краснодарский край (63 чел.), Сахалинская область (49 чел. на 10 000 чел. населения)¹.

Это создает дополнительную нагрузку на транспортную сеть и социальную инфраструктуру региона (детские сады, школы, больницы и др.), может осложнить деятельность государственных внебюджетных фондов, негативно сказаться на конъюнктуре рынка труда, ухудшить санитарно-эпидемиологическую ситуацию, при определенных обстоятельствах дестабилизировать ситуацию в обществе и привести к возникновению конфликтов на национальной почве, росту преступности и другим негативным последствиям.

Итак, высокая миграционная привлекательность отдельных российских регионов (в первую очередь — г. Севастополя, Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской, Московской, Тюменской и Калининградской областей, в которых длительное время фиксируется ежегодный миграционный прирост населения на уровне 1% и более) делает необходимой разработку программ регионального социально-экономического развития с учетом численности и состава прибывающих в регион мигрантов. Если местное население не почувствует ухудшения ситуации на рынке труда и в социальной сфере из-за присутствия на своей территории приезжих, а мигранты не

¹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 87–88.

Коэффициенты миграционного прироста, на 10 000 человек населения

Table 3. Migration growth rates per 10,000 population

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	19	22	21	21	19	17	18	14
Центральный федеральный округ	74	56	62	60	56	57	45	51
Северо-Западный федеральный округ	51	50	58	72	41	16	41	55
Южный федеральный округ	21	43	27	45	34	51	48	27
Северо-Кавказский федеральный округ	4	-34	-41	-40	-21	-26	-21	-26
Приволжский федеральный округ	-12	-4	-6	-5	-2	-8	-5	-12
Уральский федеральный округ	-12	31	19	3	7	3	12	0,3
Сибирский федеральный округ	-18	1	-4	-8	-4	-5	-7	-16
Дальневосточный федеральный округ	-49	-28	-32	-53	-40	-39	-28	-28

Источник: Регионы России: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 87–89.

будут ощущать на себе не только «косых взглядов», но и дискриминационных мер, а смогут на равных с местными жителями пользоваться услугами социальной сферы, значит в регионе реализуется эффективная политика в отношении мигрантов, не ущемляющая прав коренного населения.

Не менее сложные в управлении проблемы вызывает миграционный отток населения, который в 2017 г. отмечался в 54 регионах РФ. Наиболее активно протекает этот процесс в регионах Дальневосточного федерального округа. Все входящие в его состав регионы ежегодно (за редким исключением) испытывают потери населения вследствие его механического движения. Наименьшие в РФ значения коэффициента миграционного прироста длительный период времени характерны для Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа. В 2017 г. значения этого показателя были соответственно равны: -97, -119, -132 человек на 10 000 чел. населения.

Большие потери вследствие миграции несет и Северо-Кавказский ФО. Во всех входящих в его состав регионах, за исключением Республики Ингушетия, отмечается миграционная убыль населения. Особенно сильный отток наблюдается из республик Дагестан и Северная Осетия — Алания: значения коэффициента миграционного прироста в 2017 г. были соответственно равны -42 и -47 чел. на 10 000 чел. населения.

Если для Дальнего Востока отток населения — явление не новое, и вызвано оно сложными условиями жизни и хозяйствования, то для республик Северного Кавказа это не типично. Национальные традиции и семейные связи обычно способствуют закреплению населения. Наблюдаемые изменения в миграционных установках жителей этих регионов подлежат детальному изучению.

Отрицательно влияет миграция на формирование населения в Приволжском и Сибирском федеральных округах. Из-за миграционного оттока страдают большинство

приволжских регионов. Исключение составляют Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области. Наиболее сложная ситуация сложилась в Оренбургской области. В 2010–2017 гг. коэффициент миграционного прироста редко был больше –40 чел. на 10 000 чел. населения. В рассматриваемый период не намного лучше были показатели и в Кировской области.

Миграционный прирост в Красноярском крае, Новосибирской и Томской областях компенсирует значительные миграционные потери других регионов Сибирского ФО. Наибольший исходящий поток в 2010–2017 гг. характерен для Республики Тыва, но отмечается ежегодное снижение его интенсивности: с –126 чел. на 10 000 чел. населения до –33 чел. на 10 000 чел. населения. Печальным лидером по коэффициенту миграционного прироста в 2017 г. стал Забайкальский край (–74 чел. на 10 000 чел. населения), ежегодно испытывающий большой отток жителей.

В последние годы сильно активизировались перемещения населения из Омской области, в 2017 г. миграционные потери составили 50 чел. на каждые 10 000 населения региона. В Алтайском крае и Республике Бурятия коэффициент миграционного прироста в 2010–2017 гг. редко был больше –20 чел. на 10 000 чел. населения.

Далеко не все регионы Центральной России, где ситуацию в сфере миграции можно оценить как наиболее благополучную, привлекательны для мигрантов. Значительный миграционный отток практически весь рассматриваемый период отмечался в Брянской, Костромской и Орловской областях.

В Северо-Западном ФО, для которого в целом характерно положительное saldo миграции, есть регионы, в которых ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения — это Архангельская и Мурманская области. А коэффициент миграционного прироста в Республике Коми в 2010–2017 гг. не был выше –100 чел. на 10 000 чел. населения (за исключением 2016 г.).

В привлекательном для мигрантов Южном ФО ситуация в регионах сильно различается. Более 1% населения в среднем теряет ежегодно вследствие миграции Республика Калмыкия. Существенный отток жителей отмечается практически ежегодно и в Волгоградской области.

Итак, миграционный отток населения отмечается в большинстве субъектов РФ (в 2017 г. — в 54 регионах). Наиболее значительную угрозу устойчивому развитию представляет миграция в следующих российских регионах: Республика Коми, Республика Калмыкия, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ (ежегодные миграционные потери превышают 1% населения). Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих российских регионах: Архангельская, Мурманская области, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Курганская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) (ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения).

Данные официальной статистики — это только небольшая часть реального миграционного оборота. Личный опыт, а также, например, публикации исследователей демографической ситуации в Республике Мордовия [7–11] показывают, что большая часть выехавших из республики на работу в другие регионы (чаще всего в города Москву и Санкт-Петербург, Московскую, Самарскую и Нижегородскую области) не меняют прописки, следовательно, в числе выбывших не учтены.

Особенно требовательны к условиям жизнедеятельности молодые люди. Кроме того, для этого возраста характерна высокая мобильность. Статистика подтверждает это. На возрастную категорию 15–29 года приходится 36,9%, а по межрегиональному потоку — 37,3% всех прибывших. В исходящем потоке доля этой возрастной категории выше: в общей численности — 37,2%, в межрегиональном об-

мене — 37,4% выбывших. Особенно страдают небольшие города. Удельный вес молодежи в общей численности выбывших составляет 37,6%, а в межрегиональном обмене — 37,8% (2016 г.)¹.

В наши дни многие молодые люди уезжают учиться в вузы столиц и крупных городов. Среди плюсов таких перемещений следует отметить: получение молодыми людьми хорошего образования, расширение их кругозора, налаживание контактов и связей в других регионах, обмен социальной, культурной и исторической информацией и др. Однако такие поездки нередко завершаются сменой постоянного места жительства, что негативно сказывается как на демографическом, так и экономическом развитии территорий-доноров.

Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий предоставили людям возможность покинуть родные места и переехать в другие города и за границу. Способствуют активизации миграционных потоков и такие факторы, как отмена института «прописки», наличие относительно дешевых и быстрых способов перемещения, доступных средств коммуникации. Многих молодых людей решиться на переезд побуждает желание получить хорошо оплачиваемую работу. При этом они часто опираются на информацию, полученную от знакомых, сделавших такой шаг ранее. Современные информационные технологии, которыми большинство молодых людей уверенно владеют, позволяют молодым людям получить необходимую информацию, а возможно и установить деловые контакты еще на стадии подготовки решения о переезде, что ускоряет его принятие. Поэтому в настоящее время поток молодых мигрантов из бедных регионов РФ с целью поиска достойной работы возрастает.

Среди молодых людей наибольшую подвижность проявляют студенты. Уезжая на учебу в другой город, многие совмещают учебу с временной работой, которая впоследствии часто трансформируется в постоянную занятость. Кроме того, сезонная миграция студентов в период студенческих каникул (студенческие отряды, программы обмена, летние школы, стажировки и т. п.) также предоставляет шансы для последующего трудоустройства. Особую опасность представляет миграция молодежи для регионов с большой структурной долей населения старше пенсионного возраста. В трех российских регионах (Рязанская, Тамбовская и Тульская области) этот показатель превышает 30%, еще в 13 регионах приближается к этой отметке (табл. 4).

По мере увеличения среднего возраста жителей растет и средний возраст занятого населения. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих самыми новыми знаниями, не обремененных штампами, способных мыслить и действовать быстро и креативно. Для закрепления молодежи в регионах необходимо развитие молодежных политических программ и общественных объединений, цель которых — создание условий для самореализации молодежи, применения творческого потенциала молодых людей в интересах развития региона. Во многих регионах большая часть безработных — молодые люди. Особенно сложно трудоустроиться выпускникам учебных заведений, поскольку работодатели требуют наличие опыта профессиональной деятельности. Один из способов решения этой проблемы, по мнению авторов, это — включение в трудовой стаж периодов производственной практики. Это требует принятия соответствующих законодательных актов.

Облегчить последующее трудоустройство могло бы и адресное распределение выпускников на преддипломную практику. Не секрет, что сегодня этот ответственный этап обучения во многом проходит формально. На самом деле этот период мог бы стать хорошей основой для формирования у молодого человека чувства

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.3, 7.4.

**Удельный вес населения старше пенсионного возраста в отдельных регионах
Российской Федерации (оценка на конец года;
в процентах от общей численности населения)**

Table 4. Proportion of population over retirement age in certain regions of the Russian Federation (year-end estimate; as a percentage of the total population)

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	20,5	22,3	22,6	23,1	23,5	24,0	24,6	25,0	25,4
Владимирская область	24,3	25,9	26,4	26,9	27,4	27,9	28,5	28,9	29,4
Воронежская область	25,1	26,2	26,5	26,9	27,3	27,7	28,1	28,5	28,9
Ивановская область	24,8	26,1	26,5	26,8	27,2	27,6	28,1	28,5	28,9
Курская область	24,3	25,6	26,0	26,4	26,9	27,4	27,8	28,2	28,8
Липецкая область	23,5	24,9	25,4	25,9	26,3	26,9	27,5	27,9	28,5
Орловская область	24,0	25,6	26,1	26,6	27,1	27,7	28,3	28,7	29,3
Рязанская область	25,8	27,2	27,6	28,1	28,5	29,0	29,5	29,9	30,3
Тамбовская область	25,0	26,7	27,2	27,7	28,1	28,6	29,3	29,9	30,5
Тверская область	25,4	26,5	26,9	27,3	27,7	28,2	28,7	29,0	29,5
Тульская область	26,3	27,8	28,1	28,6	29,1	29,5	29,9	30,2	30,6
Новгородская область	24,3	26,0	26,5	27,1	27,7	28,2	28,7	29,1	29,7
Псковская область	24,8	26,5	27,0	27,5	28,0	28,5	29,0	29,3	29,8
Кировская область	22,0	24,5	25,1	25,8	26,5	27,3	28,0	28,6	29,2
Пензенская область	23,7	25,8	26,3	26,8	27,4	27,9	28,5	29,1	29,6
Ульяновская область	21,7	24,2	24,8	25,5	26,1	26,8	27,5	28,2	28,9
Курганская область	21,9	24,6	25,3	26,1	26,7	27,3	27,9	28,5	29,1

Источник: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 51–52.

ответственности, сопричастности к общему делу, выработки трудовых навыков, способности взаимодействия в трудовом коллективе. А для потенциального работодателя такое сотрудничество позволило бы сделать правильный выбор и обеспечить обновление кадрового состава организации с минимальными рисками и без потерь, связанных с адаптацией работника на новом рабочем месте.

Другое наше предложение касается расширения возможности реализации молодыми людьми их предпринимательских способностей. Большинство выпускников вузов не регистрируются на бирже труда, поскольку не надеются на реальную по-

мощь. Кроме того, многие амбициозные молодые люди считают, что «стоять на бирже» — удел неудачников. Из-за этого они лишены возможности участвовать в программах поддержки занятости, реализуемых государственной службой занятости. В этой связи предлагаем создать в регионах (например, при одном из вузов) молодежную биржу труда и/или допустить возможность участия в этих программах неработающих выпускников учебных заведений, не имеющих официального статуса безработного.

Результаты и обсуждение

В статье на основе анализа данных официальной статистики и экспертных оценок выявлены основные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности со стороны миграционных процессов, а также предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов и минимизацию связанных с ними экономических и социальных потерь. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных результатов и предложений авторов по оптимизации миграционных потоков и минимизации связанных с массовыми перемещениями людей экономических и социальных потерь в практике управления.

Заключение

Территориальная мобильность россиян в последние годы значительно усилилась. Это касается как международной, так и межрегиональной миграции. Опыт европейских стран показывает, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Не допустить этого позволит своевременная корректировка социально-экономической политики с учетом масштабов миграции, возрастного и национального состава мигрантов.

Литература

1. Вахаев Х. М. Трудовая миграция и национальная безопасность России // Право и безопасность. 2011. № 3/4. С. 76–86.
2. Волох В. А. Концепция государственной миграционной политики России — основа миграционной безопасности страны / В. А. Волох, В. А. Суворова // NB: Национальная безопасность. 2013. № 3. С. 1–16.
3. Гаврилова Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 27. С. 67–74.
4. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7. С. 38–41.
5. Карпова И. В. Трудовая миграция и развитие бизнес-процессов в России // Лизинг. 2013. № 4. С. 30–41.
6. Карпова И. В. Трудовая миграция и национальный бизнес // Лизинг. 2011. № 3. С. 34–44.
7. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период // Управленческое консультирование. 2019. № 6. С. 102–114.
8. Липатова Л. Н., Лещев Д. М., Градусова В. Н. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2014. № 1. С. 106–119.
9. Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Развитие человеческого потенциала России: основные тенденции и потенциал роста // Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики: Материалы XI Международной научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 94–98.

10. Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 2019. Ч. 1. С. 317–322.
11. Парикова Н. Миграционная привлекательность российских регионов / Н. Парикова // Человек и труд. 2012. № 5. С. 51–54.
12. Пруель Н. А., Градусова В. Н., Липатова Л. Н. Статистический анализ развития человеческого потенциала современной России // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции. Саранск, 2019. С. 131–139.
13. Рыбаковский Л. Л. Миграционная политика в контексте национальных интересов России // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 12. С. 35–43.
14. Рыбаковский О. Л. Межрегиональная миграция населения // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 34–44.
15. Рязанцев С. России нужна новая миграционная политика // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1. С. 111–116.
16. Фешина С. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России / С. С. Фешина, А. С. Славянов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 24. С. 38–43.
17. Хавинсон М. Ю. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков, С. Н. Мишук // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 99–111.
18. Цырюльников В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2013. Т. 2. № 1. С. 52–53.
19. Юрасов И. А. Структура трудовой миграции в регионах России / И. А. Юрасов, О. А. Лузгина, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 74–79.
20. Adugna G. Migration patterns and emigrants' transnational activities: comparative findings from two migrant origin areas in Ethiopia // Comparative Migration Studies. 2019. N 7 (1). P. 5.
21. Bijedić T., Piper A. Different strokes for different folks: The job satisfaction of the self-employed and the intersection of gender and migration background // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2019. N 11 (3). P. 227–247.
22. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London : Macmillan. 1993.
23. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. N 4. P. 3–40.
24. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. N 60. P. 126–142.
25. Holliday J., Hennebry J., Gammage S. Achieving the sustainable development goals: surfacing the role for a gender analytic of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. N 45 (14). P. 2551–2565.
26. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens // Demography. 2019. N 56 (5). P. 1573–1605.
27. Juchem Neto J. P., Claeysen J. C. R., Pôrto Júnior S. S. Returns to scale in a spatial Solow–Swan economic growth model // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019. 533, 122055.
28. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. N 3. P. 47–57.
29. Massey D. A Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. N 10. P. 143–153.
30. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Holfield. New York : Routledge. 2000. P. 42.
31. Oishi N. Gender and Migration: An Integrative Approach // The Center for Comparative Immigration Studies CCIS University of California working paper. 2002. N 49. P. 1–18.
32. Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. N 3. P. 173–177, 201–206, 229–233.
33. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. N 46. P. 167–235.
34. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. N 52. P. 241–305.

35. *Sassen S.* Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2000. N 570. P. 65–77.
36. *Sassen S.* *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow.* New York : Cambridge University Press. 1988. P. 240.
37. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review.* 1940. N 5. P. 845–867.
38. *Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S.* Academic achievement and mental health of left-behind children in rural China: A causal study on parental migration // *China Agricultural Economic Review.* 2019. N 11 (4). P. 569–582.
39. *Zelinsky W.* The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review.* 1971. N 61. P. 219–249.
40. *Zipf G.* *Human Behavior and the Principle of Least Effort.* Cambridge : Addison-Wesley Press. 1949.
41. *Zipf G.* The (P1P2/D) hypothesis: on the intercity movement of persons // *American Sociological Review.* 1946. N 11. P. 677–686.

Об авторах:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; vgradusova@gmail.com

References

1. *Vakhaev H.M.* Labor Migration and National Security of Russia // *Law and Security [Pravo i bezopasnost'].* 2011. N 3/4. P. 76–86. (In rus)
2. *Volokh V.A.* The concept of state migration policy of Russia is the basis of migration security of the country / *V.A. Volokh, V.A. Suvorova // NB: National Security [NB: Natsional'naya bezopasnost'].* 2013. N 3. P. 1–16. (In rus)
3. *Gavrilova T.M.* Impact of Migration Processes on Russian Economic Security // *National Interests: Priorities and Security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'].* 2011. N 27. P. 67–74. (In rus)
4. *Demytyev N.V.* External labour migration as an indicator of Russian economic security // *Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy].* 2011. N 7. P. 38–41. (In rus)
5. *Karpova I.V.* Labor migration and development of business processes in Russia // *Leasing [Lizing].* 2013. N 4. P. 30–41. (In rus)
6. *Karpova I.V.* Labor Migration and National Business // *Leasing [Lizing].* 2011. N 3. P. 34–44. (In rus)
7. *Lipatova L.N., Gradusova V.N.* Main Trends and Problems of Human Development of Russia in the Post-Soviet Period // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie].* 2019. N 6. P. 102–114. (In rus)
8. *Lipatova L.N., Leschev D.M., Gradusova V.N.* Impact of Migration on Formation of Labor Potential of Population // *Journal of Research Institute of Humanities under the Government of the RM [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM].* 2014. N 1. P. 106–119. (In rus)
9. *Lipatova L.N., Mokrova M. Yu.* Development of human potential of Russia: main trends and growth potential // *State and business. Digital Economy Ecosystem: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference.* SPb., 2019. P. 94–98. (In rus)
10. *Lipatova L.N., Mokrova M. Yu.* Current trends of human development of Russia // *Russia: Trends and prospects of development. Year-book [Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik].* Issue. 14 / RAS. INION. M., 2019. Part 1. P. 317–322. (In rus)
11. *Parikova N.* Migration attractiveness of Russian regions / *N. Parikova // Person and work [Chelovek i trud].* 2012. N 5. P. 51–54. (In rus)
12. *Pruel N.A., Gradusova V.N., Lipatova L.N.* Statistical Analysis of Human Development of Modern Russia // *Statistics in the Conditions of Digital Economy Formation: Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Saransk, 2019. P. 131–139. (In rus)

13. Rybakovskiy L. L. Migration Policy in the Context of the National Interests of Russia // Standard of Living of the Population of the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2011. N 12. P. 35–43. (In rus)
14. Rybakovskiy O. L. Interregional population migration // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2011. N 4. P. 34–44. (In rus)
15. Ryazantsev S. Russia needs a new migration policy // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2012. V. 10. N 1. P. 111–116. (In rus)
16. Feshina S. S. Labor Migration and the Problem of Innovative Development of the North-Western Region of Russia / S. S. Feshina, A. S. Slavyanov // National Interests: Priorities and Security [Natsional'nye interesy: priorityety i bezopasnost']. 2013. N 24. P. 38–43. (In rus)
17. Khavinson M. Yu. Forecasting of dynamics of external labor migration at the regional level/M. Yu. Khavinson, M. P. Kulakov, S. N. Mischuk // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2013. N 2. P. 99–111. (In rus)
18. Tsyrulnikov V. S. Shuttle Migration in the Context of Labor Movement Management: Problems and Prospects (according to the materials of the Moscow Region) // Management of Personnel and Intellectual Resources in Russia [Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii]. 2013. V. 2. N 1. P. 52–53. (In rus)
19. Yurasov I. A. Structure of labor migration in regions of Russia / I. A. Yurasov, O. A. Luzgina, V. D. Dorofeev // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki]. 2012. N 4. P. 74–79. (In rus)
20. Adugna G. Migration patterns and emigrants' transnational activities: comparative findings from two migrant origin areas in Ethiopia // Comparative Migration Studies. 2019. N 7 (1). P. 5.
21. Bijedić T., Piper A. Different strokes for different folks: The job satisfaction of the self-employed and the intersection of gender and migration background // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2019. N 11 (3). P. 227–247.
22. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London : Macmillan. 1993.
23. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. N 4. P. 3–40.
24. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. N 60. P. 126–142.
25. Holliday J., Hennebray J., Gammage S. Achieving the sustainable development goals: surfacing the role for a gender analytic of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. N 45 (14). P. 2551–2565.
26. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens // Demography. 2019. N 56 (5). P. 1573–1605.
27. Juchem Neto J. P., Claeysen J. C. R., Pôrto Júnior S. S. Returns to scale in a spatial Solow–Swan economic growth model // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019. 533,122055.
28. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. N 3. P. 47–57.
29. Massey D. A Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. N 10. P. 143–153.
30. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollield. New York : Routledge. 2000. P. 42.
31. Oishi N. Gender and Migration: An Integrative Approach // The Center for Comparative Immigration Studies CCIS University of California working paper. 2002. N 49. P. 1–18.
32. Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. N 3. P. 173–177, 201–206, 229–233.
33. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. N 46. P. 167–235.
34. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. N 52. P. 241–305.
35. Sassen S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2000. N 570. P. 65–77.
36. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New York : Cambridge University Press. 1988. P. 240.
37. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. N 5. P. 845–867.

38. Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S. Academic achievement and mental health of left-behind children in rural China: A causal study on parental migration // China Agricultural Economic Review. 2019. N 11 (4). P. 569–582.
39. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. N 61. P. 219–249.
40. Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge : Addison-Wesley Press. 1949.
41. Zipf G. The (P1P2/D) hypothesis: on the intercity movement of persons // American Sociological Review. 1946. N 11. P. 677–686.

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), PhD in economics, Associate Professor; In.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in economics, Associate Professor; vgradusova@gmail.com

Об одном методе принятия управленческих решений в рыночных стратегиях продвижения бренда операторами мобильной связи (продолжение)*

Цацулин А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; tsatsulin-an@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Квартет крупнейших федеральных игроков вполне зрелого рынка мобильной коммерции образовал уникальную ситуацию классической отечественной олигополии в условиях несовершенной конкуренции, которая поставила российское антимонопольное ведомство в затруднительное положение. Хотя видимость достоверной конкурентной борьбы обязывает идти на сокращение финансовых успехов каждого участника этой стратегической группы, своеобразной квадриги, в частности снижения маржинальной сервисной выручки, уменьшения темпов прироста чистой прибыли, реальность картельного сговора, особенно в части образования цен и тарифов на позиции ассортимента услуг мобильной связи, согласования неценовых инструментов, все более становится выпуклой и осязаемой. А предельно высокие показатели и характеристики рыночной концентрации и напряженности для олигопольной структуры мобильных операторов могут стать исходным материалом кейс-стади для аналитиков территориальных управлений ФАС РФ. Продолжая свою статью, автор особое внимание уделяет построению и апробации статистической модели анализа поступления доходов от рекламной активности участников олигопольного квартета на рынке мобильной связи.

Ключевые слова: Стратегический управленческий учет, пространственно-временной континуум, цифровая экономика, рыночный игрок, стратегия коалиции, теория полезности, конвергентное предложение, теория игр, модель чистой прибыли

Для цитирования: Цацулин А. Н. Об одном методе принятия управленческих решений в рыночных стратегиях продвижения бренда операторами мобильной связи // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 73–86.

On One Method of Making Management Decisions in Market Strategies of Brand Promotion by Mobile Operators (Continuation)

Alexander N. Tsatsulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; tsatsulin-an@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The quartet of the largest federal players in a completely mature mobile commerce market created a unique situation of the classical oligopoly in the face of imperfect competition, which put the domestic antitrust authority in a difficult position. Although the appearance of reliable competition requires a reduction in the financial success of each member of this strategic group, a kind of quadriga, in particular a decrease in marginal service revenue, a decrease in the growth rate of net profit, the reality of cartel conspiracy, especially in terms of price and tariff formation for a range of services mobile communications, of harmonization of non-price instruments, more and more becomes convex and tangible. And the extremely high indicators and characteristics of market concentration and tension for the oligopoly structure of mobile operators can become the source material of the case study for analysts of the territorial

¹ Первая часть статьи: Цацулин А. Н. Рекламные усилия как инструмент конкуренции в рыночной «борьбе» операторов мобильной связи (первая часть) // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 61–77.

administrations of the FAS RF. Continuing his article, the author pays special attention to the construction and testing of a statistical model for analyzing the revenue from advertising activity of oligopolistic quartet participants in the mobile communications market.

Keywords: Strategic Management Accounting, mobile operator, space-time continuum, digital economy, market player, coalition strategy, utility theory, convergent offer, game theory, net profit model

For citing: Tsatsulin A. N. On One Method of Making Management Decisions in Market Strategies of Brand Promotion by Mobile Operators // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 73–86.

Мір ловил мене, но не поймал.

Григорій Сковорода

Анализ рыночной доли, финансовых показателей сотовых операторов и направлений развития рынка телекоммуникационных услуг на российской территории (продолжение исследования)

Теоретические уточнения к рабочей гипотезе

Стратегический управленческий учет — это сравнительно новая сфера учета и анализа, поэтому границы этой сферы еще строго не определены и являются достаточно расплывчатыми. Здесь нет пока никаких ограничительных запретов и унифицированных предписаний, указывающих, что и как следует развивать. А имеющаяся научная литература по данному направлению разнородна, несопоставима и противоречива. Дефиниции же категорий и терминологии понятийного академического аппарата многословны и не конкретны.

Например, термин *стратегия* в данной статье вовсе не случаен и не является данью легкомысленной моде по применению разнообразных инновационных технологий, в частности так называемого *стратегирования* везде, всегда и без особого повода. Но, тем не менее, следует различать применительно к теме заявленного исследования понятия конкурентная стратегия и стратегическая миссия организации (в качестве стратегии развития).

Так, конкурентная стратегия описывает, каким образом экономический субъект (ЭС), в виде какой-либо компании, собирается вести конкуренцию в своей отрасли, и как он будет пытаться получить конкурентное преимущество. Стратегическую же миссию ЭС можно представить в привязке к непрерывному так называемому пространственно-временному континууму (от лат. *continuum* — непрерывное, сплошное) — от первых до последних этапов жизненного цикла собственно рыночного продукта во времени, включая создание, внедрение, активное использование и, наконец, вывод его с рыночного пространства [1].

В первой части статьи в общих чертах рассматривались основные мультиагентные варианты рыночной среды, в которых каждый конкретный агент, т. е. ЭС вынужден принимать во внимание действия других агентов и устанавливать для себя, как они повлияют на его собственное благополучие. Наличие разнообразных конкурентных вариантов среды, в которых цели агентов конфликтуют, приводит к возникновению семейства специальных задач поиска такого континуума в условиях реального противодействия, зачастую называемых математическими играми.

В математической теории игр как с *нулевой суммой* с обращением к методу *Максимина* (принципу *Минимакса* фон Неймана, 1928), так и с *полной информацией*, являющейся одной из ветвей прикладной экономики, любые мультиагентные варианты функциональной среды рассматриваются как игры, при условии, что

влияние каждого агента на других является *значимым*, независимо от того, являются ли агенты кооперативными или конкурентными структурами. Однако варианты конкретной рыночной среды с достаточно большим числом агентов лучше рассматривать как некие экономики, а не как чисто математические игры [7, с. 240].

Прикладные экономические аспекты теории игр широко используются в анализе серьезных хозяйственных ситуаций, связанных с принятием решений, например, в делах о несостоятельности и банкротстве ЭС, при организации самых разных аукционов, в частности, по распределению спектра радиочастот операторов мобильной связи, в проектах разработки инновационной промышленной продукции и в установлении на нее цен, а также в выработке стратегий национальной обороны и пр.

Возвращаясь к объекту нашего изучения, поведение четырех главных компаний в отрасли средств и операторов мобильной связи (МТС, МегаФон, Билайн и Теле2) в нескольких свежих хозяйственных эпизодах, как-то отказ работать в Крыму после 2014 г.; практически одновременный, на одинаковый срок отказ от снятия роуминга, удивительно синхронизированная и эквивалентно финансируемая, массированная рекламная кампания и др., подтолкнули автора к высказыванию некоей рабочей гипотезы. Не составляют ли названные компании определенную коалицию, управляемую из единого своеобразного мозгового центра глобальных стратегических инициатив?

Но вот, скажем, ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС), являющийся ведущим телекоммуникационным оператором в России и в странах СНГ, с конца июня 2019 г. уже работает в Крыму, т. е. руководство оператора думает о тактике развития своей компании. А МегаФон, Билайн и Теле2¹ еще напрямую не подключились к сетевому трафику, хотя по закону обязаны развернуться и работать в новых субъектах федерации именно с июня. Возможно, подобное предписание с административных верхов не вполне вписывается и согласовывается в стратегиях развития трех других операторов.

При выдвижении и обосновании своей рабочей гипотезы, а далее при построении аналитической модели рентабельности затрат на проведение рекламных кампаний сотовых операторов (см. первую часть статьи), автор придерживался общепринятых канонических определений из области теории игр и теории вероятностей [2; 5].

Называется *игроком* тот субъект/объект, которому приписываются возможные действия и интересы. Множество игроков будем обозначать через n (в нашем случае $n = 4$), исчерпывающее же множество — N , $n \in N$. Подмножество $K \subset n$, $K \neq \emptyset$, будет называться так называемой *коалицией*². Коалиция может состоять и из одного игрока, и из всех n . Каждая K -коалиция располагает некоторым множеством действий X_K , которое станем называть *множеством стратегий* K -коалиции, а элементы этого множества $x^K \subset X_K$ — стратегиями K -коалиции.

¹ Ожидаются серьезные изменения в самостоятельном статусе дальнейшего существования Tele2, с которым в сделку (параметры которой не оглашаются) по объединению вступила государственная компания «Ростелеком» (сегодня владеет 45% акций оператора) на условиях консолидации 100%, что позволит, по мнению президента госхолдинга М. Осеевского, достичь совокупной валовой выручки в 0,5 трлн руб. Предварительно профессиональные оценщики определили рыночную, вполне справедливую, стоимость оператора в 240 млрд руб., что равноценно 5,5 годовых показателей EBITDA, и покупка остальной доли в рамках предстоящей сделки «Ростелекомом», который тем самым возвращается после августа 2014 г. на российский рынок сотовой связи, скорее всего, будет оплачена *квазиказначейскими* акциями и иными ценными бумагами.

² Знак \emptyset означает множество, не содержащее ни одного элемента, т. е. рассматривается так называемое пустое множество.

Глобальные интересы складывающейся коалиции $K \subset X_K \neq \emptyset$ задаются в виде транзитивного предпочтения на множестве всех исходов принимаемых решений S . Возникшие у того или иного игрока рыночные предпочтения обычно обозначаются особым математическим знаком — Γ . Более подробно с применяемыми в лучших практиках стратегиями социально-экономического поведения можно ознакомиться в работах [3; 12]. Формирующиеся индивидуальные предпочтения конкретных игроков, по существу, конкурирующие потребности, могут быть представлены индивидуальными функциями полезности f_i , $i = \mathbf{1}, n$ на множестве $\{S\}$, которые принято называть *функциями выигрыша*, или просто *выигрышами* определенного игрока. Но не все *мультиагентные* варианты рыночной среды включают кооперирующих отраслевых игроков.

С одной стороны, игроки с конфликтующими функциями полезности находятся в состоянии конкуренции друг с другом. Это фактически означает, что любой игрок в конкурентной среде должен, во-первых, признавать наличие других действующих игроков, во-вторых, прогнозировать некоторые из возможных планов другого игрока, в-третьих, определять, как планы другого игрока повлияют на его собственные планы, и, в-четвертых, устанавливать наилучший способ своего поведения с учетом грамотно идентифицированных и измеряемых внешних и внутренних влияний. Поэтому в условиях реальной рыночной конкуренции, как и в условиях добросовестной кооперации, необходима транспарентная процедура статистического моделирования с описанием достоверных планов другого игрока.

С другой стороны, в по-настоящему цивилизованно конкурентной среде действия игроков не могут включаться в совместный план и влиять на его периодическую корректировку. В этом смысле, если в мультиагентной рыночной среде подобного продукта имеются другие активные игроки близких весовых категорий, с которыми приходится кооперировать, конкурировать или координировать свои рыночные действия, то каждым игроком предварительно составляется самостоятельный, не всегда пересекающийся план, но обязательно отражающий видение собственной хозяйственной деятельности в обозримом или прогнозируемом периоде [11].

Для представления и формирования рассуждений с учетом предпочтений целесообразно использовать наработки теории полезности (*utility*), которая свидетельствует о том, что каждое сложившееся экономическое состояние рыночной среды имеет определенную степень полезности для игрока и что игрок предпочитает актуализированное состояние с более высокой для себя полезностью. Предпочтения же, будучи выраженными в виде счетных характеристик полезности, могут комбинироваться с вероятностями, даваемыми в общей теории рациональных решений или в лучших практиках по принятию обоснованных управленческих решений [4; 10].

Имеется опыт удачного объединения инструментария теории полезности с теорией вероятностей и математической статистики [7, с. 778] с тем, чтобы создать такого рыночного агента, который способен принимать рациональные решения, тем самым максимизирующие функцию полезности, с учетом того, в чем агент убежден и к чему стремится. Как тут не вспомнить верное и уместное наблюдение Жана-Батиста Сэя (1767–1832): «Полезность сообщает предметам ценность, которая является мерилем полезности» [9, с. 124]. Такой агент может принимать решения с претензией на бесспорные варианты исхода в таких ситуациях, когда из-за информационной неопределенности и наличия конфликтующих целей так называемый *логический агент* остается неспособным что-либо успешно решать вообще.

Например, важным фактором риска экономико-правовой природы — так называемые юридические риски (в отличие от рыночных рисков) — может стать налоговое законодательство, действующее на рынках услуг, на которых агенты осуществляют свою деятельность. Известно, что новые отечественные нормативные акты отличаются своей непредсказуемостью и ведут к возникновению существенной неопреде-

ленности, которая затрудняет формирование/процессы и/или политики/планирования как финансового, так и налогового характера. Это в свою очередь препятствует получению приемлемых результатов по обоснованности и надежности принятия решений в отношении развития бизнеса. Объектом определенного беспокойства может стать также непрогнозируемая интерпретация налоговыми органами таких свежих нормативных актов, скажем, в отношении трансфертного ценообразования, контролируемых иностранных компаний, дочерних организаций с неконтролируемыми долями участия, налогового резидентства и другое.

Рыночные игроки отечественной отрасли мобильной связи

Компания «ВымпелКом» — первый отечественный оператор мобильной связи, где контрольным акционером долгое время была «Альфа-групп» (ее доля доходила в свое время до 44%), — имела неоспоримое преимущество на чрезвычайно перспективных рынках нефиксированной телефонной связи¹. Проблем с привлечением акционерного капитала в ту далекую пору, как правило, не было. И как представляет автор статьи, аукционеры масштабных проектов является неоднородная совокупность инвесторов, каждый из которых вряд ли понимает полностью и до конца, а главное — в деталях, концепцию весьма популярного ныне направления регулирования экономических процессов — проектного финансирования.

Всегда есть разные группы инвесторов, которые по-разному оценивают реальные перспективы компании-реципиента в зависимости от композиции и от степени влияния различных аукционеров. Если спроецировать сказанное на какую-либо рыночную организацию, то увеличение административно-хозяйственного влияния одного аукционера или сложившаяся бо́льшая степень контроля другого аукционера может как привлечь различного рода инвесторов к финансированию и реализации проекта, так в равной степени и отпугнуть их.

Когда речь заходит о перспективах развития компании, то следует понимать, какого рода инвесторов ЭС собирается привлечь, и какая стратегия в развитие данного ЭС закладывается. При этом нужно иметь в виду, что обе известные базовые стратегии абсолютно жизнеспособны. Что касается структуры пакетов акций, то общепринятым, достаточно объективным суждением является такое: менеджменту ЭС всегда проще работать, когда нет крупных акционеров, а ЭС на 100% является публичным акционерным обществом (ПАО) с распыленной инвесторской базой.

В подобных условиях обеспечивается гораздо бо́льшая стратегическая свобода действий. Другими словами, выбор тех или иных шагов в меньшей степени ограничивается какими-то конкурентными особенностями или прямыми барьерами, которые связаны с присутствием акционеров-тяжеловесов, у которых имеются свои интересы, конфликтующие или, по крайней мере, несовпадающие².

Существует определенное мнение, что с началом активного внедрения сетей нового поколения рынок мобильной связи вернется к ситуации жесткой конкурен-

¹ ПАО «ВымпелКом» основано 15.08.1992 российским ученым-радиотехником Д. Зиминым и американским бизнесменом Э.О. Фабелой II. С сентября 1993 г. под брендом «Билайн» предоставляет услуги сотовой связи, став первой российской компанией мобильной телефонии. Затем стала первой компанией РФ, разместившей акции на Нью-Йоркской фондовой бирже еще в ноябре 1996 г.

² Автор по тексту различает термины *аукционер* и *акционер*. Первый — потенциальный покупатель/продавец ценных бумаг, лицо, проводящее аукцион, участник торгов — публичной распродажи активов (Терминологический словарь банковских и финансовых терминов, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://dis.academic.ru/dis.nsf/fin_enc/31031 (дата обращения: 12.12.2019)). Второй — уже состоявшийся владелец ценных бумаг, имеющий право на дивиденды.

ции за абонента между ведущими операторами. Но говорить о каком-либо ужесточении конкурентной борьбы не стоит — меняется лишь ее фокус. Конкуренция осуществляется не за счет друг друга в квартетном формате, т.е. в схватке за новых абонентов — конкуренция участников разворачивается параллельно друг другу за свою лояльную абонентскую базу. И, как отмечалось выше (в данной статье), конкуренция идет не за счет изоэкономного механизма образования цен и тарифов, а в направлении существенного роста качества, креативности услуг, инновационности предлагаемого сервиса.

При этом отдельные согласованные, по оценочному суждению автора, прорывы вперед кого-либо из квартета образуют по временному фактору разрыв лишь в 3–5 месяцев, который довольно быстро исчезает. Все операторы построили примерно одинаковые (технологически и по составу оборудования) сети, предлагают в продуктовых линейках близкие наборы услуг. А сравнительно с зарубежными, низкие цены за одну минуту работы сервиса и подозрительно близкие друг к другу тарифы по своему уровню, во-первых, затрудняют их дальнейшее снижение по чисто экономическим соображениям. Во-вторых, цены и тарифы не могут выпадать из ограничительных рамок специальных согласительных протоколов по ценообразованию, которых участники квартета, по мнению автора, придерживаются. Именно подобные протоколы аналитики из ФАС РФ, обычно, именуют картельным ценовым сговором.

Анализ финансовой активности операторов мобильной связи

В процессе эксплуатации базовых станций операторов мобильной связи необходимо контролировать эффективность деятельности располагаемых объектов и подразделений, оценивая все валовые, технико-экономические, финансовые и коммерческие показатели деловой активности организации. Для осуществления контроля за уровнем трафика, доходов и активности абонентов необходимо учитывать также количество абонентов, в частности, располагать информацией, необходимой для исследования уровня присутствия оператора в той или иной административно-территориальной зоне и/или географической точке. Зона покрытия сотовой связью всеми рыночными агентами территории РФ показана на рис. 1, а основные показатели компаний из «большой четверки» приведены в табл. 1.

По данным аналитиков управляющей инвестиционной компании *QBF*, телекоммуникационный рынок России статичен с начала 2014 г.¹ Годовой прирост количества абонентов стремится к нулю, поскольку рынок услуг мобильной связи перенасыщен. За 2016 г. положительная динамика индекса чистой прибыли $\mathcal{S}_{\Pi N_{1|0}}$ по МСФО зафиксирована только у МТС². Как правило, важным учетным признаком фактором при проведении финансового анализа является курс национальной валюты, поскольку большая доля операционных расходов мобильных операторов исторически привязана к курсу доллара.

Помимо этого ослабление российского рубля в свою очередь снижает поступления от зарубежного роуминга на фоне заметного падения заграничного турпотока, а также прочих категорий *VAS* выручки (*VAS* — *Value Added Services*)³. В сочетании

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://qbfam.ru/analytics/reviews/> (дата обращения: 21.07.2019).

² Чистая прибыль (чистый убыток) — итоговая часть доходов организации, которая остается после всех вычетов на налоги, издержки по заработной плате, закупку оборудования, аренду и прочих затрат.

³ Индикатор *VAS*, или ДВО (дополнительные виды обслуживания, приносящие компании доходы) — распространенный в индустрии телекоммуникаций технико-экономический показатель, учитывающий объем разрешенных и зарегистрированных услуг, предоставляемых на ядре сети, а так называемыми вспомогательными платформами.

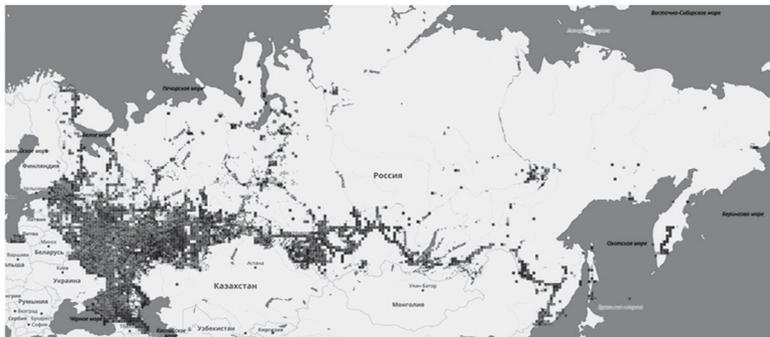

Рис. 1. Зона покрытия сотовой связью 3G в Российской Федерации по состоянию на февраль 2019 г. Все операторы

Fig. 1. 3G coverage area in the Russian Federation as of February 2019. All operators
 Источник: Россияне чаще звонят через мессенджеры, чем по традиционной сотовой связи / TAdviser, 2019/09/19 18:22:43/ <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 07.12.2019).

с усилившимся к рассматриваемому моменту времени падением реальных заработных плат, располагаемых доходов населения и ослаблением российского рубля рассматриваемые компании сектора мобильной связи показали рекордное синхронизированное падение размеров маржи (*ROS* — рентабельности продаж, в процентах как отношение разности между оптово-отпускной ценой и себестоимостью услуг к этой самой цене).

В условиях длительного и значительного снижения располагаемых доходов отечественные домохозяйства проявили не характерную ранее для потребителей склонность к экономии на услугах связи. По данным Росстата, с 2013 по 2017 г. доля соответствующих расходов сократилась с 2,0% до 3,3%. При этом пользователи переходили на более дешевые тарифы и отказывались от дополнительных *сим-карт*.

По итогам 2018 г., как показано в табл. 1, валовая выручка МТС упала почти на 6%, но чистая прибыль увеличилась на 34,62%¹. Сам оператор объясняет, что на подобную ситуацию во многом повлияло развитие роуминга². По оценкам аналитиков, около половины заграничных роумеров пользуются услугами МТС, поэтому поведение «гостевой» сети влияет на компанию МТС сильнее, чем на других рыночных операторов. Помимо относительно неплохой динамики других финансовых показателей, на прошлый год у оператора зафиксирован самый заметный прирост клиентов, притом, что в «квадриге» у него сосредоточена самая многочисленная консолидированная абонентская база, превысившая 102 млн абонентов. Одновременно ПАО «Билайн», наоборот, показал отрицательную динамику, потеряв порядка 1 млн клиентов за анализируемый период.

ПАО «Теле2» по итогам 2018 г. демонстрирует почти трехкратный рост валовой выручки по сравнению с предыдущим годом, что в значительной степени связано с повышением ежемесячной метрики *ARPU* (от англ. — *Average Revenue Per User* — средний доход с активного абонента), что нашло свое отражение в табл. 1, хотя

¹ Валовая выручка — это полная сумма денежных средств, полученная компанией от реализации продукции, услуг, работ за определенный промежуток времени; зависит от: *ARPM* (от англ. — *Average Price Per Minute*) — средняя стоимость минуты разговора абонента на выделенной базовой станции и *ARPU*. Общая выручка $TR_{общ}$ (от англ. — *Total Revenue*) — выручка, полученная от абонентов и предоставления иных услуг мобильной связи.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/mts-zaplatit-shtraf-850-mln-za-deiatel-nost-v-uzbekistane> (дата обращения: 26.11.2019).

такие тарифы были предусмотрены заблаговременно. Естественно, что эта компания совместно с «Ростелеком» развивает сразу несколько перспективных бизнес-направлений. И если через сети госхолдинга в 2018 г. осуществлялось 90% междугородных и 80% международных соединений пользователей Теле2, то сам «Ростелеком» функционирует на сетях оператора как виртуальный оператор (*MVNO*). Например, в Москве и Санкт-Петербурге Теле2 под торговой маркой *Sky Link* предоставляет услуги мобильной связи в стандарте *IMT-VC-450* и *LTE-450* [8]. Эффективным итогом подобного сотрудничества стало подключение к началу 2019 г. 1,19 млн новых абонентов.

Формально в обновленном формате, по мнению автора статьи, такой операторский дуэт сотовой связи является сильным и серьезным рыночным конкурентом, способным потеснить в ближайшие годы других участников «квадриги». Впечатляющая динамика валовой выручки, которая почти целиком перетекла в показатель *EBITDA* и вместе с «высушенной» характеристикой *CAPEX*¹ дала прогнозируемый «ноль» в операционном денежном потоке, позволяет объективно и по достоинству оценить профессиональные компетенции финансово-экономического блока компании.

Ограничения на расшифровки финансовой отчетности Теле2 не дают возможности провести более детальный анализ, однако, очевидно, что накопленная долгосрочная задолженность сократилась в отчетном году примерно на 22 млрд руб. Она перераспределилась по другим строчкам бухгалтерского баланса, что понизило критическое соотношение долга к *EBITDA* до приемлемо допустимого уровня. Другими словами, финансовое состояние оператора оказалось несколько устойчивее, нежели представлялось двумя годами ранее.

Именно с середины 2018 г. можно осторожно отмечать, что отечественный рынок мобильной связи стал полноценным мультиагентным рынком четырех федеральных игроков, по структуре напоминающим олигополию (см. секторную диаграмму на рис. 2), но по духу, претендующему на картель с признаками кооперативного поведения. Хотя запуск компании «Теле2» на ключевом для российских операторов Московском регионе негативно сказался на качестве схем рыночного ценообразования².

ПАО «МегаФон» в течение прошлого года потерял около 1/3 балансовой прибыли и стал лидером по снижению данного показателя, что напрямую связано с ростом расходов оператора при стагнации валовой выручки. Тем не менее, некоторые рыночные аналитики полагают, что на столь низкий результат хозяйствования повлияла отрицательная динамика стоимости акций оператора на фондовом рынке. Так, в целях поддержки своих котировок он начал выплачивать ощутимые, давно обещанные и долгожданные дивиденды. Непосредственно же представители компании-оператора свое угрожающее падение валовой выручки обосновывают не вполне убедительно зависимостью от притока мигрантов, который существенно снизился, по данным Росстата, к анализируемому периоду (2018–2019 гг.).

Анализ политики образования цен, тарифов и методов конкурентной борьбы операторов сотовой связи

Стандартной стратегией поведения российских операторов на рынке сотовой связи в их конкурентной борьбе последних трех лет, практически до 2017 г. оказывалось

¹ *CAPEX* (*capital expenditure*) — затраты организации капитального характера на покупку основных средств (основных производственных фондов, внеоборотных материальных активов) и расходы на их реновацию.

² По мнению проф. В. П. Одица, основным акционером Теле2 является некий шведский бизнесмен, опробовавший в Швеции в 2017 г. стратегию и тактику завоевания рынка мобильной связи [6].

Показатели финансово-хозяйственной деятельности сотовых операторов «большой четверки» по итогам 2018 г.*

Table 1. Indicators of financial and economic activities of the “big four” according to the results of 2018

Наименование показателя	МТС	МегаФон	ВымпелКом- Коммуникации (Билайн)	Теле2
Валовая выручка, млн руб.	480 293	335 541	349 741**	143 200
Изменение валовой выручки по сравнению с предыдущим годом, %	0,084	-0,101	2,437	16,378
Валовая прибыль, млн руб.	199 212	169 475	41 098	×
Изменение валовой прибыли, %	0,029	-0,104	-10,160	×
Операционная прибыль, млн руб.	116 006	58 787	20 550	×
Изменение операционной прибыли, %	0,200	-0,024	116,407	×
ЕБИТ, млн руб.	80 961	31 922	9 351	43 700
Изменение ЕБИТ, %	0,112	0,950	13,995	43,2
Чистая прибыль (убыток) после уплаты налогов П _Н , тыс. руб.	9 574 000	20 603 000	2 116 415	2 342 000
Изменение чистой прибыли (убытка) после уплаты налогов — $\Delta_{\text{ПЧ}}$, %	-0,829	3,527	-84,729	75,64
Расходы на продвижение, рекламу, в том числе закуски в медиа, млрд руб.	15,11	17,92	13,67	8,39***
Число пользователей (консолидированная база абонентов), млн	102,3	75,4	58,16	42,26
Темп прироста абонентской базы к предыдущему году, %	-2,13	-0,22	-0,25	29,31
Рыночная доля оператора, %	29,77	28,34	21,14	19,91

Примечания: *Расчитано автором по данным *Annual Report* изучаемых компаний за соответствующий период (<https://www.finanz.ru/balans/megafon>, https://www.finanz.ru/balans/mobile_telecommunications_adrs и т.д. по операторам); **Консолидированная выручка по данным аудиторской проверки АО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» в 2019 г. ***Совместно с государственным холдингом «Ростелеком»; × — Пока, по мнению автора, отчетная информация за 2018 г. не представляется убедительной.

неуклонное снижение цен/тарифов и предложение безлимитных пакетов, а также предложение так называемых *конвергентных услуг*. Однако рыночные специалисты обращают внимание на то, что схемы более длительного снижения цен в долгосрочной перспективе могут вызвать и заметные негативные последствия в виде снижения валовой выручки, что и наблюдалось уже в 2018 г. Представляется, что в перспективе наиболее рациональным для хозяйственной деятельности операторов будет внедрение такой модели образования цен и тарифов, когда объектом тарификации окажется единственный объем передаваемых данных, а не временной интервал, скажем, минута голосового общения, в течение которого сигнал будет обслуживаться оператором.

Оказывается, что конвергентные предложения компаний, объединяющие услуги фиксированной (проводной) и сотовой связи, оказываются еще популярным приемом сохранения объема выручки и удержания клиентуры. В частности, монетизировать эту конвергентность можно за счет дополнительных платных услуг по учету в системе *VAS*. Так, например, Билайн сотрудничает с «Альфастрахованием», предлагая абонентам в комплекте с интернетом и сервис по защите квартиры от природных и других катаклизмов. А оператор МТС за счет снижения цен наполнил розничную сеть дата-генерирующими устройствами, которые для оператора более рентабельны, чем кнопочные телефоны.

И участники квартета операторов приняли негласное соглашение о «примирении», решив отказаться от демпинговой политики и переключиться на удержание своих абонентов. Рыночные аналитики тут же, но достаточно осторожно охарактеризовали подобное соглашение терминами «ценовой сговор», «ценовой картель» и другими мягкими формулировками. Попытки нерыночного ценообразования повсеместно редкостью не являются. Так, Счетная палата РФ в своем оперативном докладе о ходе исполнения федерального бюджета за 2017 г. отмечает, что услуги мобильной связи дорожают с угрожающим ускорением, и темпы роста цен и тарифов на них превосходят соответствующие средние показатели динамики по другим отраслям национальной экономики¹.

В частности, надзорный орган свидетельствует, что среди наблюдаемых видов услуг связь подорожала за первое полугодие на 2,4%, а это существенно выше среднего показателя удорожания сервисов, составившего 1,3%. Годом ранее цепной индекс тарифов на услуги связи подрос на 2,1%. Таким образом, Счетная палата включила отрасль связи в группу самых динамично дорожающих отраслей сектора услуг, куда отнесены медицинские услуги +2,3%, сфера дошкольного воспитания +3,3%, пассажирский транспорт +4,9% и некоторые другие виды потребительских услуг. Более того, отмеченные ценовые приросты превышают соответствующий уровень инфляционного ожидания за аналогичный период по всему ценовому спектру.

После рекордного падения мобильной выручки и сжатия маржи в 2016 г. рыночные игроки стали практически синхронно менять стратегию ценообразования по известному своей парадоксальностью маркетинговому принципу *больше услуг, но по большей цене*, в том числе оказания их на архивных тарифах. Первым этапом стала отмена безлимитных дата-тарифов в начале 2017 г., вторым — повышение цен на ставшие лимитированными *VAS*. Действия операторов совпали с локальным восстановлением реальных зарплат населения и привели к заметному ускорению темпов роста мобильной выручки на территории РФ, а также ожидаемому улучшению качества маржи. Тем не менее, эти действия заинтересовали специалистов из органов ФАС, и они могут своим результатом иметь довольно непродолжительный эффект, в частности, в связи с небольшим числом представленных на рынке

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 07.12.2019).

мобильной связи условно самостоятельных игроков. Фактически олигополярная модель рыночной конкуренции «квадриги» уверенно шагает в сторону монополистической конкуренции.

Надежными сведениями о долях рынка и об основных финансовых показателях сотовых операторов за 2018 г. автор статьи не располагает, поэтому расчеты по предлагаемой модели будут ограничены экономическими итогами до 2018 г. Тем не менее на начало 2019 г. рынок мобильной сотовой связи в России обрел устойчивую конфигурацию по числу абонентов и ныне представлен четырьмя названными вполне равноценными игроками. Именно им принадлежит более 99% всего рынка (см. секторную диаграмму на рис. 2), но при этом ни один из операторов не нарушает антимонопольного законодательства. Наибольшая доля рынка завоевана компанией «МТС». Несмотря на снижение количества абонентов на 2,13%, оператор в очередной раз смог удержать лидирующую позицию. По итогам анализируемого года доля «МТС» охватила почти 30% потребителей, что составило 78,3 млн абонентов.

Вторую позицию занимает «МегаФон», который понес меньшие потери в числе абонентов. Их количество снизилось всего на 0,22%, однако это обстоятельство не вывело «МегаФон» на лидирующее место, и доля оператора чуть превысила 28%. Абонентская база данного провайдера оказалась равной 75,4 млн человек. Вслед за «МегаФоном» с показателем в 21,14% идет компания «ВымпелКом» (рыночный бренд «Билайн»). Этот оператор также понес потери в клиентской базе за счет снижения числа абонентов на 0,25%, и она составила 58,16 млн человек. Последнее место в квадриге пока принадлежит оператору «Теле2» с долей рынка около 20%.

Задачи анализируемых крупнейших операторов мобильной связи не исчерпываются лишь оказанием услуг сотовой связи. Их текущая инновационная деятельность уже направлена на оптимизацию бизнес-процессов различных отраслей и формирование *умной* цифровой инфраструктуры. Технические особенности функционирования сетей мобильной связи существующих инновационных, а также будущих технологических поколений и специфические аспекты маркетинговой работы сотовых операторов обстоятельно изложены в работе [8].

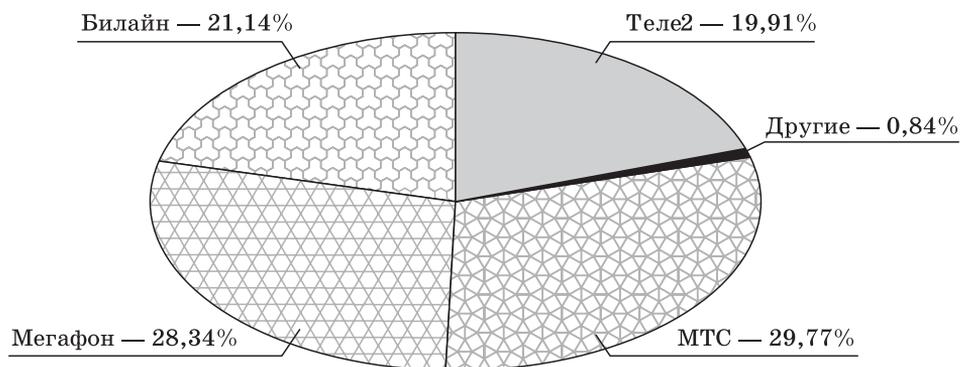

Рис. 2. Секторная диаграмма рыночных долей числа абонентов российских операторов мобильной связи по состоянию на конец 2018 г. на территории РФ в целом

Fig. 2. Sector chart of the market shares of Russian mobile operators of the number of subscribers as of the end of 2018 in the territory of the Russian Federation as a whole

Источник данных: J'son & Partners Consulting.

Перспективные направления развития рынка сотовой связи

Мобильными гаджетами и их сервисами сегодня пользуются практически все, и в связи с этим обстоятельством возможности расширения клиентской базы за счет традиционных услуг, которые становятся все менее востребованными, по существу, минимальны. Запуск высокоскоростных стандартов 5G, скорее всего, существенно положения не изменит. Оптимальным выходом для операторов сотовой связи может стать расширение границ отрасли, например, путем предложения рыночному потребителю медиауслуги в разнообразных форматах телевидения, онлайн-музыки и развития мобильной коммерции.

И здесь видео, как самый популярный в ближайшей перспективе контент, признается одним из драйверов развития рынка телекоммуникационных услуг. Во-первых, объемы данных видеоносителей увеличивают средний доход от одного пользователя *ARPU*. Во-вторых, как широко востребованная услуга, ее предоставление влияет на лояльность абонентов. Кроме того, в ИТ-секторе имеются мейнстримы, которые могут открыть операторам перспективы новых финансовых возможностей и повысить конкурентоспособность отрасли. К ним относятся известные проекты в сфере M2M (*Machine-to-Machine* — буквально в русификации — *межмашинное взаимодействие*), решения на основе *BigData*, облачные сервисы, интернет вещей и др. Так, «умным» автомобилям, «умным» домам и городам нужна сеть, а также сервисы, через которые подобные *вещи* будут общаться. По оценке менеджеров МегаФона, в 2017 г. число M2M-устройств возросло в 2,2 раза, а в 2020 г. ожидается появление 38 млн таких устройств.

Несмотря на некоторую парциальную потерю абонентов, изучаемые мобильные операторы демонстрируют рост валовой выручки, при этом основные доходы приходятся именно на реализацию услуг мобильной связи. Увеличение доходов от реализации услуг мобильной связи определяется действием следующих факторов: отказ операторов от схем ценовой конкуренции; уход от безлимитных тарифов; получение доходов от дополнительных услуг, предоставляемых корпоративным клиентам. Однако в целях статистической сопоставимости показателей сравнение компаний сектора мобильной связи целесообразно проводить на уровне российского сегмента бизнеса — ключевого источника валовой выручки. По данным источника *VEON*¹, в последнем году ретроспективного периода весь соответствующий сегмент сгенерировал чуть менее 50% операционных доходов. Однако у МегаФона эта доля составляет 98,6% выручки, а у МТС — 93,0%.

Рекламная активность рыночных игроков

Учитывая специфику бизнеса компаний-операторов сотовой связи, в частности, тот факт, что клиентом каждой компании из квадриги является практически каждый четвертый россиянин, рекламное послание для них является одним из ключевых детерминантов промоушена (продвижения) услуг. При этом с совершенствованием рынка и технологий ассортимент услуг заметно расширился и приобрел пакетный характер. Количество мобильных сервисов сегодня впечатляет, их структура разнообразна, дифференциация цен и тарифов заметна даже для отдельно взятых операторов по рыночным нишам, сегментам и секторам потребителей.

Сказанное отличает конкретный рынок потребителей услуг мобильной связи от иных и, разумеется, повышает рекламную активность игроков, заставляя их вы-

¹ *VEON* — финансовые отчеты, годовые отчеты, презентации (ООО «ВЕОН»: бухгалтерская отчетность и финансовый анализ, МСФО, РСБУ) [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-lab.ru/q/VIP/f/l/> (дата обращения: 08.07.2019).

бирать оптимальный для себя набор медиаканалов для коммуникации с потребителем. На российском рекламном рынке, а суммарные рекламные затраты крупнейших операторов сотовой связи измеряются многими миллиардами, участники «квадриги» на протяжении длительного периода времени неизменно занимают ведущее место в топах самых рекламируемых категорий товаров, работ и услуг. Именно эти рекламодатели определяют поведение категории в целом.

Общие расходы компаний сотовой связи на рекламную активность неравномерно распределяются по различным средствам медиа и носителям рекламы. По-прежнему прослеживается рост доли и объемов покупок рекламы на телевидении и соразмерном снижении показателей покупок у остальных медиа, в большей степени радио и прессы, в меньшей степени — наружной рекламы. Особым объектом исследования представляются рекламные усилия в интернете. Рекламная активность остальных игроков, входящих в долю 0,84% (см. рис. 2), которые в основном представлены региональными сотовыми операторами, крайне мала по сравнению с перечисленными компаниями и в большинстве случаев носит непостоянный характер.

В силу фактически высокой конкуренции на российском рынке услуг сотовой связи в условиях его близости к насыщению, можно предположить, что затраты операторов на прямую рекламу вряд ли серьезно сократятся. Скорее всего, в данном случае нужно говорить о зависимости объемов продаж услуг от расходов на рекламу. Предварительные результаты статистического анализа свидетельствуют о том, что соотношения между этими показателями у изучаемых операторов находятся в измеряемо узком доверительном интервале. Исключение здесь составляют лишь рыночные неопиты, которым в текущей ситуации необходимы не только серьезные денежные вложения на преодоление барьера вхождения на рынок, но и куда более значительные инвестиции в механизм связей с общественностью и в маркетинговые усилия.

Конкретные расчеты по разработанной авторской аналитической модели измерения чистой прибыли участников квадриги операторов сотовой связи, а также одновременно количественную оценку уровня конкуренции на рынке телекоммуникаций с помощью видовых индексов концентрации и напряженности Херфиндала—Хиршмана — $\mathfrak{I}_c^{(HH)}$, $\mathfrak{I}_{ten}^{(HH)}$ (англ. — Herfindal-Hirschman index), Р. Линда $\mathfrak{I}_d^{(Lin)}$ и А. Салаи $\mathfrak{I}_d^{(A)}$ автор проведет по получению уточненных достоверных статистических данных за 2019 г. в продолжении данной статьи.

Литература

1. Асаул А. Н., Старинский В. Н., Мамедов Ш. М., Щербина Г. Ф. Анализ и прогнозирование рыночной конъюнктуры / под ред. проф. А. Н. Асаула. СПб. : АНО ИПЭВ, 2018.
2. Вилкас Э. И. Оптимальность в играх и решениях. М. : Наука, 1990.
3. Карлоф Б. Деловая стратегия. Концепция. Содержание. Символы / пер. с англ. М. : Экономика, 1991.
4. Марков Л. Н. Анализ и процедуры принятия решений. Минск : Изд-во Института управления и предпринимательства, 2001.
5. Одинец В. П. Об истории некоторых математических методов, используемых при принятии управленческих решений. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015.
6. Одинец В. П. Физика в системе современного образования (ФССО-2019) // Сб. научных трудов XV Международной конференции. МГУ им. М. В. Ломоносова, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. Т. 2.
7. Рассел Ст., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. М. : Изд. Дом «Вильямс», 2006.
8. Степунин А. Н., Николаев А. Д. Мобильная связь на пути к 6G. Комплект в 2-х т. М. : Инфра-Инженерия, 2017.

9. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии, или простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства // *Мировая экономическая мысль сквозь призму веков*. Т. 1. Разд. V. М. : Мысль, 2004.
10. Фишберн П. Теория полезности для принятия решений / пер. с англ. ; под ред. Н. Н. Воробьева. М. : Наука, 1978.
11. Цацулин А. Н. Управление затратами на предприятии : учебно-методический комплекс. Балтийская академия туризма и предпринимательства. СПб., 2014.
12. Audun Jøsang, Simon Pope. Dempster's Rule as Seen by Little Colored Balls // *Computational Intelligence*. 2012. Vol. 28. N 4. P. 453–474.

Об авторе:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры финансового менеджмента факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; tsatsulin-an@sziu.ranepa.ru

References

1. Asaul A. N., Starynsky V. N., Mamedov Sh. M., Scherbina G. F. Analysis and forecasting of market conditions / under ed. prof. A. N. Asaul. SPb. : ANO IPER, 2018. 464 p. (In rus)
2. Vilkas E. I. Optimality in games and decisions. M. : Science, 1990. 256 p. (In rus)
3. Karlof B. Business strategy. A Guide to Concepts and Models/ translation from English M. : Economics, 1991. 240 p. (In rus)
4. Markov L. N. Analysis and decision-making procedures. Minsk : Institute of Management and Entrepreneurship, 2001. 168 p. (In rus)
5. Odinets V. P. On the history of some mathematical methods used in making management decisions. Syktyvkar : Pitirim Sorokin State University publishing house, 2015. 108 p. (In rus)
6. Odinets V. P. Physics in the system of modern education (PSME-2019) // Collection of scientific papers of the 15th International Conference. Lomonosov Moscow State University, National Research Nuclear University "MIFI," Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019. V. 2. 214 p. (In rus)
7. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 2nd ed./translation from English M. : Publishing house Williams, 2006. 1408 p. (In rus)
8. Stepunin A. N., Nikolaev A. D. Mobile communication on the way to 6G in 2 volumes. M. : Infra-Engineering, 2017. 796 p. (In rus)
9. Say J.-B. A Treatise on Political Economy; or The Production, Distribution, and Consumption of Wealth // *World economic thought through the lens of centuries*. V. 1. Section V. M. : Thought, 2004. 367 p. (In rus)
10. Fishburn P. Utilitu theory for decision-making/ translation from English under ed. of N. N. Vorobiev. M. : Science, 1978. 352 p. (In rus)
11. Tsatsulin A. N. Enterprise cost management: educational and methodical complex. Baltic Academy of Tourism and Entrepreneurship. SPb., 2014. 102 p. (In rus)
12. Audun Jøsang, Simon Pope. Dempster's Rule as Seen by Little Colored Balls // *Computational Intelligence*. 2012. Vol. 28. N 4. P. 453–474.

About the author:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Department of Financial Management of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; tsatsulin-an@sziu.ranepa.ru

Влияние оплаты труда на напряженность в системе социально-трудовых отношений

Алиев У. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ulvi_aliev@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования обосновывается тем, что переход от планово-административной системы управления человеческими ресурсами предприятий принципиальным образом изменил систему социально-трудовых отношений на предприятиях. В статье показано, что самые существенные изменения связаны с оплатой труда наемного персонала предприятий. Автором выделены три основных проблемных направления изменений — это несовершенство действующей законодательной базы, сохранившей патерналистский подход к терминологии в сфере оплаты труда, отсутствие государственного контроля и самостоятельность менеджмента предприятий в области разработки систем оплаты труда, неспособность наемных работников к самоорганизации и легитимному отстаиванию своих прав. Данные факторы постоянно провоцируют трудовые конфликты и напряженность в социально-трудовых отношениях.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, фонд оплаты труда, профессиональная квалификация, справедливость в оплате труда

Для цитирования: Алиев У. А. Влияние оплаты труда на напряженность в системе социально-трудовых отношений // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 87–92.

Impact of Wages on Tensions in Social and Labor Relations

Ulvi A. Aliev

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; ulvi_aliev@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the study is justified by the fact that the transition from the planned and administrative system of management of human resources of enterprises has fundamentally changed the system of social and labor relations in enterprises. The article shows that the most significant changes are related to the remuneration of employees of enterprises. The author identified three main problematic areas of change — imperfections of the current legislative framework, which preserved a paternalistic approach to terminology in the field of remuneration, lack of state control and autonomy of management of enterprises in the field of development of remuneration systems, inability of employees to organize themselves and legitimately defend their rights. These factors constantly provoke labor conflicts and tensions in social and labor relations.

Keywords: social and labor relations, remuneration fund, professional qualification, pay equity

For citing: Aliev U. A. Impact of Wages on Tensions in Social and Labor Relations // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 87–92.

Введение

На сегодняшний день становится очевидно, что из всех проведенных в русле либеральной экономики трансформаций советской планово-административной системы наиболее неудачными следует признать изменения, связанные с оплатой

труда наемного персонала предприятий. Коренное отличие советской системы оплаты труда от принятой в настоящее время состоит в том, что государство осуществляло тотальный контроль над использованием выделенного предприятию фонда оплаты труда (ФОТ), который осуществлялся отделом труда и заработной платы (ОТЗ) каждой организации, а руководитель нес ответственность за распределение ФОТ. В настоящее время такого контроля нет, при существующем законодательстве он в принципе невозможен.

Можно остановиться на нескольких основных положениях в области оплаты труда, которые постоянно, уже в течение тридцати лет, поддерживают напряженность в системе социально-трудовых отношений. К ним можно отнести: несовершенство действующей законодательной базы; произвол в разработке систем оплаты труда, который позволяет менеджменту предприятия изобретать и внедрять практически любую «эффективную систему оплаты труда»; неспособность наемных работников к самоорганизации и легитимному отстаиванию своих прав.

Несовершенство действующей законодательной базы

Рассмотрим основные проблемы в этой области:

- во-первых, с макроэкономических позиций, на начальном этапе трансформаций планово-административной системы управления была допущена грубейшая ошибка, приравнявшая труд советского гражданина на благо Родины к труду наемного работника в капиталистическом обществе. Ошибкой этот факт можно считать с большой натяжкой, так как все последовавшие дискуссии на эту тему свелись к утверждению, что труд при социализме также носил характер наемных отношений. Утверждение, с которым вряд ли можно согласиться, хотя бы в силу того, что его сторонники с этапа приватизации и до сих пор извлекают из него прямую выгоду, имея возможность не оплачивать наемному работнику его труд в полной мере;
- во-вторых, ст. 129 Трудового кодекса (ТК) определяет заработную плату как «вознаграждение за труд в зависимости от квалификации, сложности» и т.д. Следует сразу отметить, что определение заработной платы как «вознаграждения», было дано еще в кодексе 1922 г. и полностью соответствовало концепции патерналистских социально-трудовых отношений, согласно которым работник (он же гражданин) был обязан честно отдавать свой труд на благо государства, которое гарантировало ему достигнутый к данному моменту уровень потребления. В современной социально-экономической литературе термин «вознаграждение» нигде, кроме ТК, не используется. Оплачивает труд в либерально-рыночной модели либо работодатель, либо менеджер, а не государство. Если, согласно ТК, они вознаграждают работника, а не оплачивают выполненную работу, то, соответственно, могут этого и не делать. Таким образом, согласно закону выполненная работа может не оплачиваться;
- в-третьих, в ст. 129 ТК понятия «заработная плата» и «оплата труда» не разделены, а перечислены как синонимы, что вполне было допустимо в планово-административной экономике, а в либерально-рыночной они представляют собой различные категории. Оплата труда в настоящее время — это особая деятельность современного менеджмента, связанная с исследованием и оценкой состояния рынка труда, разработкой систем стимулирования труда, проведением социально-экономических исследований по удовлетворенности оплатой труда, оценкой связи между квалификацией и оплатой труда, разработкой методик ответственности квалификации персонала профессиональным стандартам и т.д. В настоящее время как «заработная плата» в современном управлении — это область реализации учетно-расчетной функции, включая разработку тарифов, учет рабочего

времени и оплату за отработанное время, выплату надбавок и компенсаций, т. е. функционально приближается к тому, чем в планово-административной экономике занимался ОТЗ, а в настоящее время в большинстве организаций эти функции возложены на бухгалтерию.

Сказанного достаточно для того, чтобы понять, что любые изменения должны начинаться с изменения законодательной базы, регулирующей социально-трудовые отношения. В качестве примера можно привести Трудовой кодекс Республики Беларусь, согласно ст. 57 которого «заработная плата — это совокупность вознаграждений, исчисляемых в денежных единицах, которые наниматель обязан выплатить работнику за фактически выполненную работу, а также за периоды, включаемые в рабочее время». Самое существенное отличие в том, что белорусский работодатель оплачивает «фактически выполненную работу», «исчисляемую в денежных единицах», и «обязан» это сделать. В то время как отечественный работодатель, согласно ТК, может платить в какой угодно форме, может вознаграждать работника как захочет или не вознаграждать совсем, и платить за что угодно, кроме оплаты выполненной работы.

Социально-экономические следствия самостоятельности организаций в разработке систем оплаты труда

Согласно действующим законам, государство не может контролировать социально-трудовые отношения в области оплаты труда. Исключения могут составить два пункта: оплата не ниже МРОТ и выплаты не менее двух раз в месяц. Но на практике оба эти пункта постоянно нарушаются. Характерный пример в данной области — это полугодовая задержка в выплате зарплаты при строительстве космодрома «Восточный» по заказу государства, которая закончилась массовой голодовкой строителей.

Среди других следствий можно отметить резкое падение уровня профессиональной квалификации практически во всех областях, связанных с массовым промышленным производством [2; 3; 6 и др.]. Как отметил недавно Президент В. В. Путин, к 2030 г. дефицит квалифицированных кадров в России может достигнуть трех миллионов человек. По его словам, это приведет к потере сотен миллиардов долларов в российской экономике¹. Проблема состоит в том, что этот дефицит существует уже пятнадцать лет, а одна из основных причин, по которой он существует, это возможность работодателя не оплачивать достигнутый работником уровень квалификации.

Статья 195.1 ТК РФ с дополнениями на 2018 г. определяет квалификацию работника как «уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника», а для оценки квалификации государством разрабатывается «профессиональный стандарт как характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности». В РФ уже официально утверждены более 870 профстандартов, но остается много вопросов, связанных как с нормативно-правовой базой, так и с практической необходимостью применения новых нормативных регуляторов.

В области технологии управления человеческими ресурсами, оценка квалификации сведена к формальным требованиям уровня образования и опыта работы в процессе найма, а в области оплаты за достигнутый уровень квалификации никаких нормативов нет. Человек, оплативший самостоятельно получение сертифи-

¹ Путин предупредил о дефиците квалифицированных кадров к 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2019/5dbc6df69a7947f792ab10a3> (дата обращения: 01.11.2019).

ката о повышении квалификации, не имеет никаких гарантий оплаты за более высокий уровень достигнутой квалификации. Иначе говоря, квалификация и оплата труда в нашей экономике никак не связаны. Проблема не имеет решения до сих пор, хотя «для абсолютного большинства современных квалифицированных рабочих, специалистов, служащих и менеджеров более значим рост чувства справедливости на основе увязывания размера заработка с уровнем профессиональной квалификации и личным трудовым вкладом» [7].

Прямым следствием данной ситуации является поведенческая стратегия наемного работника, ориентированного на продажу своей квалификации на рынке труда. В системе социальных установок эта стратегия выглядит следующим образом: получение хорошего (котируемого на международном рынке труда) образования в престижном вузе — поиск практического опыта работы в отечественной компании, имеющей бизнес за рубежом — эмиграция или в пределах той же компании, или самостоятельно.

Реализация этой стратегии — это реальный социально-экономический процесс, протекающий с нарастающей степенью интенсивности в последние двадцать лет. Так, в 2017 г. страну покинули более 377 тыс. человек, при этом треть эмигрантов окончили вузы, а модальная возрастная группа составляет 20–24 года¹. Как результат — получение неквалифицированного персонала на собственных предприятиях уже сейчас, и прогнозируемая его трехмиллионная нехватка к 2030 г.

Еще одной причиной социальной напряженности в социально-трудовых отношениях является возможность и право менеджмента разрабатывать и внедрять любые системы оплаты труда. Наиболее распространенной является система, при которой выделяемый государством или предпринимателем (собственником) (ФОТ) распределяется менеджментом следующим образом:

- фонд окладов. Он зафиксирован для каждого работника в контракте и штатном расписании организации. Обычно фонд окладов составляет в ФОТ менее 30%, но менеджеры стремятся держать его на уровне МРОТ, что позволяет не нарушать действующие законы;
- фонд доплат, назначаемый за совмещение, как правило, составляет 10% от ФОТ;
- фонд премий, не связанный с результатами работы компании, и фонд бонусов, завязанный на финансовые показатели работы, которые составляют оставшиеся 60% от ФОТ.

На практике это означает, что весь фонд оплаты труда находится в руках менеджмента компании и может расходоваться практически бесконтрольно. Премимальная часть зарплаты, составляющая до 80% дохода работника, выплачивается на основе показателей KPI, которые разрабатываются менеджментом и могут не иметь никакого отношения к реально выполняемой работе, либо оцениваться в таких показателях, которые исключают получение премии.

Бонусный фонд распределяется среди узкого круга лиц и практически недоступен для персонала. В целом, вся система оплаты труда представляет собой исключительную область для манипулирования социально-экономическим поведением с целью личного обогащения менеджмента за счет бесконтрольного использования фонда оплаты труда. Парадоксальными, к примеру, являются различия в уровне зарплат в государственной системе образования и здравоохранения, при которых зарплаты менеджеров организаций в 5–7 раз превышают зарплаты остального персонала, что выглядит достаточно странно, если учесть,

¹ За год из страны сбежало рекордное количество россиян. Портрет типичного эмигранта [Электронный ресурс]. URL: <https://66.ru/news/society/218758/> (дата обращения: 01.11.2019).

что в настоящее время проблема справедливости в оплате труда локализуется в деятельности организаций [4].

Неспособность наемных работников к самоорганизации и легитимному отстаиванию своих прав

Отсутствие релевантной статистики конфликтов в области социально-трудовых отношений не позволяет сделать достоверные выводы о способности работников к легитимному отстаиванию своих прав. К примеру, забастовка как наиболее значимая форма трудового протеста, во-первых, весьма ограничена формальными требованиями законодательства по ее проведению и требует согласованных действий коллектива, которых достаточно сложно достигнуть, во-вторых, должна опираться на развитые формы социально-экономической самоорганизации, включающие возможность создания профсоюза, способного бороться за интересы работников. Такие профсоюзы не имеют ничего общего с оставшимися с советских времен профсоюзами и в западных странах создавались в результате двухсотлетней классовой борьбы.

В связи с этим, практически не прибегая к забастовке, работники выбирают другие формы протестных действий. Так, в 2017 г. 49% всех протестных действий проходили в форме выдвижения требований к администрации с угрозой перехода к более решительным действиям, 14% протестных действий проходили в форме обращения к властям, а 45% — путем проведения митингов, на которых работники объявляли о своих требованиях властям, а не работодателям, 29% всех форм протеста составили стоп-акции (остановка работы подразделений или предприятия целиком).

Становится очевидной ситуация, при которой власть менеджмента в организации, не ограниченная никакими формами социально-экономической самоорганизации работников, способна постоянно провоцировать трудовые конфликты. При этом трудовое законодательство практически делает невозможными легальные способы разрешения трудовых конфликтов. В этой ситуации все более очевидной становится тенденция отказа работников от проведения диалога с менеджментом предприятия и непосредственного обращения к органам государственной власти, с угрозой проведения митингов, пикетов или других публичных акций. Обращения в прокуратуру, Рострудинспекцию, Правительство РФ применялось в 95% случаев, тогда как обращения к администрации предприятия и собственнику составили всего 3% случаев [5].

Заключение

Проведенный анализ говорит о том, что реформами 1990-х гг. государство, создавая новых субъектов социально-трудовых отношений: работодателя, менеджера и наемного работника, разработало законодательство, постоянно провоцирующее трудовые конфликты и напряженность в социально-трудовых отношениях и не позволяющее развивать какие-либо формы социально-экономической самоорганизации наемных работников и решать возникающие проблемы в форме диалога внутри предприятия. В этой связи в рассмотренной сфере требуются энергичные усилия для изменения сложившейся ситуации, в том числе в режиме партнерства [1] бизнеса, институтов гражданского общества и власти.

Литература

1. *Акобиров С. О., Алтунина Л. Н., Миэринь Л. А.* Государственно-частное партнерство и перспективы его использования в социальной сфере на современном этапе развития

- Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 13–18.
2. Алиев И. М. Социально-экономические изменения структуры российского рынка труда // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 116–120.
 3. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трудовые ресурсы и стимулирование экономического роста в России // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 5–12.
 4. Гулевич О. А. Справедливость в организации: условия и последствия // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 58–70.
 5. Калашников К. Н., Шаров В. В. Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией // СОЦИС. Социологические исследования. 2017. № 4. С. 73–81.
 6. Петров М. А., Прозоровская К. А. Управление персоналом и прикладная социология: преимущества использования и проблемы внедрения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 121–124.
 7. Темницкий А. Л. Ценностные ориентиры справедливости в оплате труда профессионалов [Электронный ресурс] // Научный эксперт. Научный электронный журнал. 2008. № 7–8. С. 34–43. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal7_8_2008.pdf (дата обращения: 11.11.2019).

Об авторе:

Ульви Алиевич Алиев, старший преподаватель кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ulvi_aliev@mail.ru

References

1. Akobirov S. O., Altunina L. N., Mierin L. A. State-private partnership and prospects for its use in the social sphere at the modern stage of the Russian Federation development // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2019. N 2 (40). P. 13–18. (In rus)
2. Aliev I. M. Socio-economic changes in the structure of the Russian labour market // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2019. N 3 (117). P. 116–120. (In rus)
3. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Workforce and Stimulation of Economic Growth in Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2019. N 9 (167). P. 5–12. (In rus)
4. Gulevich O. A. Organizational justice: antecedents and consequences // Organizational Psychology [Organizatsionnaya psikhologiya]. 2012. V. 2. N 1. P. 58–70. (In rus)
5. Kalashnikov K. N., Sharov V.V. The labour relations in Russia: between partnership and confrontation // Sociological Research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. N 4. P. 73–81. (In rus)
6. Petrov M. A., Prozorovskaia K. A. Personnel management and applied sociology: benefits of using and implementation problems // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2019. N 3 (117). P. 121–124. (In rus)
7. Temnitsky A. L. Value guidelines for the remuneration of labour for professionals [Electronic resource] // Scientific expert [Nauchnyi ekspert]. Scientific electronic journal. 2008. N 7–8. P. 34–43. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal7_8_2008.pdf (accessed: 11.11.2019). (In rus)

About the author:

Ulvi A. Aliev, Senior lector of the Chair of Economic Security of Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); ulvi_aliev@mail.ru

Стратегический анализ трендов на рынке труда старшего поколения

Дудовцева Ю. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; yvdudovtseva@mail.ru

РЕФЕРАТ

Современное общество столкнулось с отрицательным влиянием старения населения на экономику стран, в связи с чем возникает острая необходимость в разработке стратегии развития серебряной экономики. Долгосрочная стратегия позволит избежать или снизить негативные последствия, вызванные старением населения, а также поможет использовать возможности, которые окажут положительный эффект на развитие экономики в целом. Одним из направлений, связанных со старением населения, которое необходимо развивать — рынок труда для старшего поколения. В связи с повышением пенсионного возраста как в России, так и в других странах, данная тема является особенно актуальной. Создание необходимых условий труда, изменение отношения к пожилым сотрудникам, к их здоровью, переобучению и переквалификации, развитие технологий, которые способствуют улучшению трудовой инфраструктуры — неотъемлемые направления для стратегического развития. Также необходимо обратить внимание на специфический вектор развития рынка труда, который движется в сторону автоматизации трудовых процессов и сокращения рабочих мест, что довольно сильно осложняет процесс внедрения пожилых лиц на рынок труда. Все вышеперечисленные направления необходимо учитывать при написании долгосрочной стратегии развития рынка труда для пожилых людей.

Целью работы является выявление существующих трендов на рынке труда для пожилых людей как в зарубежных странах, так и в России. Поставленная цель была достигнута с помощью анализа международных документов, научных монографий, официальных данных государственной статистики различных стран, министерств труда, здравоохранения, внутренних дел и связи, отчетов международных общественных организаций.

В статье рассмотрены общие демографические тренды, опыт использования трудового потенциала лиц старшего поколения в Индонезии, Японии, США и в России, выявлены глобальные стратегические тренды рынка труда для пожилых людей. Полученные данные отражают неоднородность отношения к пожилым людям на рынке труда в разных странах. Степень защиты пожилых от увольнений и дискриминации также носит неоднородный характер. Для успешного развития рынка труда и поддержки высокого качества жизни населения необходимо создание нормативно-правовой базы, государственной политики и изменения культуры восприятия лиц старшего поколения в целом.

Ключевые слова: пожилые сотрудники, стратегические тренды, трудовой потенциал, старение населения, качество жизни

Для цитирования: Дудовцева Ю. В. Стратегический анализ трендов на рынке труда старшего поколения // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 93–103.

Strategic Analysis of Trends in the Labor Market for Older Workers

Yulia V. Dudovtseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; yvdudovtseva@mail.ru

ABSTRACT

Modern society is faced with the negative impact on the economies of population ageing, therefore there is an urgent need to develop a strategy for silver economy. A long-term strategy will help to avoid or to reduce the negative effects that are caused by population ageing, as well as to help to use opportunities that will have a positive effect on the development of the economy as a whole. One of the areas associated with the ageing population that needs to be developed is the labor market for the older workers. Due to increase of the retirement age as in Russia and as in other

countries this topic is particularly relevant. Creating conditions of work, changing attitudes towards the elderly, their health, retraining, development of technologies that contribute to the improvement of the labor infrastructure are integral directions for strategic development. It is also necessary to pay attention to the specific vector of development of labor market, which is moving towards the automatization of technology and job cuts, which rather complicates the process of introducing the elderly to the labor market. All of the above areas should be considered when writing a long-term strategy for the development of a labor market for the elderly.

The aim of the work is to identify existing trends in labor market for older workers in foreign countries and in Russia. The goal was achieved by analyzing international documents, scientific monographs, official data of state statistics of various countries, ministries of labor, health, internal affairs, and reports of international public organizations.

The article discusses general demographic trends, the experience of using the labor potential of older people in Indonesia, Japan, the USA and Russia, reveals global strategic trends in the labor market for older people. The data reflect heterogeneity of attitudes towards older people in labor market in different countries. The rate of protection of elder from dismissal and discrimination is also multiple-valued. For the successful development of labor market and support of high quality of life, it is necessary to create a regulatory framework that will protect older employees, establish government policy and change the culture of perception of older people.

Keywords: older workers, strategic trends, labor potential, ageing population, life quality

For citing: Dudovtseva Yu. V. Strategic Analysis of Trends in the Labor Market for Older Workers // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 93–103.

Введение

В работе был применен термин «старшее поколение», который используется в ФЦП «Старшее поколение» (1997–2004 гг.), в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.¹ В ходе работы данный термин используется как синоним к пожилому населению и лицам старше трудоспособного возраста.

Изучением будущего рынка труда озадачены многие экономисты и политические деятели. Существуют различные проблемы, которые ограничивают доступ пожилым людям на рынок труда. Одной из наиболее распространенных проблем является эйджизм [1; 2; 6; 8; 10]. Для создания равных условий труда и искоренения дискриминации создаются организации межрегионального и межстранового масштабов. Данные организации занимаются защитой прав населения на рынке труда, анализом возможных сценариев развития занятости, проводятся крупномасштабные конференции и форумы, принимаются декларации и государственные политики. Прогнозы по увеличению доли пожилого населения и сокращению доли лиц трудоспособного возраста подтверждают необходимость учитывать возможные проблемы экономического характера в будущем, а также развивать рынок труда для старшего поколения.

Объектом исследования является труд пожилых людей. Предметом исследования — тренды в трудовых процессах. Целью данного исследования является выявление трендов трудового потенциала пожилых людей, а также изучение мирового опыта в данном вопросе.

Исследование основывается на методологии разработки стратегии академика, профессора, иностранного члена РАН В. Л. Квинта. Разработка стратегии начинается с анализа текущих и общепризнанных мировых трендов, далее изучаются региональные и отраслевые тренды, на основе которых создается прогнозирование внутренней и внешней среды объекта стратегии [11].

¹ Пожилое население России: проблемы и перспективы // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, социальный бюллетень // март 2016 [Electronic resource]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf> (accessed: 12.12.2019).

В современном мире возрастная классификация установлена Организацией Объединенных Наций. Молодостью считается возраст от 18 до 44 лет, средним возрастом 44–60, пожилым возрастом 60–75, старческим возрастом 75–90, долгожителями считаются лица старше 90 лет. Данная классификация обуславливается улучшением состояния здоровья людей, повышением фертильности и качества жизни. Средний возраст выхода на пенсию в мире составляет 60 лет¹.

Процессы старения мирового населения несут за собой большие перемены на рынке труда. Уже сейчас многие страны должны вести активную подготовку к адаптации большого количества пожилых людей в будущие трудовые процессы [4, с. 57–67]. В отчете ООН «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2017 года» предполагается увеличение категории лиц старше 60 лет к 2050 г. более чем в 2 раза. На 2017 г. число пожилых людей составило 962 млн, что является примерно 13% от всего населения мира. ООН прогнозирует увеличение количества лиц старшего поколения до 2,1 млрд к 2050. Вышеупомянутая возрастная группа имеет тенденцию более высокого темпа роста в отличие от остальных возрастных групп, процент роста количества пожилых людей составляет 3% в год².

Ниже представлен рисунок, составленный по данным The World Bank, где отражен рост численности пожилого населения в мире. В 2017 г. число лиц старше 65 лет составило 654 567 936 человек.

Данный график отражает, в какой степени лица старшего поколения задействованы на рынке труда в различных странах в 2017 г. Так, Индонезия занимает первое место по количеству пожилых сотрудников, далее следуют Южная Корея, Мексика, Чили и Япония. Вышеупомянутые страны уже испытали сильные перемены на рынке труда.

Далее будут рассмотрены страны с различным опытом трудоустройства пожилых сотрудников.

Индонезия

Основной сферой занятости индонезийцев являются услуги, в которых по данным Asian Development Bank в 2015 г. работало 44,8% от всего населения [3, с. 9]. Возрастная группа старше 60 лет не является основополагающей на рынке труда в Индонезии. Группа пожилых лиц лидирует среди других возрастных групп по числу, не получивших образование в начальной школе [3, с. 9]. На данный момент создается Индонезийская стратегическая система инспекции труда³, которая направлена на укрепление и повышение эффективности данной сферы. Образование — самый важный фактор при устройстве на хорошо оплачиваемую работу, который является серьезным входным барьером для старшего поколения. Индонезийское правительство старается увеличить доступ к получению образования за счет привлечения инвестиций из частного сектора⁴.

¹ United Nations, «World Population Prospects. The 2017 Revision», Key Findings and Advance Tables, UN, New York. 2017 [Мировые демографические перспективы. Пересмотр 2017 года», Ключевые результаты и предварительные таблицы] [Electronic resource]. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (accessed: 12.12.2019). С. 3.

² ЮНЕСКО, 3-й Глобальный доклад по обучению и образованию взрослых (ООВ), Влияние образования взрослых на здоровье и благополучие, занятость и рынок труда, социальную, гражданскую и общественную жизнь, Unesco Institute of Lifelong Learning, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245917> (accessed: 12.12.2019). С. 11.

³ ILO, News, Jakarta, Indonesia, 02 August 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/jakarta/info/public/pr/WCMS_637304/lang--en/index.htm (accessed: 12.12.2019).

⁴ Improving Teaching and Learning in Indonesia, 03.03.2018, The World Bank [Electronic resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/improving-teaching-and-learning-in-indonesia> (accessed: 12.12.2019).

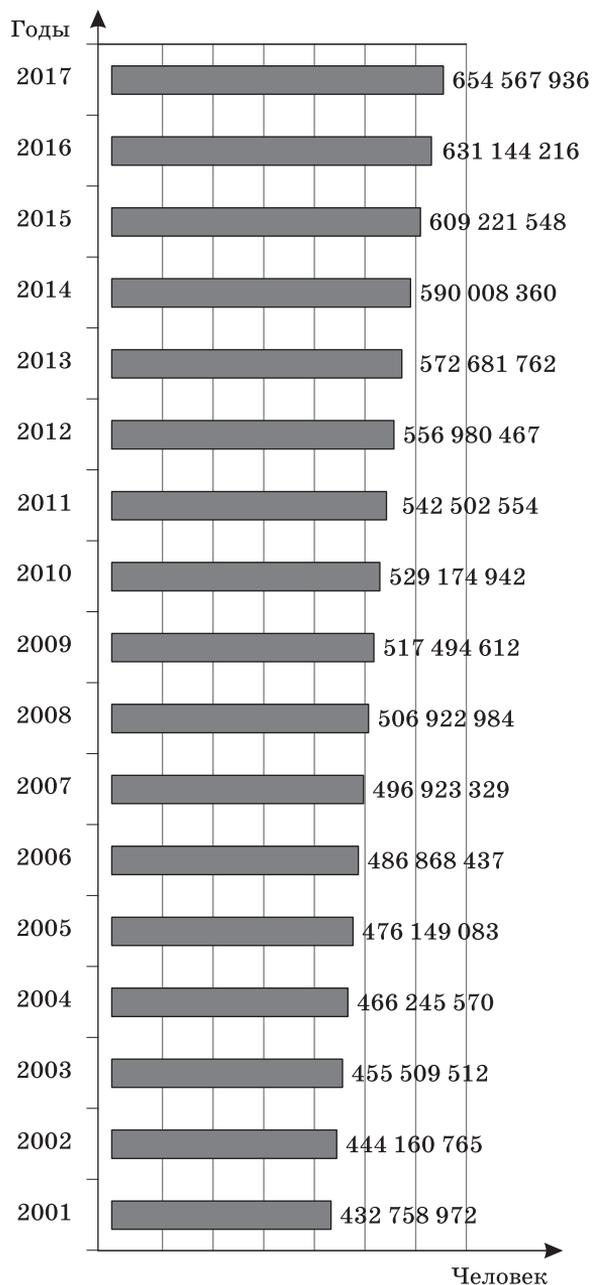

Рис. 1. Мировое население старше 65 лет, 2001–2017 гг. (человек)
 Fig. 1. Global population over 65, 2001–2017 (peoples)

Источник: [Электронный ресурс]: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO>

Рис. 2. Работающее население старше 65 лет, 2017 г. (%)

Fig. 2. Working population over 65, 2017 (%)

Источник: [Электронный ресурс]: <https://data.oecd.org/emp/labour-force-participation-rate.htm>

Япония

В Японии средняя ожидаемая продолжительность жизни в 2017 г. составила 84,1 год и заняла первое место среди стран долгожителей¹. Согласно данным Министерства

¹ OECD [Electronic resource]. URL: <https://data.oecd.org/healthstat/life-expectancy-at-birth.html> (accessed: 12.12.2019).

внутренних дел и связи в 2017 г. число занятых пожилых граждан старше 65 лет составило 12,3% от общей численности занятых. Около 42% сотрудников старше 60 лет хотели бы продолжать работать¹. Рост количества пожилых сотрудников объясняется падением уровня рождаемости, что отчасти вынуждает работодателей принимать на работу лиц старшего возраста, а также объясняется улучшением качества жизни. Занятость стимулируется дополнительными пенсионными выплатами, если гражданин продолжает работать после наступления пенсионного возраста. Коэффициент выплат растет от продолжительности стажа работы. Работодатели стараются оставлять пожилых сотрудников на своих должностях после наступления пенсионного возраста. Как правило, рабочий день и заработная плата сотрудника сокращаются для оптимизации затрат компаний². Правительство рассматривает возможное субсидирование частного сектора в целях содействия занятости лиц старшего поколения³.

США

В США на 2017 г. доля пожилых людей от всего работающего населения составила 19,3%⁴. С каждым годом количество желающих продолжать работать после наступления пенсионного возраста только растет. Многие корпорации делают переориентировку на пожилых сотрудников и при устройстве на работу преимущественно выбирают данную категорию граждан⁵. Происходит адаптация производственных мощностей для более удобного и понятного использования их лицами старшего поколения, дается возможность выбрать более гибкий рабочий график⁶. Пожилые люди более склонны посвящать время работе, чем молодые сотрудники, также компании уделяют большое внимание обучению⁷.

Россия

В России стимулирование занятости пожилых людей плохо развито, существует сильная дискриминация со стороны работодателей, которые склонны выбирать более молодых сотрудников и увольнять пожилых людей. При этом из-за низких пенсионных выплат лица старшего поколения вынуждены работать

¹ Statistics of Japan [Electronic resource]. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200531&tstat=000000110001&cycle=1&year=20180&month=11010301&tclass1=000001040276&tclass2=000001040283&tclass3=000001040284&stat_infid=000031676002&result_back=1 (accessed: 12.12.2019).

² ILO, Social protection policy papers, Social protection for older persons: Policy trends and statistics 2017–19, Social Protection Department International Labour Office. P. 27 [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_645692.pdf (accessed: 12.12.2019). С. 19.

³ The Japan Times, Keeping elderly workers in the labor force longer. 26.09.2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/09/26/editorials/keeping-elderly-workers-labor-force-longer/.XluosS3vW8U> (accessed: 12.12.2019).

⁴ Bureau of labor statistics [Electronic resource]. URL: <https://www.bls.gov/bls/occupation.html> (accessed: 12.12.2019).

⁵ Dineen C. 10 companies that employ the most people over 50. 28.02.2013 [Electronic resource]. URL: <https://considerable.com/jobs-people-over-50/> (accessed: 12.12.2019); Miller M. Companies need older workers: here is why. 21.06.2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-world-work-olderworkers/companies-need-older-workers-here-is-why-idUSKBN1JH15F> (accessed: 12.12.2019).

⁶ Hannon K. Reaping the Benefits of an Aging Work Force. The New York Times. 02.03.2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/02/business/retirement/aging-workers-opportunity.html> (accessed: 12.12.2019).

⁷ Desilver D. More older Americans are working, and working more, than they used to. 20.06.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/20/more-older-americans-are-working-and-working-more-than-they-used-to> (accessed: 12.12.2019).

на низкооплачиваемых работах. По данным исследования В. Ю. Ляшок и С. Ю. Рощиной (2000–2014 гг.) пожилые люди в основном заняты в сферах образования, производства и сельского хозяйства [5, с. 125]. Существует государственная стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.¹, где одной из основных задач является создание условий, которые будут обеспечивать трудовое равенство всех возрастных категорий, а также стимулирование трудовой занятости в соответствии с предпочтениями пожилых индивидуумов, их возможностей и трудовых навыков. На данный момент данный пункт исполняется на ненадлежащем уровне [9]. По данным Российской государственной статистики в 2017 г. уровень занятости пожилых людей (55–60 лет и старше) составил 20,1% от общего числа пожилых лиц по данным выборочного обследования рабочей силы. Среднее время поиска работы составляет 8,4 месяца².

Национальный проект «Демография»

Улучшение качества жизни пожилых людей начинается с принятия различных государственных проектов. Недавно принятый национальный проект «Демография» начинается с 01.01.2019 и заканчивается 31.12.2024. В него входит 5 Федеральных проектов, одним из которых является проект «Старшее поколение», целями которого являются активное долголетие и увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни к 2024 до 67 лет. Для осуществления целей были поставлены различные задачи, которые неразрывно связаны с улучшением трудоспособности лиц старшего поколения, а следовательно, развитием рынка труда для пожилых людей. Так, одними из задач, которые оказывают влияние на трудоспособность пожилых людей, являются:

- увеличение количества лиц, охваченных профилактическими осмотрами и диспансеризацией к концу 2024 г., не менее 70% трудоспособного населения;
- диспансерное наблюдение населения трудоспособного возраста с заболеваниями и патологическим состоянием к концу 2024 г. не менее 90%;
- количество просмотров телевизионных и радиопрограмм, документальных фильмов, веб-сайтов, которые пропагандируют повышение качества жизни граждан старшего поколения, к концу 2024 г. не менее 2,5 млн;
- создание мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию для лиц предпенсионного возраста, где должно быть обучено не менее 450 000 граждан предпенсионного возраста к концу 2024 г.³

Данный проект должен обеспечить улучшение здоровья пожилых людей, помочь повысить их профессиональные навыки.

Национальный проект «Здравоохранение»

Одной из ключевых целей проекта «Здравоохранение» (сроки реализации 01.01.2019–31.12.2024) является снижение смертности. Цели и задачи пересекаются с проектом

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 12.12.2019).

³ Федеральный проект «Старшее поколение» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 12.12.2019).

«Демография», что должно обеспечить большую результативность. Так, важными показателями, которые должны улучшить состояние на рынке труда для пожилых людей, являются:

- обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год;
- снижение смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. населения¹.

Данный проект также способствует улучшению здоровья пожилого населения, которое непосредственно влияет на трудовую занятость.

Закон об уголовной ответственности за увольнение лиц предпенсионного возраста

25.08.2018 в третьем чтении был принят закон об уголовном наказании, который предусматривает наказание работодателя за необоснованное увольнение сотрудников за 5 или менее лет до наступления пенсионного возраста, а также работодатель несет наказание за необоснованный отказ приема на работу. Статья 144.1 УК РФ предусматривает наказание «штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов»².

Вышеперечисленные проекты и закон должны позитивно повлиять на культуру восприятия старости, которая в свою очередь должна изменить сложившуюся негативную ситуацию в ограниченности и неравенства доступа к рынку труда для пожилых людей.

Стратегические тренды

Тренды на рынке труда для пожилых людей могут различаться в зависимости от стран и области занятости, но существуют несколько мегатрендов, которые присутствуют везде. Первым и одним из наиболее часто встречающихся является тренд увеличения пенсионного возраста. Данный тренд объясняется следующими факторами: увеличением средней ожидаемой продолжительностью жизни, сокращением рождаемости и увеличением экономической нагрузки на государства [5, с. 56–70]³.

Вторым трендом можно назвать отсрочку выхода на пенсию. Пожилые люди продолжают работать после наступления пенсионного возраста. Данное решение зависит от сбережений домохозяйствами, удовлетворенностью будущих выплат, личной заинтересованностью работать в связи с высоким уровнем здоровья и желанием иметь занятость. Для работодателей пожилые сотрудники, которые занимаются не физическим трудом, приносят положительный эффект за счет больше-

¹ Национальный проект «Здравоохранение» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/35561> (дата обращения: 12.12.2019).

² УК РФ Статья 144.1. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста.

³ Oxlade A. World pension ages on the rise: when will you retire? Schroders, 23.10.2017 [Electronic resource] URL: <https://www.schroders.com/en/insights/economics/world-pension-ages-on-the-rise-when-will-you-retire/> (accessed: 12.12.2019); Munnell A. Why the average retirement age is rising, 15.10.2017, Market Watch [Electronic resource]. URL: <https://www.marketwatch.com/story/why-the-average-retirement-age-is-rising-2017-10-09> (accessed: 12.12.2019); Axelrad H., Mahoney K. J. Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? Open Journal of Social Sciences, 5, 56, 2017.

го опыта, возможности грамотного наставничества, большего стремления работать не только из-за заработной платы¹.

Третьим трендом является создание гибкого рабочего графика². Во многих странах работодатели подстраиваются под пожилых и создают удобные рабочие условия³. Гибкий рабочий график также является положительным фактором и для лиц старшего поколения, который дает возможность выбора наиболее оптимальной модели для более эффективной работы. При этом может увеличиваться свободное время, выбираются дни и часы работы.

Четвертый тренд включает в себя склонность работодателей к организации процессов обучения и переквалификации для пожилых сотрудников. Обучение дает возможность внедрения и использования технологических новшеств.

На глобальном уровне цели в области устойчивого развития образования и обучения взрослых требуют комплексного, целостного подхода для дальнейшей разработки политических действий [7, с. 129–156]. На национальном уровне исследования показывают, что результаты в сфере здравоохранения зависят от гораздо большего, чем просто от самой системы. Например, исследование, проведенное в Канаде, показало, что в 50% состояние здоровья зависит от социально-экономических факторов, таких как образование и доходы. Биология и генетика составляли 15%, а физическая среда — 10%. (Постоянный комитет Сената по социальным вопросам, науке и технике, 2009)⁴. Таким образом, процессы обучения пожилых сотрудников и здравоохранение неразрывно связаны и имеют весомое значение для развития как рынка труда, так и для системы здравоохранения в целом.

¹ Krapivin P. How organizations are harnessing the wisdom of baby boomers to combat skills shortages, Forbes, 24.09.2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/pavel-krapivin/2018/09/24/how-airbnb-got-wiser-with-the-help-of-a-modern-elder/2e3ad0bd660b> (accessed: 12.12.2019); Federal provincial territorial ministers responsible for seniors, Age-friendly workplaces: Promoting Older Worker Participation [Electronic resource]: <https://www.canada.ca/content/dam/esdc-edsc/documents/corporate/seniors/forum/promoting.pdf> (accessed: 12.12.2019); ILO. What about seniors? A quick analysis of the situation of older persons in the labour market, spotlight on work statistics, 2018 [Electronic resource] URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_629567.pdf (accessed: 12.12.2019); ILO. Social protection policy papers, Social protection for older persons: Policy trends and statistics 2017–19, Social Protection Department International Labour Office. P. 27 [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_645692.pdf (accessed: 12.12.2019); The Japan Institute for Labour Policy and Training, Japan Labor Issues. Vol. 2. N 9. 2018 [Electronic resource]: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2018/009-00.pdf>.

² Kaylor M. Nextchat: Allies in the Workplace, September 16, 2019 [Electronic resource]: <https://blog.shrm.org/blog/2018-when-work-works-winners-revolutionize-workplace-flexibility-yielding-p> (accessed: 12.12.2019).

³ Center for aging better, Age-friendly employees [Electronic resource]. URL: <https://www.ageing-better.org.uk/our-work/age-friendly-employers> (accessed: 12.12.2019); Deborah Smeaton and Jane Parry, Becoming an age-friendly employer, Evidence report, September 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.ageing-better.org.uk/sites/default/files/2018-09/Being-age-friendly-employer-evidence-report.pdf> (accessed: 12.12.2019); Federal provincial territorial ministers responsible for seniors, Age-friendly workplaces: Promoting Older Worker Participation, [Electronic resource]: <https://www.canada.ca/content/dam/esdc-edsc/documents/corporate/seniors/forum/promoting.pdf> (accessed: 12.12.2019).

⁴ United Nations «World Population Prospects. The 2017 Revision», Key Findings and Advance Tables, UN, New York 2017, [Мировые демографические перспективы. Пересмотр 2017 года», Ключевые результаты и предварительные таблицы] [Electronic resource]: URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (accessed: 12.12.2019). P. 86.

Выводы

Доступ пожилых людей к высокооплачиваемым профессиям в Индонезии ограничен из-за отсутствия образования у данной группы лиц. В Японии система трудоустройства пожилых сотрудников хорошо развивается, лицам старшего поколения предоставляются возможные льготы при продолжении трудовой деятельности, работодатели субсидируются государством. В США активно развивается найм пожилых людей, создаются рабочие места, на которых соблюдаются все необходимые требования для комфортного пребывания на рабочем месте. В России работодатели имеют негативное представление о пожилых сотрудниках и предпочитают данной категории более молодых кадров. Однако создаются различные государственные программы, проекты и законы, которые нацелены на защиту прав лиц предпенсионного и пенсионного возрастов.

Отношение к трудовому потенциалу пожилых сотрудников является неоднозначным. В различных странах проработка проблем старения населения, в частности трудоустройства пожилых людей на рынке труда находится на разном уровне. В России найм пожилых сотрудников отягощается негативным отношением к культуре старости в целом.

Основными глобальными стратегическими трендами на рынке труда для пожилых сотрудников являются: изменение пенсионного возраста, отсрочка выхода на пенсию, которая связана с различными факторами, создание гибкого рабочего графика, обучение и переквалификация пожилых сотрудников.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что для стимулирования занятости на рынке труда для пожилого населения необходима государственная поддержка, которая обеспечит создание и выполнение различных программ и законов. Одними из мер защиты занятости являются: законодательная защита от увольнений пожилых людей, разработка государственных программ, направленных на культурные изменения, разрушение стереотипов и восприятия пожилого человека на рабочем месте, создание бесплатных профессиональных курсов для лиц старшего поколения, субсидии от государства работодателям при условии трудоустройства пожилых, программы ориентации на карьеру, индивидуальная поддержка.

Литература

1. Бурцева Т. А., Гагарина С. Н. Оценка качества жизни населения старших возрастов при обосновании стратегий активного долголетия в условиях структурных демографических изменений // Вестник университета. 2019. № 2. С. 5–12.
2. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.
3. Ляшок В. Ю., Рошин С. Ю. Молодые и пожилые работники на Российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 1. С. 117–140.
4. Abrams D., Russell P. S. Ageism in Europe, findings from the European Social Survey [Electronic resource]. London : Age UK. 2011. URL: <http://www.ageuk.org.uk/documents/en-gb/id10704%20ageism%20across%20europe%20report%20interactive.pdf?dtrk=true> (accessed: 12.12.2019).
5. Abrams D., Swift H. J. Old and Unemployable? How Age-Based Stereotypes Affect Willingness to Hire Job Candidates // Journal of Social Issues. Vol. 72. Is. 1. 01.03.2016.
6. Allen E. Analysis of trends and challenges in the Indonesian labor market // ADB papers on Indonesia. 2016. N 16.
7. Armstrong-Stassen M., Templer A. Adapting training for older employees. The Canadian response to an aging workforce, Odette School of Business, University of Windsor, Windsor, Ont., Canada. 2005. Journal of Management Development. N 24 (1). P. 57–67.
8. Axelrad H., Mahoney K. J. Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? Open Journal of Social Sciences, 5. 2017.

9. Bertolino M., Truxillo D. M., Fraccarol F. Age effects on perceived personality and job performance // *Journal of Managerial Psychology*. N 28 (7). 2013.
10. Carmichael F., Ercolani M. G. Age-training gaps in the European Union // *Ageing and Society*. Vol. 34. Is. 1. 2014.
11. Zaniboni S., Kmicinska M. Will you still hire me when I am over 50? The effects of implicit and explicit age stereotyping on resume evaluations // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 28. Is. 4. 04.07.2019.

Об авторе:

Дудовцева Юлия Викторовна, аспирант кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); yvdudovtseva@mail.ru

References

1. Burtseva T., Gagarina S. Quality of life assessment of the older population at the substantiation of active longevity strategies in the context of structural demographic changes // *Vestnik Universiteta*. 2019. N 2. P. 5–12. (In rus).
2. Kvint V. L. Strategy concept. SPb. : Publishing Center of NWIM — branch of RANEPa, 2019. (In rus).
3. Lyashok V. Y., Roshin S. Y. Young and old workers on Russian labor market: is there competition // *Journal of new economic association [Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]*. 2017. N 1. P. 117–140. (In rus)
4. Abrams D., Russell P. S. Ageism in Europe, findings from the European Social Survey [Electronic resource]. London: Age UK. 2011. URL: <http://www.ageuk.org.uk/documents/en-gb/id10704%20ageism%20across%20europe%20report%20interactive.pdf?dtrk=true> (accessed: 12.12.2019).
5. Abrams D., Swift H. J. Old and Unemployable? How Age-Based Stereotypes Affect Willingness to Hire Job Candidates // *Journal of Social Issues*. Vol. 72. Is. 1. 01.03.2016.
6. Allen E. Analysis of trends and challenges in the Indonesian labor market // *ADB papers on Indonesia*. 2016. N 16.
7. Armstrong-Stassen M., Templer A. Adapting training for older employees. The Canadian response to an aging workforce, Odette School of Business, University of Windsor, Windsor, Ont., Canada. 2005. *Journal of Management Development*. N 24 (1). P. 57–67.
8. Axelrad H., Mahoney K. J. Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? *Open Journal of Social Sciences*, 5. 2017.
9. Bertolino M., Truxillo D. M., Fraccarol F. Age effects on perceived personality and job performance // *Journal of Managerial Psychology*. N 28 (7). 2013.
10. Carmichael F., Ercolani M. G. Age-training gaps in the European Union // *Ageing and Society*. Vol. 34. Is. 1. 2014.
11. Zaniboni S., Kmicinska M. Will you still hire me when I am over 50? The effects of implicit and explicit age stereotyping on resume evaluations // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 28. Is. 4. 04.07.2019.

About the author:

Yulia V. Dudovtseva, Postgraduate student of the Department of Financial Strategy of the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); yvdudovtseva@mail.ru

Рецензия на сборник статей:

Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко)

*Новикова И. Н., Межевич Н. М.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
*mez13@mail.ru

Review of the Collection of Articles:

Social and Political Risks in Conditions of a New World Order Formation : (to the 110th Anniversary of the Birth of A. A. Gromyko)

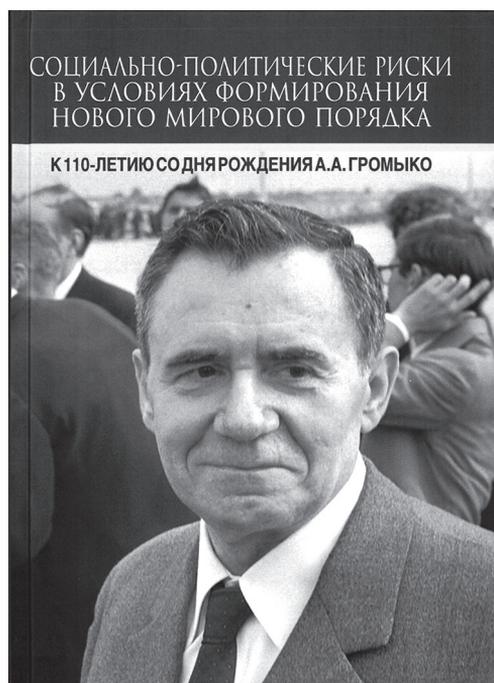
*Irina N. Novikova, Nikolai M. Mezhevich**

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); *mez13@mail.ru

Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко) / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т «Справедливый Мир» ; под ред. Н. Б. Кондратьевой и А. К. Никитина. — М. : ИЕ РАН : Ключ-С, 2019. — 164 с.

ISBN 978-5-98163-137-5

ISBN 978-5-6043795-0-9

Представляемая книга — сборник материалов экспертной сессии, посвященной 110-летию со дня рождения А. А. Громыко, состоявшейся в Государственной Думе 11 апреля 2019 г. при поддержке фракции политической партии «Справедливая Россия».

Рассматриваемый сборник статей разделен на три значимых сюжетных блока.

1. Современные проблемы стратегической стабильности и политико-дипломатическое наследие А. А. Громыко.
2. Влияние миграционных процессов и общественных движений на международные отношения.
3. Политико-экономические факторы актуальных международных процессов.

Однако на самом деле, по смыслу, он скорее состоит из двух взаимосвязанных частей. Первая часть непосредственно

посвящена выдающемуся советскому дипломату и государственному деятелю Андрею Андреевичу Громыко. Вторая часть рассказывает о проблемах современной внешней политики России, глобальных проблемах мирового экономического и политического развития.

Впрочем, и такое разделение весьма условно. В статьях, посвященных экономическим, миграционным, энергетическим проблемам современного мира упоминаются и анализируются труды и практическая деятельность А. А. Громыко. В свою очередь, материалы, рассказывающие о биографии выдающегося советского дипломата, содержат отсылки к современному внешнеполитическому положению России.

Каждая статья, написанная российскими политиками, дипломатами, учеными, экспертами, указывает на тот или иной аспект деятельности А. А. Громыко в привязке к актуальным вопросам мировой и российской политики.

Статья Ал. А. Громыко, члена-корреспондента РАН, директора Института Европы РАН, председателя Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко, закономерно открывает данный труд. Раскрывая некоторые детали биографии министра, Ал. А. Громыко указывает на то, что «став министром иностранных дел, и особенно после избрания первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1964 г., Громыко сделал многое, чтобы оградить советскую дипломатию от чрезмерного влияния идеологии, делая упор в работе с иностранными партнерами на реализм, прагматизм и выработку взаимоприемлемых компромиссов» (с. 7). Это крайне важное положение, указывающее на исторические корни современного прагматизма российской внешней политики. Говоря о преемственности современной системы мира, «не будет преувеличением сказать, что Громыко стал одним из главных архитекторов нынешней системы международных отношений. Эта система, несмотря на все политические и экономические бури, по-прежнему является важнейшим стабилизирующим фактором современного мира» (с. 12).

Прагматизм и деидеологизация в мировой политике не означают нейтральности внешней политики к идеологии вообще. Как отмечает Ал. А. Громыко, «самый большой вред международным отношениям в последние 30 лет нанесла идеология „либерального интервенционизма“, т. е. вмешательства в дела других государств под лозунгами демократии. Это своего рода манихейский взгляд на мир как на противостояние добра и зла; „вы с нами или против нас“ — в этом мире нет места постулату о возможности сосуществования на планете разных обществ, культур, цивилизаций, социально-экономических и политических систем» (с. 15).

Далее на экспертной сессии выступил А. Ю. Дробинин — заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России. В его статье, включенной в сборник, отмечено: «Обращение к этой исторической фигуре сегодня очень символично. Происходящее в последние годы накопление противоречий в мировой политике вызывает растущую тревогу у всех думающих людей, заставляя оглянуться назад, проанализировать опыт прошлых успехов и неудач». По мнению заместителя руководителя Департамента, стоящего буквально «на острие» российской внешней политики, «важно обращаться к опыту поколений, которые из ужасов Второй мировой войны вынесли твердую убежденность в необходимости избежать их повторения в будущем» (с. 21).

Об использовании исторического опыта говорил и Д. А. Данилов, кандидат экономических наук, заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН, профессор МГИМО (У) МИД России. В своем докладе **«Россия и Евро-Атлантика — дилеммы европейской безопасности»** он указывает на то, что «в современной ситуации Европа столкнулась с новым, глубоким, субстантивным кризисом, масштабы которого заставляют возвращаться к оценке характеристик прежней холодной войны и взаимного сдерживания и гонки воору-

жений, и того, не вступили ли мы в период новой холодной войны, и, следовательно, насколько применим опыт разрядки и мирного сосуществования в рамках послевоенной системы ООН, одним из конструкторов которой являлся А. А. Громыко» (с. 31).

В докладе «Социальные движения, миграция и терроризм как факторы мировой политики», подготовленном А. Л. Романовичем, доктором философских наук, секретарем Президиума Центрального совета политической партии «Справедливая Россия», рассмотрен комплекс вызовов для российской внешней политики. По мнению А. Л. Романовича, «когда заканчивается эра великих дипломатов, великих руководителей, которые привносят в международные отношения свою положительную роль, начинается процесс нестабильности, который начался, к сожалению, с приходом в международные отношения людей, имевших к этому делу весьма опосредованное отношение» (с. 65).

В работе «**Религиозные конфликты как часть глобальных трансформаций**», подготовленной **Р. Н. Лункиным**, доктором политических наук, руководителем Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, рассмотрена одна из ключевых проблем мировой и европейской политики — религиозная жизнь и религиозная политика. Оценивая роль религии в мировой повестке дня, главный редактор журнала «Современная Европа» пишет: «В биполярном мире „свои“ всегда правы, а „чужие“ неизменно виноваты. „Своим“ прощается все, „чужим“ — ничего. Примирение с противоположной стороной невозможно без принципиального изменения природы последней». Вероятно, даже во времена А. А. Громыко такая категоричная формулировка не могла быть принята, сейчас, увы, это горькая реальность.

Естественно, что, рассматривая ключевые проблемы мировой повестки дня, коллеги из Института Европы РАН не могли пройти мимо вопросов глобального климатического регулирования. В статье «**Климатические грабли Макрона**», подготовленной **С. А. Рогинько**, руководителем Центра экологии и развития Института Европы РАН, профессором Финансового университета при Правительстве РФ, рассмотрены вопросы углеродного налога и прочих экологических платежей. Автор убедительно доказывает, что климатическая повестка становится частью механизмов глобального политического управления, а соответствующие налоги выполняют функцию денежного насоса, выкачивающего средства из любого объекта, до которого ему удастся дотянуться (с. 91–101).

Доклад «**Новые партийно-политические явления на карте Европы**», подготовленный **В. Я. Швейцером** — доктором исторических наук, руководителем Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН — рассказывает о том, что «все, что произошло в странах Европейского союза за последние 10 лет, а может быть, и за больший срок, указывает на формирование группы партий, которые можно условно обозначить как партии политической альтернативы. Автором этого термина является Алексей Анатольевич Громыко. Мы в свое время проводили дискуссию о популистах, регионалистах, националистах. Пришли к выводу, что все эти субъекты современной политики объединены в стремлении выдвинуть альтернативу... Альтернативу тому истеблишменту в европейской партийной системе, который фактически исчерпал себя, израсходовал свои определенные возможности и в идеологическом плане, и в плане какой-то перспективы, и в реальной каждодневной политике» (с. 102).

В. Б. Белов, заместитель директора Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН, убедительно показал, что проблематика **энергетического суверенитета и безопасности Евросоюза и России полны умолчаниями**. «Как ни странно, европейский (Брюссель) и национальный законодатели не дают чет-

кого определения понятий энергетического суверенитета и безопасности» (с. 115) — один из интереснейших выводов доклада.

В докладе Н. Б. Кондратьевой, кандидата экономических наук, доцента, ученого секретаря Института Европы РАН, руководителя Центра экономической интеграции Института Европы РАН, рассмотрены вопросы **взаимодействия Европейского и Евразийского экономического союзов. В числе программных тезисов автора укажем на следующую мысль:** «интеграция никогда не была волшебным средством, а всегда была экспериментом, требующим постоянной подпитки, что, в общем, известно из практики Европейского союза» (с. 135).

Подведем итоги. Как говорится, большое видится на расстоянии. Уход с поста министра иностранных дел А. А. Громыко мало кто воспринял как трагедию или даже проблему, тем более что его ждал формально существенно более высокий пост Главы советского государства — Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Но именно с этого момента факторы распада СССР получили мощное ускорение — распад советской внешней политики. Дело всей жизни Андрея Андреевича Громыко попало в чужие и враждебные руки на долгие годы, до тех пор, пока на пост министра не был назначен Е. М. Примаков. Приход министра иностранных дел С. В. Лаврова постепенно остановил кризис российской внешнеполитической практики. Российская внешняя политика вернулась к тем высоким стандартам, которые были сформированы при Андрее Андреевиче Громыко.

Представляемая работа находится в открытом доступе на сайте Института Европы РАН и представляет значительный интерес для студентов, преподавателей, экспертов (<http://www.instituteofeurope.ru/publications/monografii/item/socialno-politicheskie-riski-v-usloviyah-formirovaniya-novogo-mirovogo-poryadka-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-a-a-gromyko>).

Особо рассчитываем на то, что студенты и преподаватели СПбГУ и РАНХиГС будут использовать данный труд в своей работе и учебе.

Об авторах:

Новикова Ирина Николаевна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); i.novikova@spbu.ru

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mez13@mail.ru

About the authors:

Irina N. Novikova, Doctor of Science (History), Professor of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); i.novikova@spbu.ru

Nikolai M. Mezhevich, Doctor of Science (Economics), Professor of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); mez13@mail.ru

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2019 г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

От главного редактора

№ 1, 4–12,
с. 8, № 2, 3,
с. 6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Войнаровская Л. И. К вопросу нормативно-правового обеспечения и методики контроля служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих РФ № 11, с. 10

Кашина М. А. Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства № 9, с. 19

Котлярова О. В., Мироненко Н. В. Трансформация системы дополнительного профессионального образования в процессе подготовки кадров государственного и муниципального управления № 1, с. 10

Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Пространственный аспект эволюции местного самоуправления в Российской Федерации: возможности учета зарубежного опыта № 9, с. 8

Шамахов В. А., Максимцев И. А., Межевич Н. М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития № 10, с. 8

Шамахов В. А., Межевич Н. М. К юбилею Союзного государства: некоторые экономические параметры и политические ограничители № 12, с. 10

Шарин В. И. Долгосрочные мотивации на государственной гражданской службе № 4, с. 10

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Освоение Арктики: как избежать потери качества при выигрыше темпа? № 1, с. 20

Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета № 1, с. 29

Шамахов В. А., Межевич Н. М. Проблема суверенности и принятие экономических решений в Союзном государстве: некоторые вопросы теории и практики 2018–2019 гг. № 2, с. 8

<i>Фирсов В. В.</i> Специфика осуществления документальных проверок хозяйственной деятельности сотрудниками финансовых и налоговых органов Российской Федерации	№ 2, с. 16
<i>Шамахов В. А., Еремина Н. В., Межевич Н. М.</i> Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия	№ 3, с. 8
<i>Кефели И. Ф., Мальмберг С. А.</i> Информационный потенциал как решающий фактор в информационном противоборстве государств	№ 3, с. 24
<i>Гаффорзода А. С.</i> Роль института лидерства в формировании политической культуры в условиях суверенитета	№ 3, с. 34
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения. Статья первая Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения. Статья первая	№ 4, с. 19
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда	№ 5, с. 9
<i>Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А.</i> Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций	№ 6, с. 10
<i>Кириленко В. П., Алексеев Г. В.</i> Электронная демократия и гуманистические принципы	№ 6, с. 19
<i>Кугай А. И.</i> Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая	№ 6, с. 32
<i>Алёхина И. С.</i> Законодательство о статусе парламентариев государств — участников СНГ: перспективы совершенствования	№ 6, с. 41
<i>Бутакова Н. А.</i> Столкновение судов в море: проблемы ответственности и подсудности	№ 6, с. 50
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года	№ 7, с. 10
<i>Заикин А. А.</i> Политическая борьба как борьба за лидерство и власть	№ 7, с. 17
<i>Прошина Е. М., Гуц В. В.</i> Концептуальный идеал как фактор гармонизации управленческого процесса	№ 7, с. 25
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Россия в Арктике: на пересечении внешних и внутренних угроз	№ 8, с. 10
<i>Мерешкин Д. Е., Разуваев Н. В.</i> Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы	№ 10, с. 17
<i>Баранов Н. А.</i> Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации	№ 10, с. 28
<i>Клычков А. Е., Меркулов П. А.</i> Проблематика конфликта политических партий в условиях конкурентного политического рынка: к вопросу о политическом маркетинге	№ 11, с. 16

- Кучерявый М. М., Минин Е. А.* Стратегические и тактические задачи освоения Арктической зоны Российской Федерации № 11, с. 27
- Малькевич А. А.* От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие № 11, с. 39
- Муратшина К. Г.* Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия № 11, с. 47
- Штриков С. А.* Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества № 11, с. 57
- Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Национально-культурные автономии в системе диалога власти и гражданского общества: коммуникационное измерение процесса нациестроительства в современной России (на примере Приволжского федерального округа) № 12, с. 17
- Баранец С. Н.* Конструирование социально-политической среды местного развития: возможности и ограничения региональной власти № 12, с. 33
- Цинченко Г. М., Орлова И. С.* Проблемы реализации и перспективы развития государственной политики в сфере музейной деятельности на федеральном и региональном уровне № 12, с. 46

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Глиттова Я., Торопыгин А. В.* Перспективы взаимодействия стран Прибалтики и Евразийского экономического союза в контексте евразийского интеграционного процесса № 1, с. 40
- Гибадуллин А. А., Пуляева В. Н., Борталевич С. И.* Повышение эффективности конвергенции государств — членов Евразийского экономического союза № 4, с. 28

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- Гагарина Г. Ю., Мирошников С. Н.* Применение целей устойчивого развития ООН в стратегиях субъектов Российской Федерации № 1, с. 54
- Орлов Е. В.* Функции управления социально-экономическим развитием региона в условиях использования некоммерческой концессии № 1, с. 64
- Андреев М. Ю., Полбин А. В.* Тенденции развития макроэкономических моделей № 2, с. 24
- Запорожан А. Я.* Актуальные вопросы финансовой политики современной России № 2, с. 34
- Куклина Е. А., Коршунова А. А.* Консалтинг как элемент инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства в России № 2, с. 44
- Николаев В. В.* Торгово-экономическое сотрудничество Китая и России как фактор внешней политики двух держав № 2, с. 55
- Шунаев А. М.* Коррупционная угроза на предприятии коммерческого сектора экономики № 2, с. 62
- Исаев А. П., Васильева Т. В.* Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России № 3, с. 41

<i>Мирзиёева С. Ш.</i> Анализ опыта Узбекистана по разработке стратегий развития страны и регионов	№ 3, с. 49
<i>Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В.</i> Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития	№ 4, с. 38
<i>Халин В. Г., Чернова Г. В.</i> Оценка качества управления российским вузом по реализации конкретной цели	№ 4, с. 50
<i>Цацулин А. Н.</i> Рекламные усилия как инструмент конкуренции в рыночной «борьбе» операторов мобильной связи (первая часть)	№ 4, с. 61
<i>Гетман А. Г.</i> Декомпозиция международной цепи поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности	№ 4, с. 78
<i>Иванов Д. Ю., Суслов Е. Ю.</i> Разработка проекта реинжиниринга административных процессов в органах государственной власти	№ 4, с. 89
<i>Запорожан А. Я.</i> К вопросу о реализации национальных проектов	№ 5, с. 18
<i>Большаков С. Н., Васецкий А. А.</i> Оценка эффективности муниципального управления на основе мониторинга стратегических решений социально-экономического развития	№ 5, с. 24
<i>Лапыгин Ю. Н., Лапыгин Д. Ю., Тулинова Д. В.</i> Стратегический консалтинг в регионе	№ 5, с. 35
<i>Горюнова Н. Д., Громов Д. Н., Кузьмин А. Е.</i> Организация внутреннего финансового контроля государственными заказчиками при планировании закупок товаров, работ и услуг	№ 5, с. 42
<i>Кисляков А. Н.</i> Имитационное моделирование оптимальной цены предложения в контрактной системе государственных и муниципальных закупок	№ 5, с. 53
<i>Гришков В. Ф.</i> Имитационное моделирование процесса стратегического управления достижением экономических и научно-исследовательских результатов деятельности инновационной организации	№ 5, с. 63
<i>Кокшарова М. Я., Круглов Д. В., Плотников В. А.</i> Проблемы регулирования региональных рынков труда в России	№ 6, с. 54
<i>Колобова Е. Ю.</i> Развитие российского медиарынка и цифровой разрыв	№ 6, с. 67
<i>Ермишов К. В., Конягина М. Н.</i> Современные подходы к оценке эффективности инновационных проектов в области утилизации газовых выбросов нефтехимических производств	№ 6, с. 79
<i>Рукинов М. В.</i> Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия	№ 6, с. 91
<i>Куклина Е. А.</i> К вопросу об особых правовых режимах в условиях цифровой экономики («регуляторных песочницах»)	№ 7, с. 39
<i>Руденко М. Н., Субботина Ю. Д.</i> Оценка зрелости проектного управления организации	№ 7, с. 50
<i>Ковалев А. А.</i> К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния	№ 7, с. 56
<i>Воронков С. С., Козырев А. А.</i> Развитие продовольственного рынка как фактор повышения региональной конкурентоспособности	№ 7, с. 69

<i>Исаев А. П., Васильева Т. В.</i> Генезис современного информационного общества и основные мировые характеристики	№ 8, с. 19
<i>Вертакова Ю. В., Прокопенко О. С.</i> Моделирование регионального развития с использованием структурного подхода: принципы, инструменты и опыт их применения	№ 8, с. 28
<i>Рахаев Х. М., Тогузаев Т. Х., Гятов А. В.</i> Парадоксы и противоречия теории принятия решений	№ 8, с. 47
<i>Исаев А. П., Васильева Т. В.</i> Теоретические основы формирования интернет-экономики	№ 9, с. 34
<i>Поспелова Е. А., Казакова М. В.</i> Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт	№ 9, с. 43
<i>Александрова Т. В.</i> Развитие корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике	№ 9, с. 55
<i>Казанин А. Г.</i> Перспективы развития нефтегазового сектора экономики Чукотского автономного округа	№ 9, с. 71
<i>Захарова Н. В., Лабудин А. В.</i> Формирование инновационной экономики в Швеции: особенности и перспективы	№ 10, с. 37
<i>Жихарева А. К.</i> Возможные проблемы применения региональных рейтингов	№ 10, с. 49
<i>Жаббаров И. Р.</i> Новые реалии реструктуризации российских компаний	№ 10, с. 61
<i>Закиева Л. Б., Соколов А. Ю.</i> Философия JIT в современных системах управленческого учета затрат и результатов	№ 10, с. 68
<i>Исаев А. П., Васильева Т. В.</i> Практический опыт управления распределенной системой электронного обучения «SPIDER» при подготовке студентов факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС	№ 11, с. 69
<i>Градусова В. Н., Липатова Л. Н.</i> Возможности региона в укреплении экономической безопасности в сфере обеспечения населения продовольствием	№ 11, с. 76
<i>Мирошников С. Н.</i> Применение проектного подхода в рамках системы стратегического планирования регионального развития	№ 11, с. 92
<i>Наружный В. Е., Титов В. А., Оболенская Ю. А.</i> Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы	№ 11, с. 101
<i>Рукинов М. В.</i> Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России	№ 11, с. 113
<i>Сауренко Т. Н., Анисимов Е. Г., Родионова Е. С.</i> Методика оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций	№ 11, с. 120
<i>Версоцкий Р. Р., Куприн А. А.</i> Воздействие научно-технических факторов на развитие инновационных процессов малого бизнеса в системе крупного производства	№ 11, с. 129

<i>Захарова Н. В., Лабудин А. В.</i> Особенности венчурного инвестирования в Великобритании	№ 12, с. 59
<i>Елсуков М. Ю., Маевский А. В., Чеберко Е. Ф.</i> Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность макрорегионов России	№ 12, с. 70
<i>Куклина Е. А., Бабаев Э. А.</i> Цифровая экономика в проекции экономической модели развития: реалии Республики Азербайджан	№ 12, с. 90
<i>Мальцева А.А., Барсукова Н.Е., Ключникова Е.В.</i> Рейтинговая оценка деятельности органов власти субъектов Российской Федерации по сохранению и поддержке родных языков народов Российской Федерации	№ 12, с. 104
<i>Неретина Е. А., Ксенофонтова Х. З.</i> Формирование моделей компетенций менеджеров промышленных компаний в условиях цифровизации экономики	№ 12, с. 123
<i>Леонидова Е. Г.</i> Стратегический подход к развитию туризма в контексте моделирования структурных изменений экономики региона	№ 12, с. 133
<i>Смиренникова Е. В., Уханова А. В., Воронина Л. В.</i> Система моделей для прогнозирования социально-экономического развития регионов Арктической зоны Российской Федерации	№ 12, с. 142
<i>Рукинов М. В.</i> Современная трансформация мировой системы экономических отношений и направления обеспечения экономической безопасности России	№ 12, с. 158
<i>Исаев А. П., Васильева Т. В.</i> О комплексе мер экономической поддержки компаний, продукция которых имеет статус телекоммуникационного оборудования российского происхождения	№ 12, с. 166
ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ	
<i>Ким М. Н.</i> Рекламная кампания как многоэтапный процесс	№ 1, с. 79
<i>Гудожникова Е. В., Булычева Т. В.</i> Современное состояние рынка телекоммуникационных услуг Республики Мордовия	№ 1, с. 88
<i>Соснило А. И., Кунашко А. В.</i> Тесла: новый лидер мирового «бума» продаж электромобилей или новый «биржевой пузырь»?	№ 1, с. 95
<i>Шульженко С. И.</i> Проблемы управления публичным имуществом в Российской Федерации	№ 2, с. 71
<i>Александров В. Б.</i> О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания	№ 3, с. 62
<i>Байер Ю. П.</i> Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики	№ 3, с. 72
<i>Кошелева О. Э., Николаев В. В.</i> Оценка конкурентоспособности российских косметических средств в целях импортозамещения	№ 3, с. 79
<i>Крашенинникова Ю. А.</i> Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ)	№ 3, с. 87

<i>Хлобыстова А. О., Абрамов М. В., Тулупьева Т. В., Тулупьев А. Л.</i> Социальное влияние на пользователя в социальной сети: типы связей в оценке поведенческих рисков, связанных с социоинженерными атаками	№ 3, с. 104
<i>Доан Т. М. Х., Нгуен В. Л.</i> Обучение за рубежом и зарубежные стажировки студентов и специалистов как эффективный стимул повышения уровня развития человеческого капитала в лесной отрасли Вьетнама	№ 3, с. 118
<i>Кавеев К. А.</i> Присяга как фактор обеспечения суверенитета России	№ 4, с. 99
<i>Матвеев А. А.</i> Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России	№ 4, с. 107
<i>Ронжин А. Л.</i> Стратегии «холодного старта» новых академических лабораторий	№ 5, с. 68
<i>Вдовенко Т. В., Ганц Н. В.</i> Досуговая деятельность в политической перспективе	№ 5, с. 80
<i>Меркулов П. А.</i> Распространение идеологии терроризма в молодежной среде: современные реалии и направления противодействия	№ 5, с. 88
<i>Липатова Л. Н., Градусова В. Н.</i> Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период	№ 6, с. 102
<i>Нгуен Дин Тань, Нгуен Цан Тоань, Данг Ань Туейт.</i> Push-pull факторы в исследовании миграции этнических меньшинств Вьетнама	№ 6, с. 114
<i>Беляков С. А., Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю.</i> Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений	№ 7, с. 79
<i>Кугай А. И., Михайлова В. В.</i> «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации	№ 7, с. 90
<i>Григорьев В. Ю., Беляков С. А.</i> Обобщенная методика оценки потенциала развития региона на основе анализа дисбалансов	№ 8, с. 60
<i>Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.</i> Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности	№ 8, с. 70
<i>Ким М. Н.</i> Управленческая структура редакции: функции и назначение	№ 8, с. 85
<i>Фурман Ф. П.</i> Восприятие человека и антропологическая идеология в развитии философской мысли	№ 8, с. 94
<i>Ковалев А. А.</i> Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления	№ 8, с. 100
<i>Сидоренко С. А.</i> Роль психодиагностики в управленческом общении при подготовке специалистов в области права	№ 9, с. 75
<i>Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.</i> Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности	№ 9, с. 87
<i>Фурман Ф. П.</i> Технологические общества как основания для социально-политических изменений в философском дискурсе	№ 9, с. 98
<i>Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.</i> Формирование имиджа России медиаканалами: пример измерения	№ 11, с. 135
<i>Григорьев В. Ю.</i> Оценка и анализ образования: что оцениваем?	№ 11, с. 145

<i>Рябоконе М. С., Скуйбин Б. Г., Щеглов Д. К.</i> Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений	№ 11, с. 155
<i>Чугунов А. В., Карачай В. А.</i> Электронное участие и инициативное бюджетирование как механизмы обратной связи в модели «умного города»	№ 11, с. 163
<i>Филатова О. Г.</i> Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований	№ 11, с. 180
<i>Абрамов А. С., Дмитриев А. А.</i> Перспективные технологии совершенствования операций и проведения контроля и их влияние на развитие сервисно-ориентированной деятельности таможенных органов Российской Федерации	№ 12, с. 175
<i>Коваленко В. Д.</i> День Победы и православная Пасха: отражение праздников в медиа властных органов	№ 12, с. 182
<i>Ушкин С. Г.</i> Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации	№ 12, с. 191

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Гриднев В. П.</i> Защищая Ленинград (1941–1944 гг.)	№ 5, с. 95
<i>Александров В. Б.</i> Рабство как форма человеческого бытия (видение античных авторов в свете идей русских философов)	№ 6, с. 121
<i>Гриднев В. П.</i> Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском. Часть 1	№ 6, с. 131
<i>Гриднев В. П.</i> Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском. Часть 2	№ 7, с. 100
<i>Гриднев В. П.</i> Деятельность органов власти в период подготовки и проведения Курской битвы	№ 8, с. 116
<i>Александров В. Б.</i> О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека	№ 10, с. 81

A LINEA

<i>Иванников Н. С.</i> Об эффективности проекта ФАО «Наращивание потенциала в области продовольственной безопасности»	№ 1, с. 104
<i>Брахима Траоре.</i> Стратегии телекоммуникационных транснациональных корпораций в странах Африки южнее Сахары	№ 1, с. 111
<i>Иванников Н. С.</i> Особенности деятельности ФАО в геополитических условиях современности	№ 2, с. 89
<i>Хабекова М. К.</i> Обзор и систематизация теоретических подходов к процессам формирования и развития финансовых инноваций	№ 2, с. 96
<i>Гусейнов С. А.</i> Перспективы государственно-частного партнерства в развитии отрасли электроснабжения на основе экологических и интеллектуальных технологий	№ 3, с. 127
<i>Колмыков А.</i> Управление международной компанией в виртуальном пространстве	№ 3, с. 138
<i>Белов Л. П.</i> Сильное государство: к построению теоретической модели	№ 4, с. 114

<i>Попов Ф. К., Палий К. Р.</i> Проблемы и перспективы организации и развития государственной политики в сфере физической культуры и спорта на уровне Российской Федерации и г. Санкт-Петербурга	№ 4, с. 123
<i>Седлиньш Э. М.</i> Исследование проблем языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в Санкт-Петербурге	№ 4, с. 132
<i>Суровцева Т. Г., Андреев И. А.</i> Применение бережливых и информационно-логистических технологий в условиях ресурсных ограничений ОПК	№ 4, с. 141
<i>Федотов В. А.</i> Обеспечение конкурентоспособности в условиях плановой системы хозяйствования	№ 4, с. 154
<i>Артамонов А. С.</i> Перспективные решения в сфере мотивации персонала в цифровой экономике	№ 5, с. 105
<i>Греков И. В.</i> Совершенствование качества таможенных услуг и таможенного контроля товаров, перемещаемых физическими лицами для личного пользования в воздушных пунктах пропуска	№ 5, с. 114
<i>Егорова А. В.</i> Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России	№ 5, с. 121
<i>Знаменщиков А. О.</i> Севастополь: особенности местного самоуправления в рамках города федерального значения	№ 5, с. 131
<i>Палий К. Р.</i> К вопросу о государственно-частном партнерстве в сфере охраны объектов культурного наследия Санкт-Петербурга	№ 5, с. 140
<i>Шалашова О. Н.</i> Инструменты влияния системообразующих политических партий на повышение легитимности избирательного процесса в России	№ 5, с. 151
<i>Рукавишников Д. С.</i> Компетентностный метод формирования проектной и интеграционной команд при реализации сделки слияния в банковском секторе	№ 6, с. 140
<i>Аюшеева Д. А.</i> Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности	№ 6, с. 147
<i>Бойко Е. И.</i> Отражение культурной политики в бизнесе на примере Австрии	№ 6, с. 154
<i>Версоцкий Р. Р.</i> Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России	№ 7, с. 108
<i>Саблина Ю. В.</i> Евразийская стратегия в политике современной России	№ 7, с. 115
<i>Захаренко Г. А.</i> Оценка вклада работы «горячих линий» в развитие коммуникационных каналов между органами государственной власти и институтами гражданского общества	№ 8, с. 127
<i>Ковалева М. Ш.</i> Перспективы развития российского федерализма	№ 8, с. 136
<i>Вселенская И. В.</i> Характерные риски сделки слияния и поглощения	№ 9, с. 106
<i>Казанцев Д. А.</i> Тенденции влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионах	№ 9, с. 121
<i>Мицеловская О. С.</i> К проблеме оценки эффективности инновационных проектов: современное состояние и перспективы развития	№ 9, с. 132

- Версоцкий Р. Р.* Малое и среднее предпринимательство и его роль в рыночной экономике России № 10, с. 92
- Знаменщиков А. О.* Республика Крым и Севастополь: первые итоги реализации государственных программ в экономической и социальной сферах № 10, с. 100
- Захаренко Г. А.* Роль коммуникационных каналов в проведении процедуры аккредитации медицинских специалистов № 11, с. 193
- Дудовцева Ю.В.* Рынок гериатрических услуг: использование мирового опыта в российской практике № 12, с. 202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Книжные новинки с. 119, № 1
- Юзбеков З. К., Амиров Р. А.* КВИНТэссенция стратегии. К юбилею академика В. Л. Квинта № 2, с. 104
- Межевич Н. М., Болотов Д. А.* Новая капитальная монография о российском пограничье (рецензия на книгу «Российское пограничье: вызовы соседства») № 7, с. 122
- Карнаух В. К.* Новая технологическая революция. Рецензия на книгу К. Шваба, Н. Дэвиса «Технологии четвертой промышленной революции» № 8, с. 144
- Межевич Н. М.* Рецензия на книгу «Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов» № 8, с. 151
- Степанов А. В.* Рецензия на книгу А. Ф. Измайлова «Куда бредут „Троянский конь“ и „пятая колонна“...». Очерки о борьбе с профашистскими группами в битве за Ленинград в 1941–1944 гг. № 12, с. 201
- Магомедбеков Г. У., Амиров Р. А.* Подготовка управленческих кадров в Республике Дагестан в условиях современных вызовов (к 5-летию создания факультета управления Дагестанского государственного университета) № 12, с. 216
- Мерешкин Д. Е., Матвеев И. А., Агафонов Ю.Г.* О конференции «Оценка регулирующего воздействия: как изменить закон, опыт и практики» № 12, с. 221

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 1 (133)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.01.2020.
Подписано к печати 15.01.2020.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,38. Тираж 200 экз.
Заказ № 1/20.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97